

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XX ВЕКА

Л. В. Выходков

**«АРАКЧЕЕВСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ»:
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
РОССИИ В 1815–1825 ГГ.**

Учебно-методическое пособие

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

ББК 63.3(2)47

В 93

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. Ю. В. Тот;

д-р ист. наук, проф. М. Ф. Флоринский

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета*

Санкт-Петербургского государственного университета

Высочков Л. В.

В 93 «Аракчеевское десятилетие»: Внутренняя и внешняя политика России в 1815–1825 гг.: Учебно-методическое пособие. СПб, 2011. — 155 с.

Учебно-методическое пособие является продолжением пособия «Дней Александровых прекрасное начало...» (СПб., 2010) и освещает основные проблемы внутренней и внешней политики России послевоенного десятилетия 1815–1825 гг. Автор рассматривает эволюцию взглядов Александра I, попытки реформ в первые годы после Отечественной войны 1812 года, социально-экономическое развитие России, создание военных поселений, народные движения, политику в области просвещения и цензуры, причины создания Министерства духовных дел и народного просвещения (1817–1824). Особо рассмотрены причины изменения политики правительства в 1820 году в связи с угрозой, как считал император, всевропейского заговора революционеров, установление всевластия А. А. Аракчеева в 1824 году, а также – последний год жизни Александра I и его кончина в Таганроге. Предлагаемые контрольные вопросы и список основных источников и литературы призваны помочь при написании курсовых работ и подготовке к экзаменам.

Рекомендуется для студентов исторических факультетов, изучающих курс истории России.

ББК 63.3(2)47

© Высочков Л. В., 2011

© Исторический факультет

С.-Петербургского университета, 2011

Введение

Хорошо известные строки стихотворения князя Петра Андреевича Вяземского, посвященные Александру I, остаются актуальными и поныне:

Сфинкс, не разгаданный до гроба, —
О нем и ныне спорят вновь;
В любви его роптала злоба,
И в злобе теплилась любовь.

К проблеме эволюции правительственной политики Александра I в послевоенный период

В рамках общей периодизации александровского царствования традиционно разделение на периоды до и после 1812 г., которые условно можно назвать «Дней Александровых прекрасное начало» и «аракчеевское десятилетие». Любые обобщения и любая классификация условны. В современной историографии выделяются и более дробные периоды, отражающие динамику внутренней и внешней политики. Как отмечалось в ранее опубликованном пособии «Дней Александровых прекрасное начало»¹, в послевоенный период царствования Александра I можно выделить два периода. Дискуссионной остается лишь конкретная хронологическая грань между этими двумя периодами. В прежнем пособии автор этих строк в соответствии с историографической традицией определил первый период как период международных конгрессов и новых ожиданий русского общества — 1816–1818 гг., а второй период — 1819–1825 гг. как период вполне определившейся реакции в правящих сферах, начала общественного движения с политическими идеалами («декабристы»). Но эта разделительная дата нуждается в коррекции. С учетом современных исследований, вероятно, рубежным между двумя периодами был все же 1820 год.

---

¹ Выходков Л. В. «Дней Александровых прекрасное начало...»: Внутренняя и внешняя политика Александра I (1801–1811). СПб., 2006.

Исследователь правительственной политики и общественного мнения в России Т. В. Андреева справедливо констатирует: «Александровская эпоха — драматический период российской истории, когда совершенно четко обозначилась альтернатива между самодержавно-крепостническим строем и новыми, более совершенными формами государственного и общественного строя Российской империи. В этой связи вопрос о том, является ли политическая концепция Александра I на протяжении всего царствования постоянной системой, имевшей внутреннюю логику и обдуманный замысел, применительно к данной теме является приоритетным»². Рассмотрим внутреннюю и внешнюю политику данного периода на фоне социально-экономического развития России. Тема собственно общественно-политической мысли и дворянской конспирации («декабризм») заслуживает в дальнейшем специального обзора в последующем пособии.

Подтверждением того, что Александр I в послевоенное время все же вернулся к преобразовательным замыслам, по мнению Т. А. Андреевой, «служат записки-проекты, сохранившиеся в бумагах императора и после его смерти, переданные в Комитет 6 декабря»³. Но в основном «всеподданнейшие записки» А. А. Аракчеева, И. В. Васильчикова, Д. А. Гурьева, Е. Ф. Канкрин, Н. М. Мордвинова относятся к 1816–1819 гг. В это время Александр I иногда еще вспоминал о своей «конституционной дипломатии». Выступая в Варшаве на открытии Польского Сейма 15 марта 1818 г., Александр I заявил о своем намерении «дать благотворное конституционное правление всем народам, Провидением мне вверенным». Речь Александра I была опубликована в том же году в издании «Дух журналов» (1818. № 14. С. 96–102). Дворянское общество отреагировало на эту речь крайне негативно (см. ниже: «Сожженная конституция»).

Период второй половины 1815/1816–1820 гг. — это период, когда Александр I не отказался от планов провести либеральные реформы в России «сверху», но его взгляды и намерения были неустойчивыми и противоречивыми: он хотел и боялся, снова хотел и снова боялся. Он придавал большое значение внешнеполитическому фактору, который в конечном итоге определил изменение внутриполитического курса в 1820 г. Противоречивость курса до 1820 г., колебания между либерализмом и консерватизмом сменились в 1820 г.

² Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 390.

³ Там же. С. 442.

охранительными консервативными тенденциями со всеми внешними признаками реакции. Если предвоенный период царствования Александра I прошел преимущественно под знаком М. М. Сперанского, то в послевоенный период его определяли две политические фигуры — А. Н. Голицын и А. А. Аракчеев. Первое время они делили между собой главные роли, но, пожалуй, роль Голицына при Дворе была более значима. «Он был человеком набожным и мистиком», как характеризовал его граф В. А. Соллогуб⁴. Однако, как и Александр I, таким он стал не сразу.

Расположение к Голицыну отвечало изменившемуся мировоззрению императора после войны, ставшему очень религиозным человеком. Будущая императрица, тогда великая княгиня Александра Федоровна (супруга великого князя Николая Павловича), вспоминая о первых годах пребывания в России (1817–1820 гг.), делилась своими впечатлениями о Голицыне: «Другую личностью, пользовавшеюся особой милостью и дружбою императора Александра, был князь Александр Николаевич Голицын. Проведя молодость бурно, он отличался впоследствии особой набожностью. Таково же было и настроение императора... Кроме того, с князем Голицыным императора связывала с молодых лет давнишняя дружба; князь состоял камергером при его Дворе, когда Александр был еще только великим князем, и первый питал ко второму вполне искреннюю и непреходящую привязанность. Я чувствовала себя приятнее в обществе Голицына, нежели Аракчеева, который говорил только по-русски и внушал мне какой-то инстинктивный страх»⁵.

Об Аракчееве Александра Федоровна добавляла: «В это время Аракчеев был самым главным советником при Императоре. Он был необходим ему и работал с ним ежедневно. Через его руки проходили все почти все дела. Этого человека боялись, его никто не любил, и я никогда не могла понять, каким способом он сумел удерживаться в милости у Императора Александра до самой его кончины»⁶. Строго говоря, Аракчеев стал всесильным только после отставки с поста министра Голицына в 1824 г., поэтому название «Аракчеевское

---

⁴ *Соллогуб В. А.* Воспоминания // Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 44.

⁵ *Александра Федоровна.* Воспоминания 1817–1820 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 140–164. — В разделе: Из альбомов императрицы Александры Федоровны. С. 125, 152.

⁶ Там же. С. 151.

десятилетие» достаточно условно. Скорее это дань историографической традиции.

Обращаясь к учебникам и учебным пособиям (а их ныне великое множество), можно дать совет пользоваться несколькими учебниками, дополняющими друг друга. Из дореволюционных учебников рекомендуем апробированные накануне революции учебники С. Ф. Платонова⁷ и А. А. Корнилова⁸. К лучшим пособиям советского времени по данному периоду принадлежат лекции⁹ и очерки¹⁰ покойного профессора нашего факультета С. Б. Окуня. Коллективом московских историков во главе с А. Н. Сахаровым был создан новейший учебник по всему дореволюционному периоду¹¹, а петербургским историком Ю. Е. Кондаковым — по первой половине XIX в.¹² Особо следует выделить учебные пособия преподавателей нашего факультета. Во-первых, это учебник «Отечественная история (до 1917 года)» (А. И. Дворниченко, С. Г. Кашенко, М. Ф. Флоринский)¹³; во-вторых, фундаментальное учебное пособие А. Ю. Дворниченко «Российская история с древнейших времен до падения самодержавия», выдержанное в обзорно-аналитическом ключе с обширными историографическими справками¹⁴. Более конкретному, но важнейшему вопросу, «Правительство и общество при Александре I» посвящено учебное пособие Т. Н. Жуковской, опубликованное в Петрозаводске в 2003 г. Отметим также пособие саратовского историка В. С. Парсамова¹⁵,

---

⁷ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории / Вступ. ст. А. Н. Фукса. М., 1993.

⁸ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века / Вступ. ст. А. А. Левандовского. М., 1993; М., 2004.

⁹ Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Ч. II. 1812–1825. Л., 1978.

¹⁰ Окунь С. Б. Очерки истории СССР: Конец XVIII – первая четверть XIX века. Л., 1956.

¹¹ Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А. История России с древних времен до наших дней: Учеб. пособие. М., 2008.

¹² Кондаков Ю. Е. Российская империя в первой половине XIX века: Учебно-методическое пособие. СПб., 2003.

¹³ Отечественная история (до 1917 года): Учеб. пособие по курсу «Отечественная история» для вузов / А. Ю. Дворниченко, С. Г. Кашенко, М. Ф. Флоринский. М., 2002.

¹⁴ Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия: Учеб. пособие. М., 2010. Гл. 19–21.

¹⁵ Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: Из истории религиозных идей александровской эпохи: Пособие по спецкурсу для студентов исторического факультета. Саратов, 2004.

посвященное религиозным идеям александровской эпохи, и пособие упоминавшегося Ю. Е. Кондакова с обзором церковных реформ в России на протяжении четырех веков, включая первую четверть XIX в.¹⁶ Учебное пособие профессора исторического факультета СПбГУ В. С. Брачева носит заглавие «Масоны и власть в России»¹⁷.

Историография

Продолжается публикация новых и переиздание ранее опубликованных источников, в том числе личного происхождения¹⁸.

Монографии, посвященные Александру I и его царствованию, были проанализированы автором этих строк в предшествующем учебном пособии «Дней Александровых прекрасное начало». Обобщающих работ по послевоенному десятилетию царствования Александра I не так уж много. Прежде всего, следует отметить переиздание работ дореволюционного историка Н. Ф. Дубровина, одним из первых получившего возможность работать в секретном Государственном архиве Российской империи. Он подготовил основанные на архивных документах работы, посвященные «русской жизни» «после Отечественной войны 1812 года» (выходившие очерками в 1903–1904 гг.)¹⁹ и «Наши мистики-сектанты» (статьи, публиковавшиеся в 1894–1896 гг.)²⁰.

Можно сказать, что в 1990-х годах вновь выделился почти забытый жанр исторической биографии, преобладающей чертой которого является внимание к личности императоров, в данном случае Александра I. **Эти работы в основном были проанализированы в предшествующем пособии «Дней Александровых прекрасное начало»**

---

¹⁶ Кондаков Ю. Е. «Русская симфония» — четыре века испытания на прочность (Государственная власть и церковные реформы в России XVI–XIX веков). СПб., 2006.

¹⁷ Брачев В. С. Масоны и власть в России (XVIII – первая четверть XIX вв.): Учеб. пособие. СПб., 2000.

¹⁸ Державный сфинкс: [Сб. воспоминаний о времени царствования императора Александра I] / Сост. А. А. Либерман, В. Наумов, С. Шокарев. М., 1999.

¹⁹ Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века) // Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты / Изд. подгот. П. В. Ильин. СПб., 2009.

²⁰ Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты // Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты. СПб., 2009. С. 245–600.

(Н. Г. Устрялов, М. И. Богданович, А. Д. Градовский, Н. К. Шильдер, великий князь Николай Михайлович, М. Н. Покровский, С. Б. Окунь, М. М. Сафонов, А. Архангельский и др.). Последнее время интерес вызывали обстоятельства, связанные с болезнью и неожиданной кончиной Александра I в Таганроге. Эти темы исследуются в работах историка Т. В. Андреевой²¹, судебно-медицинского эксперта Ю. Молина²² и др.

В 2001 г. московской исследовательницей Делярой Исмаил-Заде-кызы была опубликована монография об императрице Елизавете Алексеевне, посвященная ее единственному роману с кавалергардом А. Я. Охотниковым²³. Эту тему удачно дополняет основанная на архивных документах статья сотрудницы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) О. В. Эдельман²⁴.

К историко-биографическому жанру обратился ныне покойный профессор Московского университета В. А. Федоров, написавший монографию о М. М. Сперанском и А. А. Аракчееве, а также их сложных взаимоотношениях²⁵. В 2003 г. в серии ЖЗЛ вышла документированная работа А. Томсинова об А. А. Аракчееве²⁶. О нем же написал свою монографию английский историк М. Дженкинс, опубликованную в 2004 г.²⁷ Американская исследовательница Цинтия Виттекер посвятила монографию С. С. Уварову, начинавшему свою деятельность при Александре I²⁸. Молодой историк О. Любезников подготовил исследование о старшем из «молодых друзей» Александра I — представителе имперской власти в Польше Н. Н. Новосильцове²⁹.

---

²¹ Андреева Т. В. 1) Александр I: 1825 год // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб., 1997. Вып. 1. С. 63–85; 2) Александр I // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. II. Деятельный век. Кн. 1. А–В. СПб., 2003. С. 51–63.

²² Молин Ю. Романовы: Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002.

²³ Исмаил-Заде, Деляра кызы. Императрица Елизавета Алексеевна: Единственный роман императрицы. М., 2001.

²⁴ Эдельман О. В. Императрица Елизавета Алексеевна и кавалергард Алексей Охотников // Отечественная история. 2007. № 2. С. 169–179.

²⁵ Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997.

²⁶ Томсинов В. Аракчеев. М., 2003.

²⁷ Дженкинс М. Аракчеев. Реформатор-реакционер. М., 2004.

²⁸ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров. Уваров и его время / Пер. с англ. СПб., 1999.

²⁹ Любезников О. Государственный деятель Николай Новосильцов (К постановке проблемы историко-биографического исследования) // Российское

В период 2003–2006 гг. М. В. Горностаевым и А. О. Мещеряковой были защищены кандидатские диссертации, посвященные Ф. В. Ростопчину. Опубликованная затем в 2007 г. монография А. О. Мещеряковой остается наиболее значимым трудом, освещающим все аспекты деятельности представителя консервативного лагеря Ф. В. Ростопчина³⁰. Выдающимся личностям Александровского царствования посвятил свои историко-биографические очерки философ С. А. Экштут³¹.

Планы правительственных реформ в первой половине XIX в. были подвергнуты анализу в работах С. В. Мироненко³², А. Н. Медушевского³³ и П. В. Акульшина³⁴, Н. В. Коршуновой³⁵. Вторым изданием в 2007 г. вышел коллективный труд «Власть и реформы», в котором историк А. Н. Цамутали проанализировал начало кризиса империи с эпохи самодержавия Александра I³⁶.

Но наиболее полно этот вопрос был исследован в последней капитальной монографии петербургского историка Т. В. Андреевой. Достоинством обобщающей монографии Т. В. Андреевой³⁷ по теме ее докторской диссертации (одним из оппонентов которой был С. В. Мироненко) является параллельное рассмотрение задуманных реформ правительством и планов тайных обществ в России первой

дворянство (XII – начало XX века): Сб. материалов конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 3–5 мая 2007 г. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 131–135.

³⁰ Мещерякова А. О. Ф. В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. М.: Воронеж, 2007.

³¹ Экштут С. А. В поисках исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994.

³² Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

³³ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. Ч. 3. Гл. 9. С. 308–326.

³⁴ Акульшин П. В. П. А. Вяземский: Власть и общество в дореформенной России. М., 2001.

³⁵ Коршунова Н. В. «Либеральная диктатура» Александра I: Реформы в России в первой четверти XIX века. М., 2002.

³⁶ Цамутали А. Н. Начало кризиса империи. Самодержавие Александра I и Николая I. Гл. 2. Проекты реформ после войны 1812–1813 гг. // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 231–251. (2-е изд. СПб., 2007).

³⁷ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

трети XIX в. Эта же монография подводит итоги изучению декабристского движения в России (в данном пособии не рассматриваемого).

В 2007 г. была защищена кандидатская диссертация и опубликована монография ученика Н. И. Цимбаева К. С. Чернова, посвященная «забытой конституции» Н. Н. Новосильцова³⁸. Достоинство этой работы заключается в тщательном источниковедческом анализе. Выводы К. С. Чернова весьма оригинальны; он считает, что сколько-нибудь серьезно говорить о значении конституционного проекта не приходится, так как в основном все, как и ранее, сводилось к проекту административных реформ и выстраиванию очередной вертикали власти.

Активно изучаются государственный строй и государственные учреждения Российской империи рассматриваемого периода. Помимо классических работ Н. П. Ерошкина³⁹, среди исследований последнего десятилетия, посвященных аппарату власти, выделяется монография Л. Е. Шепелева⁴⁰. Были защищены кандидатские диссертации, объектом исследования которых стали Государственный совет⁴¹, министерство полиции в кратковременный период его существования⁴² и местная полиция⁴³.

Проблема реформ уездной полиции в XIX в. проанализирована в монографии (по материалам докторской диссертации) Ю. В. То-та⁴⁴. Финский историк П. С. Мустонен посвятил свою монографию

---

³⁸ Чернов К. С. 1) Забытая Конституция («Государственная Уставная Грамота Российской Империи»). М., 2007; 2) «Государственная Уставная Грамота Российской империи» (К вопросу о российском конституционализме): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

³⁹ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). М., 1981.

⁴⁰ Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России: Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007.

⁴¹ Морозов А. В. Государственный совет в структуре государственной власти Российской империи (первая половина XIX в.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сев.-Зап. акад. гос. службы. СПб., 2001.

⁴² Карпов В. Ю. Министерство полиции в правоохранительной системе России (1810–1819 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

⁴³ Борисов А. В. Полиция в самодержавной России в первой четверти XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

⁴⁴ Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб., 2002.

деятельности Собственной Его Императорского Величества канцелярии в первой половине XIX в.⁴⁵

По сравнению с предшествующим периодом⁴⁶, вопросы социально-экономической истории изучаются менее интенсивно. Развитию промышленности в крепостной России (включая рассматриваемый период) посвящена коллективная монография С. И. Сметанина и М. В. Конотопова⁴⁷. Наиболее проблемные и фундаментальные работы принадлежат известному петербургскому историку Б. Н. Миронову⁴⁸.

Хотя крестьянский вопрос был стержневым вопросом социально-экономической жизни России дореформенного периода, полной картины того, как воспринимало его русское общество, нет, несмотря на то что существуют капитальные работы дореволюционного историка В. И. Семевского⁴⁹, ряда советских (А. Г. Болебрух)⁵⁰ и современных историков, начинавших свои исследования в предшествующий период (С. В. Мироненко)⁵¹.

В контексте общей военной и военно-морской истории изучаются армия и флот (историография Отечественной войны 1812 года и зарубежных походов русской армии освещена в готовящемся к изданию учебном пособии Л. В. Выскочкова «Гроза двенадцатого

---

⁴⁵ *Мустонен П. С.* Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858 гг.: К типологии основ имперского управления [Saarigärvi Gummeris Kirjapaino Oy, 1998].

⁴⁶ *Дружинина Е. И.* Южная Украина. 1800–1825 гг. М., 1970; История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма / Отв. ред. М. Б. Свердлов. СПб., 1994; *Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982; *Кабузан В. М.* Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992; *Неупокоев В. И.* Государственные повинности крестьян европейской России в конце XVIII – начале XIX века. М., 1987.

⁴⁷ *Сметанин С. И., Конотопов М. В.* Развитие промышленности в крепостной России. М., 2000.

⁴⁸ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. М., 2003.

⁴⁹ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: В 2 т. СПб., 1888.

⁵⁰ *Болебрух А. Г.* Крестьянский вопрос в передовой общественной мысли России (конец XVIII – первая половина XIX в): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988.

⁵¹ *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990.

года»). В ряде исследовательских работ (в том числе диссертационных) рассматриваются проблемы, связанные с Кавказом, включая начальный период Кавказской войны⁵². Северному Кавказу периода «проконсульства» А. П. Ермолова посвящена монография Ш. А. Гапурова⁵³.

Как часть истории армии разрабатывается тема военных поселений в России, в том числе в масштабах отдельных регионов. Исследования А. С. Тургаева⁵⁴, посвященные военным поселениям и крестьянам Северо-Запада России, логично завершились изданием в 2000 г. монографии. В. А. Ананьев⁵⁵ в рамках общей темы проанализировал вопрос о кантонистах. Многолетние исследования К. М. Ячменихина привели к изданию в ближнем зарубежье (Чернигов) монографии, в которой военные поселения в политике самодержавия рассматриваются в контексте общих реформ армии⁵⁶. Издание этой книги, как и работ ряда других авторов, несколько корректируют наши представления о военных поселениях. В настоящее время отмечается и положительное значение военных поселений для России, их большая эффективность по сравнению с другими формами хозяйства и нереализованный полностью потенциал.

Крестьянские, солдатские и в целом народные движения также перестали обращать на себя столь пристальное внимание, как в предшествующие периоды, которые были темой довоенной исследовательницы И. Игнатович⁵⁷, позднее — В. А. Федорова⁵⁸, В. В. Лапина⁵⁹ и других историков.

---

⁵² Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1994; Садов Ю. В. Военная и государственная деятельность генерала А. П. Ермолова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006; Лапин В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.

⁵³ Гапуров Ш. А. Северный Кавказ в период «проконсульства» А. П. Ермолова (181–1827). Нальчик, 2003.

⁵⁴ Тургаев А. С. Военные поселения и крестьянство Северо-Запада России в 1816–1857 гг. СПб., 2000.

⁵⁵ Ананьев В. А. Военные поселения в России (1810–1857 гг.) / Военная академия тыла и транспорта. Л., 1989.

⁵⁶ Ячменихин К. М. Армия и реформы: Военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006.

⁵⁷ Игнатович И. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М., 1937.

⁵⁸ Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России, 1800–1860 (По материалам центрально-промышленных губерний). М., 1980.

⁵⁹ Лапин В. В. Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. Л., 1991.

Различные вопросы государственной идеологии и русского консерватизма рассматриваются в монографиях А. Л. Зорина⁶⁰ и Р. Г. Эймонтовой⁶¹. В последние годы пристальное внимание уделяется общественной мысли в России первой половины XIX в. В 2009 г. вышла монография В. Н. Шульгина, в которой подняты многие спорные вопросы, связанные с переоценкой взглядов выдающихся деятелей русской культуры, традиционно относившихся к лагерю «либералов». По мнению автора, это «свободные консерваторы», выступавшие за реформы России (в противовес консерваторам-охранителям правительственного лагеря). Выявление «двух консерватизмов» в истории общественной мысли, несомненно, является важным и принципиальным наблюдением автора. Истинный консерватизм, основанный на православии, В. Н. Шульгин, в свою очередь, противопоставляет европейскому либерализму и революционному радикализму. В терминологии других авторов — это «просвещенная бюрократия», или «просвещенные консерваторы». К «свободным консерваторам», начинавшим свою общественную деятельность при Александре I, В. Н. Шульгин отнес Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Ф. И. Тютчева и П. А. Вяземского⁶². Взгляды П. А. Вяземского были проанализированы в упоминавшейся выше монографии П. В. Акулишина. Опубликована также книга о политическом консерватизме историка М. П. Погодина⁶³.

Религиозная политика самодержавия первой четверти XIX в. стала предметом пристального внимания многих современных историков. Среди работ, непосредственно посвященных религиозной политике александровской России, следует отметить исследования Е. А. Вишленковой⁶⁴. Либеральное и консервативное направления

---

⁶⁰ Зорин А. Л. «Кормя двуглавого орла»: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004.

⁶¹ Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. М., 2000.

⁶² Шульгин В. Н. 1) Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб., 2009; 2) Русский свободный консерватизм первой половины XIX века: Преемственность и развитие. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010.

⁶³ Ширянец А. А. Русский хранитель: Политический консерватизм М. П. Погодина. М., 2008.

⁶⁴ Вишленкова Е. А. 1) Религиозная политика: Официальный курс и общественное мнение Александровской России. Казань, 1997; 2) Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России в первой четверти XIX века. Саратов, 2002.

в религиозных движениях России первой четверти XIX в. давно стали предметом изучения петербургского историка Ю.Е. Кондакова⁶⁵. Опубликованы работы, непосредственно посвященные истории русской православной церкви. Также представлен историко-биографический жанр — исследования, посвященные архимандриту Фотию⁶⁶ и московскому митрополиту Филарету (Дроздову)⁶⁷. Среди работ, анализирующих статус других конфессий, следует отметить работы владимирского историка А.К. Тихонова, завершившиеся в 2008 г. монографией⁶⁸.

Всесторонне, по сравнению с предшествующим периодом, разрабатывается история внешней политики России. Это характеристика взглядов Александра I по проблемам внешней политики и его «европейской идеи»⁶⁹, общие очерки внешней политики⁷⁰ и геополитические аспекты внешней политики империи⁷¹, история дипломатии⁷², отдельные направления внешней политики России, в частности, русско-французские отношения⁷³.

---

⁶⁵ Кондаков Ю.Е. 1) Государство и православная церковь в России: Эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003; 2) Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях России первой четверти XIX века. СПб., 2005.

⁶⁶ Кондаков Ю.Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000.

⁶⁷ Журавлева О.М. Епархиальная практика и церковно-государственная деятельность московского митрополита Филарета (Дроздова). 1821–1867 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

⁶⁸ Тихонов А.К. (Андрей Константинович). Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. 2-е изд. СПб., 2008. Гл. 2.

⁶⁹ Орлик О.В. Государственные люди России первой половины XIX века: Пути и судьбы. М., 2000. С. 45–87.

⁷⁰ История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999.

⁷¹ Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). 2-е изд., испр. СПб., 2005.

⁷² Гончарова Т.Н. Французская дипломатическая и консульская служба в России (1814–1818): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

⁷³ Жидкова О.В. Русско-французские отношения в 20–30-е гг. XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

Тема 1

«Сфинкс, не разгаданный до гроба...» Новый образ императора

«Муж твердый в бедствиях и скромный победитель!»: Александр I

Заключив 18 (30) марта 1814 г. мир с Францией, Александр I в тот же день подписал в Париже пространный манифест, в котором было много хороших и красивых слов: «Тысяча восемьсот двенадцатый год, тяжкими ранами, принятыми на грудь отечества нашего, для низложения коварных замыслов властолюбивого врага, вознес Россию наверх славы, явил перед лицом вселенной в величие ее, положил основания свободы народов... Чувство рабства незнаемо сердцу россиянина. Никогда не преклонит он главы перед властью чуждою»¹.

По случаю праздника Москва была иллюминирована и украшена эмблематическими картинами. У Калужских ворот дворянство устроило праздник. Был водружен бюст Александра I, на пьедестале которого красовались строки стихов князя П. А. Вяземского:

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель!
Какой венец ему? Какой алтарь?
Вселенная! пади пред ним: он твой спаситель;
Россия, им гордись: он сын твой, он твой царь!²

По словам Ф.Ф. Вигеля, «до 1812 года дворянство было недовольно Александром и роптало на него, после же взятия Парижа никто без восторга не произносил его имени»³. В новом амплуа победителя «исчадия ада» Александр I мог не оглядываться на консервативных сподвижников и вести себя в соответствии с принципами, которые оставались в своей основе либеральными и космополитическими⁴.

---

¹ ПСЗ РИ. 1-е собр. Т. XXXII. № 25586.

² Цит. по: *Дубровин Н. Ф.* После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века) // *Дубровин Н. Ф.* После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты / Изд. подгот. П. В. Ильин. СПб., 2009. С. 28.

³ Цит. по: *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 415.

⁴ *Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России в первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 165.

Вернувшись в Россию, император вел себя подчеркнуто скромно. Он официально отказался от титула Благоденствующего, постановки ему при жизни памятника и медали в его честь. По пути в Санкт-Петербург он запрещал и парадные встречи. Позднее такое предписание было направлено и губернаторам внутренних губерний. В одиннадцать часов вечера 12 (24) июля 1814 г. Александр прибыл в Павловск, где встретился с матерью — вдовствующей императрицей Марией Федоровной.

После свидания он несколько часов отдыхал в Царском Селе, а в 7 часа утра 13 (25) июля случайные прохожие увидели на Невском проспекте коляску императора в четыре лошади, остановившуюся у Казанской церкви. Отслушав молебен, он отправился к себе, то есть в Каменноостровский дворец, и только тогда собравшийся народ последовал за коляской с криками «ура!». Прошло всего два года после молчаливого «царского дня» 1812 года, когда в тяжкие дни отступления русской армии народ молча встретил императора у ступеней храма.

В течение непродолжительного времени последовали многие распоряжения. Новые полномочия получил Комитет министров, а Государственный совет, как и накануне 1812 г., вновь оставался в небытии. В манифесте в день тезоименитства 30 августа в ознаменование заслуг сословий были пожалованы: духовенству — особо учрежденный крест для ношения на груди с надписью «1812 год»; воинству — особая медаль с обозначением на ней года и числа вступления в Париж (впрочем, выбитая тогда медаль была выдана только при Николае I в 1826 г.).

Были награждены медалями также главы дворянских семей, а разоренному дворянству рекомендовалось «воздержанность от роскоши — матери пороков, и хозяйственное домостроительство, источник изобилия, спокойствия и чистоты». Купечеству объявлялись благоволение и благодарность, обещано было наградить отличившихся купцов (пожаловавших не менее десятой части своего капитала, принявших в свой дом на излечение раненых) особой бронзовой медалью, на ленте ордена Св. Анны. Медали эти носились в петлице на левой стороне груди. В конце манифеста объявлялись льготы в прощении недоимок и казенных взысканий жителям разоренных губерний. Крестьяне, таким образом, почти ничего не получили. В манифесте провозглашалось: «Крестьяне, верный наш народ, да получит мзду свою от Бога». Волнения бывших ратников-ополченцев

заставили правительство объявить их свободными людьми в зачет будущих рекрутов от помещиков.

В тот же день, 30 августа, особым рескриптом графу А. А. Аракчееву был пожалован портрет царя; граф Ростопчин был уволен от звания главнокомандующего в Москве, и его место занял А. П. Тормасов. Был уволен от звания и государственный секретарь А. С. Шишков, назначенный членом Государственного совета. Под другой манифест, изданный тогда же, «О всепрощении преступников» попадал М. М. Сперанский. 31 августа управляющий Министерством полиции после А. Д. Балашова (с марта 1812 г.) С. К. Вязмитинов направил Сперанскому уведомление, что «государь всемилостивейше извеляет на желание его жить в новгородской его деревне Великополье...»⁵.

1 сентября 1814 г. император Александр I уехал в Вену, где решалась судьба послевоенной Европы. Затем последовал новый поход в Европу в 1815 г. Из Варшавы, где полякам была пожалована конституция, на следующий год Александр Павлович вернулся еще более разочарованным в людях и охладил к делам. Один из современников писал: «Язвительная улыбка равнодушия явилась на устах его. Скрытность заступила место откровенности, и любовь к уединению сделалась господствующей его чертой»⁶. В поляках он разочаровался, а Францию, другом которой он считал себя совсем недавно, после «Ста дней» Наполеона, называл «грязною и проклятою»⁷.

Все больше он полагается во всем на промысел Божий. 1 января 1816 г. «для пользы и наставления» своих подданных Александр I издает пространный манифест, оставивший неприятный осадок. В нем он подводит итоги наполеоновских войн, но делает это своеобразно. Он предлагает вместе с ним воскликнуть: «“Не нам, не нам, Господи, но имени твоему!” <...> Тако водворяется на земле мир, кровавые реки перестают течь, вражда всего царства превращается в любовь и благодарность, злоба обезоруживается великодушием, и пожар Москвы потухает в стенах Парижа. Кто, человек, или кто люди, могли совершить сие высшее сил человеческих дело? Не явен ли здесь промысел Божий? Ему единому слава!»⁸

---

⁵ Цит. по: Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 136.

⁶ Цит. по: Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года... С. 188–189.

⁷ Цит. по: Там же. С. 189.

⁸ Цит. по: Там же. С. 189, 190, 194.

Мистицизм Александра I и образование Библейского общества

Бывший «молодой друг» Александра I (**разочаровавшийся в императоре** после того, как не был назначен наместником в Польше) Адам Чарторыйский писал в 1821 г.: «Та же мрачная идея, что своим согласием на переворот он способствовал смерти отца, в последние годы снова завладела им, вызвала отвращение к жизни и повергла в мистицизм, близкий к ханжеству»⁹.

Это было особенно заметно по сравнению с отсутствием религиозности у императора в довоенный период. Интересны свидетельства Жозефа де Местра, французского публициста, близкого к Александру I, **посланника сардинского короля в России с 1802 г. В предвоенных** заметках он написал: «Раньше архиереев приглашали отобедать, теперь такого не случается. Одним словом наблюдается всеобщее тяготение (особенно со стороны двора), чтобы совсем покончить с религией»¹⁰. Позднее он писал: у Александра Павловича «до 1812 года нельзя было заметить признаков христианских убеждений»¹¹.

В прошлом безбородый протоирей Самборский, много лет прослуживший в русском посольстве в Лондоне, учил Александра Павловича основам православия, но не более. Обращение к вере как духовному стержню, судя по всему, произошло во время нашествия Наполеона в Россию, которое было воспринято императором как наказание и одновременно искупление греха отцеубийства. Позднее, в 1818 г., Александр I **в Пруссии говорил местному епископу**: «Пожар Москвы осветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотою веры, какой я до тех пор не ощущал»¹².

Одним из тех, кто оказал большое влияние на религиозные убеждения императора, был знакомый ему с юности, любимец императора князь А. Н. Голицын. 21 октября 1803 г. он неожиданно был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, стал главным проводником религиозной политики Александра I.

⁹ Цит. по: Андреева Т. В. Тайные общества в России... С. 488.

¹⁰ Местр, Жозеф, де. Религия и нравы русских. СПб.: Владимир Даль, 2010. С. 38.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Дуброви Н. Ф. Наши мистики-сектанты // Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты. С. 356.

Справка

Голицын Александр Николаевич (1773–1844) с 12 лет состоял при великом князе Александре Павловиче; камергер его двора; князь, член Государственного совета (с 1810), сенатор (1812), обер-прокурор Святейшего Синода (1803–1817), главноуправляющий иностранными вероисповеданиями (1810–1817), исполняющий обязанности министра народного просвещения (с августа 1816), министр духовных дел и народного просвещения (24.10.1817–15.5.1824), одновременно и после — главноначальствующий над почтовым департаментом (1819–1842), президент Библейского общества (январь 1813–17.5.1824), попечитель Императорского Человеколюбивого общества (с 1817). Стремился к соединению вер благодаря распространению Библии. Не занимая особых постов, кроме должности по почте, сохранил влияние при дворе Николая I, канцлер российских императорских и царских орденов (с 1830), председатель общих собраний Государственного совета (1839–1841). С 1842 г. в отставке, жил в крымском имении Гаспра-Александрия в 12 км к юго-западу от Ялты, похоронен в Георгиевском монастыре.

Около 1806 г. вокруг А. Н. Голицына сложилось общество из видных масонов «Новый Израиль» (закрыто в 1807 г.), члены которого постепенно пришли к выводу о ненужности масонства как такового. Поставленный во главе всех конфессий (с 1810 г.) в России, А. Н. Голицын занял нейтральную позицию, обосновав ее «универсальным христианством». А. Н. Голицын исполнял обязанности члена Русской Православной Церкви, но для него были характерны постоянные религиозные искания.

По мнению историка Ю. Е. Кондакова, для мировоззрения А. Н. Голицына (после бурной молодости) были характерны следующие отличительные особенности: «1. Вера в то, что человек может обрести в сердце Иисуса Христа и таким образом спастись; 2. Разделение религии на “внешнюю” и “внутреннюю”, с приоритетом последней; 3. Взгляд на обрядовую сторону религии как на вторичную, хотя и обязательную для членов отдельных церквей; 4. Равенство перед Богом всех христиан вне зависимости от принадлежности к конкретной церкви; 5. Вера в предсказания и пророчества; 6. Ожидание скорого осуществления предсказаний Апокалипсиса»¹³.

Новая вера А. Е. Голицына нашла яркое отражение в церковных интерьерах его дома. Его домовая церковь, открытая 1 октября 1812 г.,

---

¹³ Кондаков Ю. Е. «Русская симфония» — четыре века испытания на прочность (Государственная власть и церковные реформы в России XVI–XIX веков). СПб., 2006. С. 100–101.

состояла собственно из храма (в котором служили Филарет, Фотий и др.) и примыкавших к ней комнат. В первой комнате на стенах было множество икон, подаренных в разное время князю. Во второй комнате находился престол, на котором лежало множество распятий, а в центре — огромный деревянный крест. Вместо люстры было подвешено большое стеклянное сердце, внутри которого горела свеча. После своего перерождения А. Н. Голицын (бывший гвардейский офицер) перестал посещать театры, ограничивал себя в еде и постепенно отказался от общения с женщинами. В то же время внешне князь строго соблюдал все обряды Православной Церкви.

Другим соотечественником, оказавшим влияние на мировоззрение Александра I, был получивший церковное образование М. М. Сперанский, который всю жизнь занимался разработкой религиозных вопросов. Он с юности был знаком и с Самборским, активно переписывался с масоном И. В. Лопухиным. В своем исследовании «О религии вообще» Сперанский, будучи верующим человеком, отрицал святость церкви. Он считал, что настоящее пришествие Иисуса Христа произойдет тогда, когда все тайные общества объединятся и наступит царство мира и порядка (по масонской традиции «век Астреи»). В окружении Александра I был также известный масон, служивший при дворе (стал обер-гофмейстером) Р. А. Кошелев, влияние которого возросло после войны 1812 года. С образованием Библейского общества он вошел в него в качестве одного из директоров.

Как уже отмечалось, по-настоящему обращение императора к религии произошло в годы войны. В это время большое влияние на него оказала мистическая писательница баронесса Барбара Юлиана фон Крюднер (Крюденер) (1764–1825). Император принял баронессу Крюднер в 1815 г. и три часа беседовал с ней. Она требовала от него покаяния. «Нет, государь, — говорила она, — вы еще не приблизились к Богочеловеку, как преступник, *просящий о помиловании*. Вы еще не получили помилование от Того, кто один имеет власть разрешать грехи на земле. Вы еще остаетесь в своих грехах. Вы еще не смирились перед Иисусом, не сказали еще, как мытарь из глубины сердца: “Боже, я великий грешник, помилуйте меня”. И вот почему вы не находите душевного мира. Послушайте слова женщины, которая также была великой грешницей, но нашла прощение всех грехов у подножия креста Христова»¹⁴. В дальнейшем Александр I

---

¹⁴ Цит. по: *Дубровин Н. Ф.* После Отечественной войны 1812 года. С. 108.

вызывал ее для беседы в Гейдельберг (известный старейшим в Германии университетом), Париж и Петербург, хотя потом попросил удалиться из столицы.

Можно сказать, что религиозные взгляды Александра I находились в лоне учения «внутренней церкви», распространившегося в Европе в конце XVIII в. В его основе было убеждение, что для единения человека с Богом важна внутренняя вера, а все внешние религиозные признаки той или иной конфессии значения не имеют. Христиане — все, кто верует во Христа, и неважно, кто как молится Богу. После войны правительство оказывает поддержку изданию религиозно-философской литературы, которая соответствовала взглядам Александра I и А. Н. Голицына. Наиболее популярными трудами были произведения Эккартсгаузена, Шатобриана, Сведенборга, Сен-Мартена, Якова Беме, Фенелона, Гийона.

В соответствии с этими взглядами Александр I еще до войны обратил внимание на деятельность Библейского общества, основанного в Лондоне в 1804 г. Устав Общества включал следующие цели: 1) увеличение выпуска Библий без комментариев; 2) перевод Священного Писания на различные языки; 3) привлечение лиц различных вероисповеданий для распространения Библии. Для Общества была характерна веротерпимость; членом мог быть каждый человек, пожертвовавший какую-то часть денег для его деятельности.

Накануне войны Александр I разрешил англичанам на Кавказской линии основать миссионерскую колонию для обращения горцев в христианство. При образовании филиала Библейского общества в Або (Турку) в 1810 г. император пожертвовал на его нужды 5 тыс. руб. Во время войны, летом 1812 г., в Петербург приехали пасторы Паттерсон и Пинкертон. Вскоре, 6 декабря, был одобрен доклад А. Н. Голицына «Об утверждении Библейского общества в Петербурге», а в марте 1813 г. состоялось первое генеральное собрание Общества. В Библейское общество вступил император, пожертвовав на его нужды 50 тыс. руб., а вслед за ним — почти все высокопоставленные чиновники. Президентом стал обер-прокурор Святейшего Синода и по совместительству главноуправляющий иностранными вероисповеданиями князь А. Н. Голицын.

Общество ставило задачу перевода на русский язык Библии, что, по мнению многих, исказило бы Слово Божие. В то же время в России активно переводились на русский язык произведения, которые пропагандировали «внутренне христианство». В 1814 г. в Библейское

общество вошли клирики, в частности, митрополит Санкт-Петербургский Амвросий, несколько архиепископов, в число директоров — архимандрит Филарет (с 1816 г. — епископ и вице-президент), придворный протопресвитер Н. В. Музовский. Вице-президентами стали католический митрополит Сестренцевич-Богущ, архиепископ армян Иоаннес, директорами — аббат Манген, лютеранский пастор Рейнбот. Иезуиты, которые не разделяли принципы Библейского общества, в 1815 г. были высланы из Санкт-Петербурга и Москвы (а в 1820 г. из России). Соответственно, они перестали обучать дворянских детей.

28 февраля 1816 г. Александр I передал Св. Синоду свое желание о переводе Библии. Перевод был поручен Комиссии духовных училищ во главе с ректором Духовной академии архимандритом Филаретом (Дроздовым), а издание — Библейскому обществу. В 1822 г. впервые на русском языке был издан «Новый завет».

Деятельность Библейского общества играла огромную роль в общественно-политической жизни страны. Как это часто бывает, вслед за столицей местные власти поспешили открыть отделения Библейского общества в губернских городах. Так, после назначения пензенским губернатором в 1816 г. М. М. Сперанский возглавил местное отделение общества. Несмотря на обвинения в лицемерии и приспосабличестве (П. А. Вяземский и др.), этот шаг Сперанского был искренним. Популяризация и распространение Священного писания им рассматривались, прежде всего, как нравственный долг. Не случайно в Пензе он перевел многотомный труд Фомы Аквинского «О подражании Христу», изучал творения отцов церкви, самостоятельно овладел немецким языком, а местный архиерей Аарон (крещеный еврей) научил его ивриту. Сперанский живо интересовался догматикой различных конфессий, способствовал прекращению гонений в губернии против сектантов-духоборов. Его дочь Лизонька, приехавшая к отцу в Пензу в 1817 г., вспоминала: «Дом наш в Пензе батюшка устроил по всегдашнему своему вкусу, т. е. с опрятностью, но и простотой совершенно квакерскою»¹⁵. Вероятно, это не случайно, так как покойная супруга Сперанского была англичанкой и соответственно принадлежала к англиканской церкви.

Деятельность Библейского общества, особенно на местах, в какой-то степени способствовала повышению грамотности в народе (где мистицизм ограничивался колдовством и суевериями), но внедрение

---

¹⁵ Цит. по: Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. С. 142.

мистицизма в западном обличье в дворянском обществе вызывало тревогу. Традиционная Православная Церковь не одобряла распространение мистицизма, видела связь общества с аналогичной организацией в Англии и опасалась, что выдвижение на первый план Библии подорвет один из постулатов церкви о священстве, принизит роль священников как посредников в общении мирян с Богом. Это напоминало протестантизм. «Мистической партии», проводившей в жизнь идеи надцерковного «универсального христианства», противостояла оппозиция ревнителей православия. «Православную партию» возглавляли А. А. Аракчеев (борьба против А. Н. Голицына), митрополит новгородский и петербургский Серафим (С. В. Глаголевский), архимандрит Юрьевского монастыря Фотий (П. Н. Спаский). В 1823 г. к этой же «партии» примкнул бывший соратник М. М. Сперанского Л. М. Магницкий. Так постепенно жизнь развела их по разные стороны баррикад.

Идеология Библейского общества нашла отражение в актах Священного Союза. 14 (26) сентября 1815 г. был подписан «Трактат братского христианского союза» между российским, австрийским и прусским монархами. Одним из его принципов были заветы Иисуса Христа как основа внешнеполитической и внутренней жизни государств. Во введении содержался призыв: «Во имя Пресвятой и Неделимой Троицы, почитать всем себя как бы членами единого народа христианского».

Тема 2

Россия после войны: Власть, общество, народ (социально-экономические процессы)

«Как денди лондонский одет»: дворянское общество после войны

Когда победители Наполеона вернулись в Россию, то сразу же появилось ощущение спертости воздуха. Литератор Ф. Н. Глинка говорил по этому поводу: «если рыбу, разгулявшуюся в раздольных морях, засадят в садок, и та всплывает вверх, чтобы вздохнуть вольным Божьим воздухом: — душно ей! И душно было тогда в Петербурге людям, только что расставшимся с полями побед, с трофеями, с Парижем, и прошедшим на возвратном пути сто триумфальных ворот почти в каждом городке, на которых на лицевой стороне написано: “Храброму российскому воинству”, а на обратной: “Награда в Отечестве”. И эти разгулявшиеся рыцари попали в тесную рамку обыденности, в застой совершенный, в монотонию томительную»¹.

«Новые дворяне», будущие декабристы и люди этого круга, сразу же почувствовали затхлость, консервативность и ограниченность большинства дворянства. В обеих столицах было весело. Балы следовали за балами, иллюминация и фейерверки сменяли друг друга. Как отмечал около ста лет тому назад историк Н. Ф. Дубровин, «нашествие на Россию “двунадесяти язык” не заставило людей со средствами изменить свои привычки, не обновило их. Эта часть населения, меньшая по численности, но сильная своим общественным положением, не устранила даже от себя прежнего пристрастия ко всему иностранному. — “Мы только и ожили, — говорили великосветские дамы, — когда явились к нам пленные”»². «Выморозки», бывшие солдаты «Великой армии», «рассыпались партиями во внутренние губернии и расхватывались всюду, где только появлялись; в дворянских семействах устраивались для них обеды, балы, а барыни и барышни

---

¹ Цит. по: Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века) // Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты / Изд. подгот. П. В. Ильин. СПб., 2009. С. 163.

² Цит. по: Там же. С. 35.

влюблялись»³. «Изгнав дерзкого галла за пределы своей земли, — писал Ю. К. Арнольди, — Русь высказала обычную великую черту своего характера: она позаботилась о пленных неприятелях, которых насчитывались десятки тысяч. Редкий тогда был дом, в котором не встречался бы пленный француз: иметь у себя “своего” француза, это установилось тогда само собою для каждого порядочного дома»⁴. В карикатуре Теребенева изображен среди прочих обманщиков француз, который, качаясь на стуле, самодовольно любит билетом, со стоимостью урока: 10 руб. в час. За ним стоит мальчик с книжкой, возле него французские романы, история Франции, географическая карта Франции, законы же русские и русская грамматика валяются под столом. Вспоминается и обобщенный образ доброго д'Аббе, учившему «всему шутя» Евгения Онегина.

Впрочем, оппозиция в виде консервативной тенденции тоже присутствовала. «Я старый человек, — писал житель окрестностей Санкт-Петербурга, — и — быть может, немного мне осталось жить на свете; но дорого бы дал дожить до того времени, когда любезные наши соотечественники, познав в самих себе стыд, стали бы говорить по-русски»⁵.

Высшее общество преклонялось перед французами, но масса народа ненавидела их. Даже часть дворянства отождествляла их со словом «сочон» (франц. — свинья, боров. — *Л. В.*)⁶. Один из основателей русского консерватизма Ф. В. Ростопчин, с осени 1816 г. живший в Париже, свои многолетние наблюдения над жизнью Франции и французам отразил в записке «Картина Франции 1823 года». Он представил ее Александру I. «Француз — самое тщеславное и корыстное существо в мире, — писал Ростопчин. — Господствующая страсть его — стремление к упрочению своего благополучия; главное его занятие — пресмыкание у источника всех благ земных <...> Француз — неспокоен от природы; он живет в прошлом, мечтает в настоящем и беззаботен на счет будущего; он определяет свое существование 24-мя часами. Он изменяет свои мнения также быстро, как и моды, подверженный всем возможным влияниям, неспособный на истинное чувство, он — постоянная жертва минутных ощущений и всегда готов совершить какую-нибудь нелепость. В нем

---

³ Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года... С. 35.

⁴ Цит. по: Там же. С. 35–36.

⁵ Цит. по: Там же. С. 36.

⁶ Там же. С. 38.

слово постоянно предшествует мысли; действие — причине и все его существование — какая-то случайность»⁷.

Напрасно Ф. В. Ростопчин и почти вся отечественная периодика высмеивали подражание французам. Это было общее поветрие, тем более что большое значение в жизни тогдашнего дворянского «общества» играла Ее Величество мода. Люди в основном состоятельные (как будущие декабристы) пытались уследить за быстро меняющейся модой. По портретам и модным картинкам в журналах мы можем представить, как выглядели франты того времени (когда носили не мундир, а партикулярный костюм) и их близкие.

Дамскую моду уже более полутора столетий диктовала Франция, а мужскую — с конца XVIII в. Англия. Недаром в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина литературный герой «как денди лондонский одет». Однобортный сюртук у мужчин с полочками, скошенными назад от уровня талии до закругленных углов пол, достигавших бедра, в 1825 г. стал называться «редингот»⁸. Наполеоновские войны оказали влияние на общий стиль. С 1800 по 1820 гг. модники носили высокие сапоги. Некоторые фасоны были взяты из военной униформы и названы именами полководцев и генералов. Были популярны сапоги «Веллингтон» (высокие сапоги без отворота, впоследствии так стали называться резиновые сапоги), полусапожки «Блюхеры» и «Альберт». Ботфорты и гусарские сапоги достигали середины голени сзади, поднимаясь мысом спереди почти до колена; они были на низких каблуках и шились из черной кожи. Гусарские сапоги были с отвернутыми голенищами⁹. В свою очередь, «казацкая мода» и подражание казакам также были модным поветрием в посленаполеоновской Европе. В России это проявлялось меньше. Так же как и в Европе, появились, однако, «казаки» — широкие штаны, присборенные на талии и стянутые шнурками вокруг лодыжек.

С 1816 г. фрак (это название было дано ранее сюртуку с фалдами и отгибающимся воротником) стал официальным костюмом. В 1820–1840 гг. мужские сюртуки кроились с приспущенными плечами, узкой талией, над которой выпячивалась подбитая грудь, а фалды или полы изгибались поверх округленных бедер — удивительно

⁷ Цит. по: *Мещерякова А. О.* Ф. В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 215–216.

⁸ *Нанн Д.* История костюма. 1200–2000. М., 2003. С. 132.

⁹ Там же. С. 136, 138.

наблюдать столь женственный силуэт в эпоху активного прогресса. Сюртук и жилет редко были одного цвета: жилет часто носили светлее, вечером, как правило, белый. Постепенно для жилетов стали использоваться более яркие цвета и узоры.

К 1816 г. свободные штаны ниже колен — бриджи — надевали только с вечерней одеждой, для верховой езды или при дворе, где они были обязательными. Вместо них с 1795 по 1850 г. носили тесно облегающие панталоны, сначала они заканчивались ниже голени, а позже — у лодыжки, обычно имели разрез с одной стороны. Для дневного туалета с 1807 г. в моде были брюки, имевшие небольшой откидной клапан-застежку. Трудно найти различие между панталонами и брюками, так как эти термины были взаимозаменяемыми. Естественный «неоклассический» стиль мужских причесок продержался четверть века, приблизительно с 1800 г. и до 1825 г., когда небольшие баки стали длиннее. К 1825 г. некоторые мужчины стали отпускать небольшие усы.

Набор тканей и цветов для мужской одежды был довольно ограниченным: атлас и бархат для сюртука, жилета и бриджей были оставлены для придворной или церемониальной одежды, а повсеместно популярным и модным как для вечерней одежды, так и для дневной стало сукно. Иногда сюртуки и пальто имели бархатные воротники. Для пошива сюртуков и брюк использовалась нанка — желтовато-коричневая хлопчатобумажная ткань, первоначально импортировавшаяся из Нанкина в Китае.

Конечно же, более разнообразной была дамская мода. Будущая императрица Александра Федоровна, прибыв в Россию для вступления в брак с великим князем Николаем Павловичем, вспоминала о своем первом появлении на обеде 18 июня 1817 г. в Коскове: «Так как фургоны с моей кладью еще не прибыли, то мне пришлось явиться на большой обед в закрытом платье, весьма, впрочем, изящном, из белого гроденапля, отделанном блондами, и в хорошенькой маленькой шляпке из белого крепа с султаном из перьев марабу. То была самая новейшая парижская мода»¹⁰. Гроденабль — это плотная гладкокрашеная шелковая ткань, названная по первоначальному месту производства — г. Неаполю; ее ткали в несколько толстых нитей, чем и достигалась плотность ткани.

---

¹⁰ *Александра Федоровна. Воспоминания. 1817–1820* // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 141–142.

Наступала эпоха романтизма. К 1820 г. она проявилось и в женском костюме. Как сообщает книга по истории моды, написанная Джоан Нанн, «мягкие муслиновые платья сделали излишними любые предметы нижнего белья, которые могли бы испортить естественную линию». Дошло до того, что некоторые смелые девушки отказались от корсетов, надевая простое розовое трико, как самые прогрессивные женщины в Париже. Модницы стали отказываться от лифов с китовым усом и кринолинов...

Но в это время снова началась эпоха корсетов. «Французское слово “корсет” стало употребляться в Англии и Америке в конце XVIII в., как изысканная замена слова “шнуровка”, но многие годы эти два термина использовались параллельно. После 1820 г. корсеты или шнуровки стали важной деталью туалета XIX в., несмотря на протесты модных журналов. Новые корсеты, сшитые обычно из хлопчатобумажной ткани саржевого переплетения, подчеркивали округлые плавные линии бюста и бедер и узкую талию при помощи тщательно подобранных клиньев...»¹¹. «В 1820-х гг., — продолжает Джоан Нанн, — линия талии устойчиво понижалась, достигнув около 1825 г. более естественного положения. Талию туго стягивали корсетом, часто подчеркивали широким поясом и пряжкой или бантом».

«Приблизительно с 1806 г., — пишет исследовательница, — женщины носили в качестве нижнего белья сорочки и кальсоны, покроем которых напоминал мужские нижние панталоны, но штанины не соединялись в промежности. С 1812 по 1840 год носили длинные прямые кальсоны, названные панталонами, которые опускались ниже голени и отделывались заплатами, английским шитьем или кружевом и были видны из укоротившихся юбок 1820-х гг. Они вышли из моды к 1840 г., но дети носили их вплоть до 1850-х гг. Панталоны обычно шили из хлопчатобумажной ткани, или тонкой шерсти»¹². Модные чулки из шелка, некоторые с хлопчатобумажным верхом, и каждодневные чулки из хлопка и шерсти были обычно белыми (бледно-розовые чулки появились только в 1830-х годах).

Появляются неизвестные ранее виды дамского костюма, например, спенсер — короткий жакет, достигавший модного уровня талии, обычно контрастный по цвету к платью. Он возродился вновь как верхняя одежда для улицы в 1839–1840 гг. Как дневное платье

---

¹¹ Нанн Д. История костюма. С. 140.

¹² Там же. С. 144.

носятся платье ротонда-роба (1817–1850), завязывающееся спереди ленточными бантами или застегивающееся скрытыми крючками и петлями (после 1848 г. называлось рединготом; до этого так называлось пальто). Длинные меховые боа, узкие шарфы и широкие шали были в моде с 1800 по 1830 гг. В 1820 г. на фабрике в Пейсли (Шотландия), как и в других европейских странах, начали производить тонкие шерстяные шали с вытканым рисунком в восточном стиле.

Постепенно меняется и прическа: к 1815 г. повсеместно был принят прямой пробор (оставшийся в моде до 1860-х). На затылке волосы стягивались в узел очень высоко. К 1820-м годам использовались чепцы из тюля, муслина и кружева для утра. Полосатый шелк и хлопчатобумажные ткани, а также шерстяная шотландка были очень популярны с 1820-х годов.

Более разнообразными становятся головные уборы. К 1820-м годам чепцы делаются из тюля или муслина с кружевами. К вечерним туалетам теперь полагались также тюрбаны типа «мамелюк» из белого атласа (1804) или «мадрас» (1819), сделанный из голубых и оранжевых индийских платков. Издававшаяся с начала 1825 г. первая частная газета в России «Северная пчела» почти в каждом номере сообщала о переменах в парижских модах и о том, что носят в Санкт-Петербурге. Так, «Северная пчела» за 1 октября 1825 г. (№ 118, «четверток») сообщала: «На блестящем бенефисе г-жи Дюровой и Азаревичевой младшей, 28 сентября, несколько дам было в гроденаплевых¹³ шляпках с множеством перьев марабу¹⁴, закрывающихся тульею. Цвет шляпок голубой и белый: перья вообще белые. В первом и втором ярусе мы заметили много блондовых¹⁵

---

¹³ В модных обзорах того времени сообщалось: «Гроденаплъ в большом употреблении: из него делают уборки на платья и зимние капоты (в данном случае капот-платье. — Л. В.) для прогулки в экипаже» (Прибавление к «Московскому телеграфу». 1825. № 3. С. 53). Так как гроденаплъ был плотной тканью, из него делали дамские шляпки, мужские цилиндры и шили мужскую и женскую одежду. Платье для визитов из гроденапля (но позднее — 60-е годы XIX в. — Л. В.). — См.: Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. 2-е изд. М., 2006. С. 48.

¹⁴ Марабу — род птиц семейства аистов из Африки и Юго-Восточной Азии.

¹⁵ Блонды — кружева, изготовлявшиеся из шелка-сырца, который имел золотистый цвет. Отсюда и название кружев от фр. «blonde». Основными центрами производства блондовых изделий были французские города Канн, Байе, Пуи. Этот сорт кружева получил широкое распространение уже в XVIII в.

чепцов¹⁶ большого объема с цветами и с висячими концами, но больше всего было видно простоволосых уборов. На прогулках и в экипажах видно много плащей из драдедама¹⁷, с кистями и зубчатыми воротниками и плащей зеленых, оливковых, коричневых». Новая мода коснулась и бальных туфель. Они теперь были на плоской подошве или с очень низким каблуком. Как пишет исследовательница Джоан Нанн, «их шили из шелка, сукна или лайки на день, из шелка или атласа для вечеров»¹⁸.

Так одевались в высшем и дворянском обществе; примерно так же одевались будущие «декабристы» и «декабристки».

Внешний шик дворянской моды далеко не соответствовал состоянию помещичьего хозяйства, по которому сильный удар нанесли военные расходы и инфляция. Господствующее сословие было недовольно своим положением, что имело свои основания. С сельским хозяйством нужно было что-то делать. Помещики использовали менее половины своих земель. Расширение помещичьей запашки за счет крестьянского надела, увеличение повинностей, отходничество в неземледельческих губерниях могли иметь лишь кратковременный успех.

Разрешить противоречия между натуральной основой барщинного хозяйства и работой на рынок, в связи с развивающимся товарооборотом, оказалось невозможным. Все попытки дворян-помещиков рационализировать свое хозяйство оканчивались крахом. В условиях кризиса положение передового хозяйства оказывалось значительно

Блонды считались предметами роскоши. Особенно велика была их популярность в первой половине XIX в.

¹⁶ Чепец — женский или детский головной убор. В первой половине XIX в. чепец не только указывал на семейное положение женщины (замужем), но соотносился со временем дня. Обычно молодые женщины носили чепец с утра и до выезда в театр, на бал или прием. Для выходов существовали другие виды головных уборов, приличествующие замужней даме. Лишь очень пожилые женщины появлялись на балах в чепцах, но более нарядных и дорогих, чем в домашней обстановке. Чепцы отделявались лентами, кружевами, цветами. Обычно ткань чепца была белого цвета (черный — траурный), а отделка — любых модных оттенков, как правило, в тон платья или капота. Для простолюдинок чепец, как и шляпа, означал более высокое социальное положение.

¹⁷ Драдедам — один из самых дешевых видов сукна; представлял собой шерстяную ткань полотняного переплетения с ворсом и использовался в середине XIX в. в среде городской бедноты.

¹⁸ Нанн Д. История костюма. С. 153.

хуже, чем отсталого. Процент заложенных крестьян за 30 лет, с 1796 по 1825 г., возрос с 6 до 20 с лишним.

Кроме того, дворянство было неоднородно: сословие все более расслаивалось. В частности, большая часть дворян были личными дворянами, не имевшими права владеть крепостными крестьянами, их дворянство распространялось только на жену (без детей, которые попадали в неопределенную категорию «обер-офицерских детей»). Свыше 80 % дворян были или мелкопоместными (до 100 душ на каждого), или вообще не имели земельной собственности. Безземельные дворяне в дворянской среде даже не считались «настоящими» дворянами. В 1817 г. они были отстранены от участия в дворянских выборах. Чуть более 1 % дворянских семей были крупнопоместными — имели свыше тысячи душ на одну семью, они владели примерно третью всех крепостных крестьян. Остальные помещики были среднепоместными.

Именно мелкопоместные дворяне, имевшие десяток-другой крепостных душ, находились в особенно неблагоприятных обстоятельствах и пытались поправить свое положение за счет подневольных людей. В 1826 г. подследственный А. А. Бестужев писал из Петропавловской крепости к Николаю I: «Мелкопоместные составляют язву России; всегда виноватые и всегда ропщущие и, желая жить не по достатку, а по претензиям своим, мучат бедных крестьян своих нещадно. <...> 9/10 имений в России расстроено и в закладе»¹⁹. «Можно упростить формулировку, — пишет исследователь-публицист В. А. Брюханов, — дворяне составляли язву России!»²⁰

Принято считать, что на протяжении всей трети XIX в. кризис помещичьей экономики носил всеобъемлющий характер. Этому способствовала неблагоприятная мировая сельскохозяйственная конъюнктура, сохранявшаяся до 30-х годов XIX в. Отсюда оппозиционность дворянства (вплоть до дворянской конспирации), но для большинства дворянства отмена крепостного права грозила полным разорением. Тем более что помещичьи имения, по подсчетам историка Б. Н. Миронова, в целом сохраняли свою доходность. Определенные резервы у самодержавия и феодального способа производства в данный период еще оставались. Продолжалось, хотя и замедленное, развитие производительных сил, что подтверждается также

---

¹⁹ Брюханов В. А. Заговор графа Милорадовича. М., 2004. С. 143.

²⁰ Там же. С. 143.

исследованиями Н. М. Дружинина, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милова, В. А. Федорова, Л. Р. Горланова, К. М. Ячменихина и ряда других историков.

С начала XIX века в России стали развиваться такие рентабельные отрасли помещичьего хозяйства, как производство подсолнечного масла и свеклосахарное производство. Эти отрасли были монополизированы дворянами. Рентабельность свеклосахарного производства в дореформенной России была проанализирована исследовательницей К. И. Юрчук²¹. Первый свеклосахарный завод был основан в России в 1800 г. помещиком Бланкеннагелем. Кроме сахара, здесь из сиропа изготавливали ром и водку. Завод перешел в 1809 г. в руки помещика Герарда. В 1808 или 1809 г. И. А. Мальцев открыл в деревне Дядьковичи (с 1810 г. — Дядьково) свеклосахарный завод, который продолжал успешно действовать и в середине XIX в. На заводе в селе Дядьково также изготавливался не только сахарный песок, но водка и ром.

Как бы там ни было, даже незадолго до отмены крепостного права, по свидетельству писателя П. Д. Боборыкина, две трети дворянства были против освобождения крестьян²². Преувеличивать степень разложения феодально-крепостнической системы, вероятно, не стоит. Определенные резервы у строя еще оставались.

«Земледельческий народ»: 90 % населения страны

К концу XVIII в. Российская империя простиралась на пространстве трех континентов — Европы, Азии и Америки — 17 млн кв. км.

В начале XIX в. в состав России вошли территории современной Грузии, части Азербайджана с Карабахом, Бессарабия (между Днестром и Бугом), Финляндия, собственно Польша с Варшавой, часть Казахской степи. В Америке под управлением пользующейся поддержкой правительства Российско-Американской компании находились Аляска, Алеутские острова и поселение в Калифорнии. Будущие декабристы, многие из которых были связаны с флотом,

---

²¹ Юрчук К. И. Рентабельность свеклосахарного производства в дореформенной России // Демидовский временник: Исторические исследования в Ярославском государственном университете: Сборник научных трудов. Ярославль, 2004. С. 160–165.

²² Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 394.

стремились направить торгово-промышленную активность России в Америку, на Сандвичевы (Гавайские) острова. Впрочем, под давлением англо-американской экспансии с 1819 г. русские поселения постепенно сдвигаются к северу.

Общая численность населения составляла в 1815 г. около 44 млн, в 1825 г. — 46,2 млн человек, из них 42 млн составляло сельское население²³. По сословному признаку страна была крестьянской. Среди крестьян преобладали крепостные, численность и удельный вес которых на протяжении первой трети XIX в. увеличивались, хотя пожалование крестьян дворянам с воцарением Александра I прекратилось.

Плотность населения была различной. Восточнее Уральских гор проживало не более 10 % населения. В Америке численность этнических русских никогда не превышала тысячу человек. Еще несколько тысяч православных было из числа алеутов, индейцев и креолов. Это не считая двух-трех десятков тысяч фактически независимых индейцев и эскимосов. Только небольшая часть их находилась под контролем Российско-Американской компании.

Крепостничество было вынужденным способом выживания государства и народа на определенном этапе развития, но после вольностей дворянских при Екатерине II стало анахронизмом. Дворянство было освобождено от службы государству. Пугачевщина надолго сплотила дворян вокруг центральной власти. Крепостничество получило новый импульс существования и достигло своего апогея. Либеральные реформы начала правления Александра I свелись к указу о вольных хлебопашцах (если помещик считал это возможным за хорошие деньги), общим разговорам в кружке «молодых друзей». В 1801 г. была нарушена дворянская монополия на землю. 12 декабря того года казенным крестьянам, так же как купцам и мещанам, было разрешено покупать незаселенные земли. Через два года, 20 февраля (4 марта) 1803 г., появился указ о «свободных хлебопашцах». В разряд «свободных хлебопашцев» попадали все дворовые и крестьяне, отпущенные помещиками и приобретшие земельный надел. Подушный налог они должны были платить наравне с помещичьими крестьянами, а рекрутскую и земскую повинности отбывать наравне с казенными крестьянами. Своей землей они могли распоряжаться,

---

²³ Миронов Б. Н. Социальная история России... С. 315. — См. также: Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971.

не раздробляя ее ниже 8 десятин на ревизскую душу (мужчину независимо от его возраста). За время действия указа до отмены крепостного права помещики перевели в свободные хлебопашцы около 100 тыс. ревизских душ, менее 1 % всех крепостных. Определенное значение в начальный период царствования имел указ о праве купцов, достигших восьмиклассных чинов, владеть населенными землями на договорных условиях с крестьянами (18 октября 1804).

Наполеоновские войны надолго отвлекли Александра от крестьянского вопроса. Крестьяне по манифесту Александра I по итогам войны не получили ничего: «Крестьяне верный наш народ, да получит мзду свою от Бога».

Первоначально бывших ополченцев из крепостных крестьян пытались «водворить в местах их прежнего жительства». Среди них начался ропот. «Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас теперь заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа»²⁴. Крестьян-ополченцев, научившихся воевать и размышлять, нельзя было вернуть обратно в крепостное состояние. После того как начались волнения среди ратников, их признали свободными и зачислили помещикам в счет будущих рекрутов.

Тем не менее, в целом крестьянство по-прежнему считалось косной и благонамеренной массой. «Дух журналов» в 1818 г. декларировал в одном из своих номеров: «Земледельческий народ есть самый набожный, а также самый миролюбивый, крепкий и благонравный, он вместе и самый покорный царю...»²⁵. Но даже этот «покорный» народ можно было вывести из себя реформами правительства. Военные поселения, который народ связал с Аракчеевым, стали ужасом для крестьян.

«Всей России притеснитель»: аракчеевщина

Слова одной из эпиграмм на А. А. Аракчеева, приведенные выше, хорошо известны.

Справка

Аракчеев Алексей Андреевич (1769, 23 сентября — 1834, 21 апреля) — граф (1799), ранее барон (1797), генерал от артиллерии (1807), член Государственного совета (с 1810), сенатор (1808); выпускник Артиллерийского

²⁴ Цит. по: Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года... С. 177.

²⁵ Цит.: Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Ч. II. 1812–1825. Л., 1978. С. 128.

и Инженерного шляхетного корпуса (1787), с 1792 г. — командир артиллерийской роты в Гатчине, Петербургский городской комендант (с 7 ноября 1796), в 1798 (18 марта — 20 декабря) и в 1799—1803 гг. в отставке; инспектор артиллерии (4 января — 1 октября 1799 г. и вновь с 14 мая 1803 по 1808). Впоследствии обновленная под руководством А. А. Аракчеева артиллерия будет называться «аракчеевской артиллерией». В 1807 г. назначен состоять при императоре с правом издавать указы от его имени. Военный министр (1808—1810), генерал-инспектор всей пехоты и артиллерии (с 1808), председатель Департамента военных дел Государственного совета (1810—1812 и 1816—1826), член Комитета министров (с 1810), с 17 июня 1812 г. **управляющий** Канцелярией императора Александра (с 7 декабря 1812 г. Собственной Его Императорского Величества канцелярией). Во время Отечественной войны 1812 г. ведал комплектованием войск. С 1815 г. фактически руководил Государственным советом, Комитетом министров, с 24 декабря 1815 г. — докладчик императора по делам Комитета министров и Государственного совета, главный начальник над военными поселениями (1819); главный начальник Отдельного корпуса военных поселений (1821—23 декабря 1826). 20 декабря 1825 г. фактически в отставке; 30 апреля 1826 г. уволен в отпуск «для поправления расстроенного здоровья». 23 октября 1826 г. уволен с должности главного начальника Отдельного корпуса военных поселений. 8 апреля 1832 г. последовал приказ Николая I «не считать графа Аракчеева инспектором артиллерии и пехоты».

Ограниченному и трусливому, но работоспособному, не берущему взяток (их втайне брала любовница, ставшая домоправительницей, Настасья Минкина), сделавшему целью жизни преданность Александру, Аракчееву, однако, хватило ума отказаться от звания фельдмаршала. Занимаясь по поручению императора снабжением армии, в сражениях он не был и чувствовал себя неуютно среди боевых генералов.

Будущий генерал Павел Сергеевич Пущин сохранил в своих мемуарах эпизод, имевший место накануне «Битвы народов» под Лейпцигом 4 (16) октября 1813 г. Тогда вблизи группы офицеров, в которой находился временщик, раздался звук разорвавшейся артиллерийской гранаты. Аракчеев «поспешил дать шпоры лошади» и «большим галопом удалился с такого опасного места»²⁶. Впрочем, если верить послужному списку, Аракчеев был участником сражения при Аустерлице в 1805 г.

---

²⁶ [Пущин П. И.] Дневник Павла Пущина. 1812—1814. / Изд. подгот. В. Г. Бортневский. Л., 1987. С. 128.

Знаменитый временщик, выдвинувшийся при Павле I, А. А. Аракчеев с 1815 г. фактически сосредоточил в своих руках руководство всеми делами Государственного совета, Комитета министров и Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Он становится основным докладчиком царя по большинству вопросов. Вторая половина царствования Александра — это время аракчеевщины, военных поселений, апогея шпицрутенов. Кануло в Лету «дней Александровых прекрасное начало», в это время «Александр Палкин» — больше Палкин, чем «Николай Палкин». И о нем так же писал Лев Толстой в том же очерке! Александр возлагал возмущение народа на временщика. Аракчееву льстили и заискивали, за глаза презирали и ненавидели.

Образ Аракчеева воссоздан в сатире К. Ф. Рылеева «К временщику», опубликованной в 1820 г. в 10-й книге литературного журнала «Невского зрителя».

«Многие удивляются, — писал К. Ф. Рылеев, — как пропустили ее». Цензура за древнеримскими атрибутами просмотрела подлинную суть сатиры:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей²⁷.

Мало кто догадывался, что Александру Павловичу как раз и нужен был временщик с такой репутацией. «Ты не понимаешь, что такое для меня Аракчеев, — проговорился как-то государь в разговоре с П. А. Клейнмихелем. — Все, что делается дурного, он берет на себя, все хорошее приписывает мне»²⁸. В числе немногих, кто понимал это, был Н. И. Греч, знавший Аракчеева, по собственным его словам, «довольно коротко» и называвший графа «нравственным уродом». Вот что писал он об Аракчееве в своих «Записках»: «Александр видел в нем одного из тех, которые были верны его отцу, видел человека, по наружности, бескорыстного, преданного ему безусловно, и сделал его козлыщем, на которого падали все грехи правления, все проклятия народа»²⁹.

Историк Н. Ф. Дубровин писал: «Русский человек, — говорит князь Вяземский, — вообще порядка не любит, закон и подчиненность

²⁷ Цит. по: Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Ч. II. С. 139.

²⁸ Цит. по: Томсинов В. Аракчеев. М., 2003. С. 302.

²⁹ Цит. по: Там же.

ему претят натуре его”. Преследование этих пороков графом Аракчеевым вызвало к нему ненависть, но согласовалось совершенно со взглядами Александра, и он, охотно скрываясь за Аракчеевым, предоставлял ему нести всю ответственность перед обществом. Таким образом, в устах народа Александр носил имя Ангела и Благословенного, а Аракчеева звали Огорчеевым, Змеем Горынычем, проклятым змеем, Злодеем и приписывали ему все строгости и невзгоды. Граф Алексей Андреевич знал это и принимал на себя все прозвища³⁰. В девизе графского герба Аракчеева «Без лести предан» букву «з» заменяли буквой «с».

Были черты характера, которые сближали Аракчеева с императором. Оба они были врагами роскоши и даже скупы. Аракчеев, принимая гостей, жестко выделял на каждого гостя небольшое количество белого хлеба, кусков мяса и по одной котлете. Оба не любили показных почестей и были скромны в быту. Оба, и Александр I, и Аракчеев, ревниво оберегали свою власть и были злопамятны. В то же время лица, хорошо знавшие Аракчеева, отзывались о нем как о человеке характера твердого, ума светлого, исключительно работоспособном, деловитом и не берущим взятку.

С именем временщика неразрывно связана мучительная эпопея с военными поселениями. «Образование военных поселений, — писал А. И. Герцен, — сделалось манией императора; ему не хватало только исполнителя этого величайшего преступления его царствования; он скоро нашел его в человеке суровом и жестоком, беспощадном и ограниченном, алчном и свирепом, в своем *другом* я, графе Аракчееве, генерале от артиллерии, известном своей трусостью на поле битвы, которого ненавидела и презирала вся Россия. На его-то гнусные плечи, утомленный император набрасывал постепенно бремя верховной власти и ему же поручил осуществление своей чудовищной мечты»³¹. Мемуарист Ф. Ф. Вигель так писал об Аракчееве: «Сначала он был употреблен им (императором. — Л. В.) как исправительная мера для артиллерии, потом как наказание всей армии и под конец, как мщение народу»³².

С 1822 г. Аракчеев стал единственным докладчиком по большинству министерств и ведомств, включая Святейший Синод. Министры, генералы и губернаторы заискивали перед временщиком,

³⁰ Цит. по: Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года... С. 109.

³¹ Цит. по: Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Ч. II. С. 107.

³² Цит. по: Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 191.

чтобы тот доложил императору об их нуждах. Без протекции Аракчеева не могли обойтись ни Н. М. Карамзин, ни М. М. Сперанский.

Впрочем, Аракчеев иногда делал и добрые дела, дважды способствовал карьере опального М. М. Сперанского. Безоговорочно, как фанат любя императора, он не обольщался насчет переменчивости настроения непостоянного Александра Павловича. В период наибольшего могущества он как-то сказал одному из сановников, имея в виду скоротечность опалы и взлета: «Вы знаете его — нынче я, завтра вы, а после опять я»³³.

«Военные поселения — худший вид крепостничества»?

Создание военных поселений явилось следствием кризиса крепостной системы и связанных с нею принципов комплектования и содержания армии; кроме того, по мнению историка К. М. Ячменихина, это «означало значительную корректировку внутривнутриполитического курса страны»³⁴. Несколько факторов повлияло на это решение.

После войн в армии ослаб дух парадомании, не случайно Александра I так порадовал внешний вид русских войск на знаменитом смотре в Вертю. Но за внешним блеском армии победителей скрывались серьезные проблемы. Кризис государственной системы после окончания Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов коснулся и святая святых государства — армии. Крепостное право консервировало рекрутскую систему для податных сословий (крестьян и мещан) и не позволяло перейти к эффективным принципам комплектования армии.

Отправляя крестьянина в армию, помещик прощался с ним, так как рекрут становился слугой государства. Если он доживал до отставки (срок службы с конца XVIII в. был ограничен 25 годами, а в гвардии — до 23 лет), то он становился свободным человеком. Помещику было невыгодно отдавать рекрутов слишком часто на менее длительные сроки. Это создавало проблемы с резервами. Кроме того, рекрутские наборы, как правило, не выполнялись в полной мере. По данным К. М. Ячменихина, в первой четверти XIX в. количество податного населения, которое было обязано поставлять

³³ Цит. по: Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. С. 149.

³⁴ Ячменихин К. М. Армия и реформы: Военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006.

рекрутов, определялось цифрой 17 млн душ, однако, по возрасту и состоянию здоровья эта цифра едва достигала 3 млн³⁵.

Правительство было вынуждено постоянно держать под ружьем около миллиона человек. В России один военнотружаший приходился на 45 жителей. В Англии это соотношение составляло 1:140, во Франции — 1:110, Австрии — 1:100, в Пруссии — 1:168³⁶. На армию приходилось до 50 % прямых бюджетных ассигнований, хотя содержание русской армии было самым дешевым в Европе. По данным Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), приведенным К.М. Ячменихиным, на миллионную российскую армию расходовалось до 160 млн франков в год; в то же время на французскую армию в 200 тыс. человек — 200 млн франков³⁷. Русский военнотружаший обходился более чем в 6 раз дешевле французского. Но необходимо иметь в виду, что кроме прямых ассигнований на армию были косвенные, переложенные на плечи населения, прежде всего, податных сословий. Это были различные натуральные повинности, в частности, постоянная и транспортная.

Переход на постоянное расквартирование войск в казармах (за исключением гвардейских частей в столице) также был невозможен. «Нужно было избрать такой путь, такой вариант, — делает вывод К.М. Ячменихин, — который, не изменяя политическую форму государства, способствовал бы удешевлению комплектования и содержания армии»³⁸. Создание особого военного сословия (в перспективе до 5–6 млн чел.) могло бы избавить крестьян от рекрутства. Кроме того, как заметил историк В.В. Лапин, дворянская гвардия, проникнутая после наполеоновских войн мыслями о лучшем устройстве государственной власти, перестала казаться императору прочной опорой³⁹. Нужно было ее чем-то заменить.

Можно констатировать, что в скрытом виде элементы военнопоселенной системы существовали в России и ранее (постой в домах обывателей). Введение военных поселений означало попытку вестернизации, стремление уйти от рекрутчины, не вводя всеобщую военную повинность. Кроме того, желание со временем «дать оседлость» всей армии решало и проблему расквартирования войск

---

³⁵ Ячменихин К.М. Армия и реформы... С. 37.

³⁶ Там же. С. 36.

³⁷ Там же. С. 37.

³⁸ Там же.

³⁹ Лапин Вл. Семеновская история. Л., 1991. С. 83.

помимо казарм и обывательских домов. В основе замысла Александра I лежало три основных мотива: 1) необходимость уменьшить расходы на содержание армии (война истощила ресурсы); 2) стремление облегчить жизнь самим воинам; 3) желание обеспечить трон надежной опорой в лице нового военного сословия — солдат-поселян.

В начале XIX в. **идея организации военных поселений** Александру I была знакома. Отмечается определенное сходство военных поселений в России с австрийскими граничарскими поселениями в Трансильвании на турецкой границе в количестве 17 полков, история которых к началу XIX в. насчитывала уже 200 лет. В Китае военные поселения создавались на новой границе в Синьцзяне. Особенностью русской идеи было то, что поселения предполагалось создать внутри страны, так как функцию охраны границы выполняли казачьи войска.

Первые предложения о введении военных поселений в России, в первую очередь приграничных, относятся к XVIII в. В записке 1774 г. «Рассуждение о государстве вообще» великий князь Павел Петрович также предлагал создать особый вид поселенных войск, хотя в его царствование эта мысль развития не получила. Александр I знал о планах отца. Возможно, на Александра Павловича повлияло и знакомство со статьей французского генерала Сервана де Гербея «О военных силах на границах».

В начале царствования Александра I снова появляются подобные проекты. В 1810 г. с **предложением перевести часть армии на положение особого военно-земледельческого сословия** выступил (либерально настроенный) граф Н. С. Мордвинов⁴⁰.

Летом этого года Александр I посетил имение А. А. Аракчеева на Волхове Грузино. Император был приятно поражен организацией его хозяйства и благоустроенным бытом крестьян. Было решено избрать места для округов военных поселений в Витебской и Могилевской губерниях. В ноябре того же года император подписал указ о поселении запасного батальона Елецкого мушкетерского полка, состоящего большей частью из женатых солдат с детьми, в Климовичском уезде Могилевской губернии. Но лишь в феврале 1812 г. началось введение запасного батальона Елецкого полка (командир — майор Ф. Л. Насекин) в округ поселения и его обустройство (Бобылецкое

---

⁴⁰ Тургаев А. С. Военные поселения и крестьянство Северо-Запада России в 1816–1857 гг. СПб., 2000. С. 42.

староство). Для этого 4 тыс. крестьян волости было переведено в Новороссийский край. Решение сохранялось в тайне до начала 1812 г., но первый опыт организации военного поселения был прерван вторжением Наполеона. 29 февраля 1812 г. батальон был соединен со своим полком и отправлен на войну. После окончания наполеоновских войн к идее военных поселений вернулись.

Едва закончилась война в Европе, император Александр I снова заговорил об организации в России военных поселений. Летом 1814 г. он обсуждал возможность создания поселений с графом И. О. Виттом⁴¹. Естественно, все это замышлялось с намерением облагодетельствовать подданных. В ходе совещаний в конце 1815 – начале 1816 г. Александр I предлагал поселить войска вдоль западной границы, а за основу взять принцип организации казачьих полков. А. А. Аракчеев активно возражал, поскольку в данный момент отсутствует вероятность «хищнических набегов» со стороны западноевропейских государств, «каким в старину подвергались казаки, поселенные на границе», так как в таких поселениях будет преобладать сельский элемент в ущерб военному.

А. П. Ермолов предложил фактически (в развитие идеи Павла I) назначить войскам постоянные квартиры, предоставив им полную свободу «сливаться с населением страны». Под давлением А. А. Аракчеева этот вариант был отвергнут. Было решено создать территориальные военные поселения в виде замкнутой единицы — округа поселения отдельного пехотного или кавалерийского полка⁴².

В итоге многочисленных дискуссий было принято решение поселить пехоту в Новгородской губернии, в районах компактного расселения казенных крестьян, многие из которых были старообрядцами, а кавалерию — на Украине. Общее руководство было возложено на А. А. Аракчеева.

Подготовительные мероприятия начались негласно в 1816 г., но официально было объявлено об организации поселений только на следующий год.

Их создание началось под Полоцком и в Новгородской губернии. Весной 1817 г. вблизи округа поселения Елецкого пехотного полка, на землях бывшего Ануфриевского монастыря, началось создание округа Полоцкого пехотного полка. Округа 1-й гренадерской

---

⁴¹ Томсинов В. Аракчеев. С. 319.

⁴² Ячменихин К. М. Армия и реформы... С. 43.

дивизии компактно расположились в бассейне рек Волхова, Мсты и Мшаги. Создание военных поселений продолжалось до 1823 г. Мастерские Охтенского порохового завода также были переведены на положение военных поселян.

Во второй половине 1817 г. стали создаваться округа 3-й (переименованной позже во 2-ю) уланской дивизии в Змиевском, Волчанском и Изюмском уездах Слободско-Украинской губернии в составе четырех полков. Основу поселения составили Чугуевское казачье войско и государственные крестьяне указанных уездов (генерал-лейтенант Г. И. Лисаневич).

Генерал-майору И. О. Витту была поручена организация поселений в Херсонской губернии для 3-й уланской дивизии. Ее основой стали 5 пятисотенных полков Бугского казачьего войска.

В конце 1821 г. на базе государственных селений Александрийского и Елизаветградского уездов Херсонской и Верходнепровского уезда Екатеринославской губерний началось создание поселений 3-й кирасирской дивизии. В феврале 1824 г. было принято решение о создании округов поселения 2-й и 3-й гренадерской дивизии в Старорусском уезде Новгородской губернии. Старорусским отрядом военных поселений командовал генерал-майор С. И. Маевский. В феврале 1825 г. был подписан указ о поселении 2-й кирасирской дивизии в Купянском, Изюмском (Слободско-Украинская губерния) и Старобельском (Воронежская губерния) уездах. В связи с этим Старобельский уезд был передан в состав Слободско-Украинской губернии.

В основу военных поселений был положен принцип, изложенный в «Положении»: «Фронтной солдат может быть вместе и земледельцем»⁴³. В военные поселяне определялись солдаты, прослужившие в армии не менее 6 лет и женатые. Местные жители не изгонялись на чужбину, как было в Белоруссии до войны 1812 г., а зачислялись в категорию военных поселян⁴⁴. В основном это касалось крестьян в возрасте 18–45 лет, имевших собственное хозяйство. Их присоединяли к поселенным воинам и распределяли по уже существующим на тот момент ротам, батальонам или эскадронам. Те и другие именовались «поселянами-хозяевами», которые являлись владельцами крестьянских дворов. Они должны были быть женатыми и хорошего

---

⁴³ Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Ч. II. С. 130.

⁴⁴ Томсинов В. Аракчеев. С. 332.

поведения. Остальные местные жители зачислялись в помощники хозяев и входили в резерв. Каждый поселенный батальон составлял округ поселения полка и являлся его административно-хозяйственным ядром.

Из полка трехбатальонного состава один батальон («военно-рабочий») предназначался для строительных работ, два «действующих» батальона помимо военной службы должны были помогать «хозяевам», у которых они были поселены, в полевых работах под командой капрала. Солдат, женившийся на дочери «хозяина», переводился в разряд «поселян-хозяев». Батальон включал в себя четыре роты, которые отстраивались отдельными поселками. Существовавшие крестьянские дома сносились. Для поселян-хозяев строились бревенчатые дома-связи с хозяйственными постройками по утвержденным планам — с цоколем из кирпича, тесаной крышей. Историк К. М. Ячменихин так описывает эти строения: «В доме на два входа проживало четыре семьи; семья поселенного унтер-офицера занимала половину дома. Солдаты действующих батальонов (по два на каждого поселянина-хозяина) располагались либо в мезонинах, либо в нижних комнатах вместе с хозяевами. Таким образом, десяток занимал 5 домов, отделение — 15, а весь ротный поселок состоял из 60 домов-связей, в которых размещалась рота из 228 человек. В центре поселка размещался штабной комплекс, который включал помещение для ротного командира, школу, часовню и ряд хозяйственных построек»⁴⁵. Дома выстраивались в строгую линию на одинаковом расстоянии друг от друга.

Поселяне освобождались от прочих государственных повинностей. Они обеспечивались участками земли, скотом и инвентарем для ведения хозяйства. Им оказывалась медицинская и прочая помощь. В поселениях пехоты надел составлял 6,5 десятин только пашни, в поселениях кавалерии размер наделов колебался от 36 до 52 десятин.

Превращенных в военных поселян крестьян облачали в форму, поддержание которой в исправности становилось мучительной обязанностью и источником многочисленных взысканий. Для строевых занятий назначались три дня в неделю зимой и два дня в неделю летом. С 6 часов утра до полудня военные поселяне должны были заниматься военным делом, а затем отправляться

---

⁴⁵ Ячменихин К. М. Армия и реформы... С. 56.

на сельскохозяйственные работы. Впрочем, их могли поднять на учения и в три часа утра.

Нерадивых поселян, по представлению командира батальона, можно было лишить собственности и выслать в дальние гарнизоны. Приобретая дополнительные обязанности, крестьяне получали и установленные для военных поселян права и льготы: освобождение от государственных податей и надзора земской полиции, снабжение определенным количеством муки и других продуктов из запасов Военного министерства, бесплатное медицинское обслуживание в госпиталях, строившихся на территории военных поселений. Гарантировалась государственная помощь в случае неурожаев или гибели скота. Дети военных зачислялись с семилетнего возраста в категорию кантонистов.

Справка

Кантонисты (от нем. *Kantonist* — военнообязанный).

1) В Пруссии в 1733–1813 гг. военнообязанные (рекруты), подлежащие призыву в одном из округов (кантонов), каждый из которых комплектовал свой полк; 2) в России в 1805–1856 гг. солдатские сыновья, числящиеся со дня рождения за военным ведомством.

Это не был новый термин, так как кантонистами с 1805 г. называли солдатских детей, готовящихся к военной службе. Создание резерва для армии в рамках замкнутого военного сословия в теории могло привести к полному прекращению рекрутских наборов. По указу 1816 г. «Об учреждении военных кантонистов при военных поселениях» в округах поселенных полков вводились низшие учебные заведения — школы военных кантонистов. Они предназначались не только для подготовки к несению службы, но и для получения элементов общеобразовательных знаний. Солдатских детей насчитали тогда свыше 73 тыс. человек, но планы полного ввода их в военное ведомство были осуществлены позже, начиная с 1824 г. По «высочайше утвержденным» 11 мая 1817 г. правилам жители поселенческих округов лишались права распоряжаться судьбами своих детей, которые, как и взрослые, обращались в военное сословие и становились собственностью казны. С 1819 г. в кантонисты были обращены и солдатские дети, родившиеся до введения военных поселений.

Кантонисты «малого» (до 7 лет) и «среднего» (от 7 до 12 лет) возрастов должны были жить с родителями. Сироты отдавались на воспитание поселянам-хозяевам, получавшим за это пособие.

Дети среднего возраста (от 7 до 12 лет) должны были посещать школу, где они обучались грамоте, Закону Божию, чтению, письму, арифметике, а также разного рода ремеслам. Они получали обмундирование. Учителями сначала назначались унтер-офицеры, потом офицеры. Кадры преподавателей готовили из кантонистов и в Военно-учительском институте. К 1823 г. в округах Украинской и Бугской дивизий было открыто по 26, а в округе 3-й кирасирской дивизии — 34 школы⁴⁶.

Дети старшего («большого») возраста (от 12 до 18 лет) занимались по группам военными учениями и ремеслами. Они помогали родителям по хозяйству, а с 18 лет зачислялись в штаты резервных батальонов, находящихся в округах своих же поселенных полков. Тем не менее, школами были охвачены не все дети. Именно эта перспектива неизбежной рекрутчины была ужасом для любой матери, старавшейся даже подчас подкидывать новорожденных мальчиков в Воспитательный дом, чтобы избавить сыновей от армии. По данным рапорта А. А. Аракчеева от 19 ноября 1825 г., численность военных кантонистов достигла 154 тыс. человек.

Крестьяне, зачисленные в военные поселяне, теряли возможность заниматься торговлей и отхожими промыслами. Тяготы военнопоселенного режима усугублялись суровой военной регламентацией быта поселян. Личная жизнь не была отделена от службы. Инструкции регламентировали все хозяйственные и домашние работы: как хранить солому и сено, как чистить трубы и в какие дни, где копать колодцы и строить мосты⁴⁷. Вставать, идти работать, обедать и ложиться спать поселяне должны были по военным сигналам и барабанному бою. Крестьянки должны были в одно время вставать и одновременно топить печи. Ночью запрещалось зажигать лучины. За малейшее отступление от установленного порядка наказаниям подвергались не только мужчины, но женщины и дети.

Строжайшая регламентация быта военных поселений проявилась и в приказе по поселенным войскам от 3 января 1820 г., в соответствии с которым вводилась унификация ряс полковых священников. Они должны были иметь рясы темно-зеленого цвета, но с «различием на подбое» (подкладке). В гренадерских и карабинерских полках старшие священники должны были иметь подбой красного,

⁴⁶ *Ананьев В. А.* Военные поселения в России. (1810–1857 гг.) / *Военная академия тыла и транспорта.* Л., 1989. С. 42.

⁴⁷ *Томсинов В. А.* Аракчеев. С. 330.

а младшие — желтого цвета. В полках пехотных и егерских подбой у старших священников предписывалось иметь желтого цвета, а младшим — цвета наплечных погон. В уланских полках старшим священникам полагался подбой красного цвета, младшим — синего.

Период формирования системы военных поселений охватывал около пяти лет. Он завершился в 1821 г. созданием Отдельного корпуса военных поселений. Главным начальником его стал граф Аракчеев. К 1825 г. военные поселения были созданы в Петербургской, Новгородской, Слободско-Украинской, Могилевской, Херсонской и Екатеринославской губерниях. «В отечественной историографии, — отмечает К. М. Ячменихин, — до последнего времени преобладало мнение, что к концу царствования Александра I численность населения округов военных поселений составляла треть армии (374 480 человек) и там было 148 батальонов пехоты, 240 эскадронов кавалерии, 38 фушштатских рот и 14 бригад артиллерии [М. Н. Богданович, Л. Г. Бескровный, С. Б. Окунь, С. В. Мироненко]». Но это с учетом всех жителей округов. Другие исследователи называют цифру до 160 тыс. человек (В. П. Щепетильников, Л. П. Богданов).

Историк К. М. Ячменихин уточняет: «На наш взгляд, к категории поселенных можно отнести лишь те поселения, которые перешли (или ставили своей задачей подобный переход) на собственное обеспечение продовольствием и фуражом, а также комплектовались кантонистами своих округов. <...> Принимая во внимание эти критерии, по нашим подсчетам, к поселенным войскам можно отнести к 1826 г.: 20 поселенных и 12 действующих батальонов, а также 60 поселенных, 60 резервных и 72 действующих эскадрона, — всего 192 подразделения. Хотя, некоторые другие части и подчинялись Аракчееву и числились в командировке при Отдельном корпусе военных поселений»⁴⁸.

Несложный подсчет (в пехотном батальоне 1 тыс. человек, в эскадроне — 130 человек) позволил исследователю сделать вывод, что реально поселенной пехоты было не более 32 тыс. человек, кавалерии — не более 8 тыс.; итого — не более 40 тыс. человек. Важным новшеством было создание на базе вторых батальонов («кадры») резервов в составе 600–700 нижних чинов; при пополнении такой батальон доводился до штатной численности 1000 человек. В 1823 г. на базе поселенных полков началось формирование Резервной кавалерии.

---

⁴⁸ Ячменихин К. М. Армия и реформы... С. 64.

По некоторым свидетельствам можно сделать вывод, что это был замысел грандиозной реформы, целью которой являлось устройство на новых началах как русской армии, так и крестьянского общества. О предполагавшемся масштабе реформы свидетельствует содержание записки Аракчееву, начертанной лично императором 14 января 1822 г. «Пришли мне общую карту предполагаемого поселения всей армии», — писал Александр⁴⁹. Однако, по мнению историка К. М. Ячменихина, «становилось очевидным, что реализация этой идеи может затянуться на долгие годы и потребует колоссального напряжения государственного бюджета»⁵⁰. Это было утопией, как и идея поселения всей регулярной кавалерии в составе 64-х полков, которая прорабатывалась с 1819 г. Ведь для этого потребовалось бы перевести в разряд военных поселян 256 тыс. государственных крестьян. В любом случае смерть помешала императору Александру исполнить свой замысел с поселением войск полностью.

Хотя расходы на устройство военных поселений вскоре были покрыты, и образовался капитал в 32 млн рублей, основные задачи, которые на них возлагались, оказались невыполненными. Они не только не обеспечили комплектования армии, но и сами стали источником социального напряжения. Впрочем, мнения современников в их оценке разошлись.

Декабрист М. А. Фонвизин писал в мемуарах, что «учреждение военных поселений, на которые издержаны были многие миллионы без всякой пользы, было предметом всеобщего неодобрения»⁵¹. В то же время идею поселений поддержали М. В. Храповицкий (друг Аракчеева), В. П. Кочубей, Н. П. Румянцев. В 1825 г. в защиту военных поселений написал брошюру М. М. Сперанский. Настроения многих, кто если не приветствовал эту затею, но, по крайней мере, соглашался с ее целесообразностью, хорошо выразила императрица Елизавета Алексеевна. В июне 1820 г. в письме к матери она заметила: «Устройство военных поселений несколько сходно со способом действия победителя в покоренной стране, я не могу не согласиться, что это на самом деле произвол, но во многих отношениях столь же очевидна и польза, какую это мероприятие может в будущем принести государству»⁵².

---

⁴⁹ Цит. по: Ячменихин К. М. Армия и реформы... С. 46.

⁵⁰ Там же. С. 65.

⁵¹ Томсинов В. Аракчеев. С. 325.

⁵² Там же. С. 326.

Превращение крестьян в военных поселян вызвало открытое сопротивление казенных крестьян. Дело было не только в тяготах начального периода строительства поселений и не только в тяжелом материальном положении. Как раз с материальным достатком обычно все было в порядке, хотя при ревизии начальства местное руководство старалось навести марафет. При посещениях военных поселений Аракчеевым или самим императором они выглядели вполне респектабельно. Член Союза благоденствия, будущий генерал от кавалерии П. Х. Граббе рассказывал о поездке на Юг императора. По его свидетельству, «...все сияло там довольством и, даже, входя в дом поселенца, Александр находил на столе жареного поросенка и гуся»⁵³. Впрочем, эти «экспонаты» быстро переносились затем в другой нужный дом. Тяготы режима усугублялись в первую очередь мелочной регламентацией всего быта, вмешательством в сферу личной жизни. «Создав военным поселянам сносные материальные условия, — пишет В. А. Томсинов, — Аракчеев лишил их какой-либо свободы поведения даже в тех сферах, где и крепостной, а, пожалуй, и раб были свободны. Он отнял у людей личную жизнь, обратив ее в жизнь служебную»⁵⁴.

Неудача социального эксперимента была связана с нарушением сложившейся еще при Петре I системы разделения на «служилое» и «тяглое» население, а также обычным для России казнокрадством и головоутиятием. Декабрист В. И. Штейнгейль (и не он один) считал систему военных поселений по замыслу гармоничной, а результаты весьма скромными.

Справка

Эффективность военных поселений оказалась не столь значимой, как планировалось. К 1826 г. общие государственные расходы на их устройство составили 85 млн руб. ассигнациями. Вступивший на престол Николай I был достаточно хорошо информирован о состоянии военных поселений, их дороговизне. Однако в его царствование военные поселения стали постепенно окупаться. В 1825–1850 гг. только поселение кавалерии дало экономию 45,5 млн руб. Создав после восстания 1831 г. в Новгородской губернии округа пахотных солдат, Николай I избрал путь реформирования системы и повышения таким образом их эффективности. По мнению исследователя военных поселений К. М. Ячменихина, «объективно, на данном

⁵³ Цит по: Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Ч. II. С. 131.

⁵⁴ Томсинов В. Аракчеев. С. 335.

этапе идея военных поселений себя еще не исчерпала... давала некоторые положительные результаты»⁵⁵. Окончательно округа военных поселений были ликвидированы в 1856–1857 гг. Военные поселения были сначала переданы в Удельное ведомство, а затем — в Министерство государственных имуществ.

Общий вывод историка К. М. Ячменихина несколько неожиданный: «Опираясь на полученные в ходе исследования данные, мы предполагаем пересмотреть тезис “военные поселения — худший вид крепостничества”, поскольку он не отражает ни конкретные хронологические рамки, ни конкретный регион дислокации военных поселений. Во многом такая оценка этого исторического факта является следствием сугубо классового подхода к общественно-историческим процессам. Кроме того, уровень развития экономики военных поселений, как мы убедились, превосходил экономический уровень помещичьей, государственной и удельной деревни этого периода и соответствующих регионов. Это достигалось как созданием специфического управления и контроля, так и путем интенсификации труда поселян, в частности, за счет внедрения ряда достижений сельскохозяйственной науки того времени»⁵⁶.

«У нас нет закона, нет денег, нет торговли...»: итоги кризиса в экономике

Во всеподданнейшем письме от 4 апреля 1826 г. П. Г. Каховский писал Николаю I из Петропавловской крепости: «Общее негодование громко говорило во всей России: Император занимается лишь солдатами, играет ими как игрушкой, не печется о благосостоянии нашем, тратит сотни миллионов на армию, бесполезным содержанием миллионов войск иссушая источники богатства народного. У нас нет закона, нет денег, нет торговли, у нас внутренние враги терзают государство; у нас тяжкие налоги и повсеместная бедность»⁵⁷.

Это была не вся правда. Экономика России трудно выправлялась после разорения 1812 г. Кроме того, общеевропейский кризис конца 1810-х годов охватил и Россию. Время изоляции России прошло. Впервые экономика России стала развиваться синхронно с мировым

---

⁵⁵ Ячменихин К. М. Армия и реформы... С. 67.

⁵⁶ Там же. С. 332.

⁵⁷ Цит. по: Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года... С. 93.

рынком, но введение свободной торговли оказалось все же преждевременным.

12 августа 1821 г. министр финансов Д. А. Гурьев направил государю секретную докладную записку «О положении заграничной торговли в 1820–1821 годах». В ней отмечалось, что за два последних года резко возрос ввоз шерстяных, хлопчатобумажных и других тканей из-за границы, что привело к сокращению производства отечественных фабрик и «с продолжением времени соделаться может пагубным орудием против благосостояния государства, продолжая унижать достоинство наших денег, стеснять собственную промышленность и подавлять трудолюбие народа»⁵⁸. Русская промышленность и торговля испытывали затяжной и глубокий кризис.

Правительственная политика в отношении промышленного развития была невятной. При организации министерств «попечение о распространении и поощрении земледелия и промышленности» было возложено на Министерство внутренних дел. Руководители МВД первоначально отдавали приоритет развитию земледелия, и составитель отчета за 1803 год М. М. Сперанский писал: «Россию природа и все обстоятельства призывают предпочтительно к земледелию...». Фабрики же рассматривались в отчете «как отрасль ее земледелия»⁵⁹. В 1810 г. в докладе императору «О нынешнем состоянии мануфактур в России» министр О. П. Козодавлев пришел к выводу, что правительственные меры по поддержанию промышленности «нимало не соответствуют ожидаемой прибыли от фабрик, но обращаются в крайний казне убыток»⁶⁰.

Манифестом от 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления...» главный предмет ведения МВД определялся как «попечение о распространении и поощрении земледелия и промышленности». МВД должно было заниматься разными отраслями хозяйства, фабриками, внутренней торговлей, почтой и публичными зданиями. В связи с упразднением Министерства коммерции 17 августа того же года в ведение МВД были переданы строительная часть, все дела промышленности (за исключением соляного дела), дела о торговле, дела о дворянских и купеческих

---

⁵⁸ Цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999. С. 178.

⁵⁹ Цит. по: *Шенелев Л. Е.* Аппарат власти в России: Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 212.

⁶⁰ Там же. С. 218.

выборах. «Часть соляная» передавалась в ведение Министерства финансов.

В 1811 г. было проведено обследование «всех российских мануфактур» в 21 губернии, которым руководил сенатор И. Я. Аршеневский, один из наиболее осведомленных чиновников. Обследование показало, что производство на них ведется «заводским способом», применяются технические достижения, а с 1817 г. и паровые машины. В период 1803–1813 гг. рост численности фабрик и заводов шел очень быстро; по неполным данным, появилось 800 новых предприятий. Для поощрения фабрикантов в 1810 г. было установлено звание мануфактур-советника, за развитие производства стали награждать медалями и орденами. Много внимания уделялось развитию суконного производства, так как отечественного сукна для нужд армии не хватало. Отечественные заведения могли дать только треть нужного сукна, а закупка за границей обходилась дорого. Были приняты различные меры, выдавались ссуды. К 1814 г. число суконных фабрик возросло до 225 (45,3 тыс. рабочих) и потребности армии удовлетворялись полностью. Только к началу 1820-х годов внутренний спрос на сукна вновь превысил их производство.

Хотя война и нанесла промышленности тяжелый удар, внимание к ней правительства и министра внутренних дел Козодавлева способствовало ее возрождению и «поразительно быстрому» развитию⁶¹. Активно развивались шерстяная, шелковая, свеклосахарная и кунжутная отрасли. По неполным данным, за время министерства О. П. Козодавлева (1810–1819), погибшего в дорожной катастрофе, число фабрик и заводов выросло почти вдвое (с 2,5 до 4,5 тыс., то есть в среднем на 200 предприятий в год). Некоторое время в 1819 г. управление МВД было возложено по совместительству на князя А. Н. Голицына. В 1819 г. министром МВД вновь становится П. П. Кочубей, занимавший эту должность до февраля 1825 г.

После ликвидации Министерства полиции его функции были переданы МВД, а Департамент мануфактур и внутренней торговли 4 ноября 1819 г. был передан в ведение Министерства финансов, которому уже были подведомственны Департаменты внешней торговли и Горный. Историк Л. Е. Шепелев по этому поводу пишет: «Лишение МВД в 1819 г. функции заведования торгово-промышленным развитием страны представлялось не согласованным с перспективой

---

⁶¹ Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России... С. 229.

отмены крепостного права. Предполагалось, что при любых условиях проведения реформы часть крестьян останется без земли. Владение ими кустарным производством или навыками работы на фабриках давало им возможность менее болезненно пережить эту реформу, в чем МВД было особенно заинтересовано. Это обстоятельство понималось многими современниками, но официально не рассматривалось»⁶². В сущности, это отражало курс на отказ от быстрого реформирования страны.

В 1825 г., по официальным данным, в России значилось 5261 предприятие⁶³. За 6 лет после министерской реформы количество предприятий увеличилось еще на 1800 (в среднем на 300 в год). Воздействие кризиса было противоречивым. В это время капиталистические мануфактуры с вольнонаемными рабочими начинают вытеснять помещичьи (вотчинные) мануфактуры, но и те и другие страдали от мирового сельскохозяйственного кризиса и таможенных войн. Покровительственный тариф, введенный в период действия Тильзитского мира, сменился в 1816 г. тарифом, носящим фритредерский характер, затем еще более откровенным фритредерским тарифом 1819 г. Это вызвало сокращение числа фабрик, сахарных и суконных заводов, то есть предприятий в тех отраслях промышленности, где действие тарифа сказалось особенно сильно.

Процесс разорения вотчинных предприятий ярко показан академиком Б. Д. Грековым на материалах хозяйства декабриста М. С. Лунина. Суконная фабрика в тамбовском имении Лунина еще в 1820–1821 гг. приносила 18,5 % прибыли, в 1824–1825 гг. — только 2,1 %. Сукна этой фабрики не могли конкурировать с тонкими зарубежными материями. В итоге фабрику пришлось закрыть⁶⁴. В связи с промышленным переворотом в Англии пропал интерес к уральскому чугуну и железу, а также полотнам для парусов (с началом развития парового флота). В 1820-е годы экспорт железа по сравнению с концом XVIII в. снизился с 3 до 1 млн пудов. За Россией все больше закрепляется роль поставщика сырых сельскохозяйственных продуктов (сало, лен, щетина, пшеница, лес, кожи). И все же промышленность развивалась. Статистик К. И. Арсеньев в 1822 г. отмечал, что «нынешнее царствование отличается необыкновенным приращением

⁶² *Шенелев Л. Е.* Аппарат власти в России... С. 232.

⁶³ *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР. Конец XVIII — первой четверти XIX века. С. 12.

⁶⁴ Там же. С. 13.

числа различного рода фабрик и быстрым, неимоверным усовершенствованием изделий мануфактурных»⁶⁵.

Вместе с ростом фабрик и заводов разного профиля росла и численность рабочих, на них занятых: в 1825 г. их было 210 568 человек, из которых 54 % составляли вольнонаемные⁶⁶. Впрочем, многие из этих работников не порывали связи с земледелием, так как летом возвращались в деревню. Труд на фабриках во многом носил сезонный характер и был связан с крестьянским отходом на заработки. Развивалось и крестьянское кустарное производство, в которое крестьянами привносились и навыки, полученные на промышленных предприятиях. Кустарное производство перерастало в фабрику, но фабрика давало импульс кустарному производству.

Купечество было недовольно крестьянской конкуренцией. В апреле 1817 г. О.П. Козодавлев предложил даровать крестьянам право учреждать и иметь фабрики и заводы без приобретения гильдейских свидетельств, но оно было отвергнуто по настоянию министра финансов. Купечество, разделенное на гильдии, было разобщено. Было запрещено принимать прошения купцов 3-й гильдии о неприменении к ним телесных наказаний. От них были освобождены только купцы 1-й и 2-й гильдий. Кстати, духовенство было освобождено от телесного наказания только указом от 22 мая 1801 г., а жены священников — указом от 17 мая 1808 г. Конкуренция торгующих крестьян вызывала жалобы на «упадок купеческих капиталов». Министром финансов Е. Ф. Канкриным был подготовлен указ от 14 ноября 1824 г. о «гильдейской реформе», которая должна была «уменьшить тяготение крестьян к городским промыслам»⁶⁷. Одновременно большинство исследователей признают, что указ установил в принципе свободу учреждения фабрик и заводов для всех сословий. Другое дело, что учреждение предприятия обуславливало переход его владельца в торговое сословие. Крепостные крестьяне могли заниматься предпринимательской деятельностью лишь от имени (по доверенности) помещика.

Поскольку транспортные издержки составляли тогда до половины стоимости товара, особое значение в начале XIX в. приобрели

---

⁶⁵ Цит. по: Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 15.

⁶⁶ Ожунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первой четверти XIX века. С. 12.

⁶⁷ Цит. по: Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России... С. 236.

транспортные артерии, наиболее эффективными из которых были речные. Водные перевозки доминировали над более дорогими гужевыми. Еще ранее, с петровского времени, функционировал Вышневолоцкий водный путь, появление которого относится к 1703–1709 гг., позднее реконструировавшийся. В начале XIX в. к нему прибавились еще два водных пути, связавших бассейн Волги с Балтийским морем: Тихвинская водная система (Молога — Сомина — Тихвинка — Сясь), судоходство по которой началось в 1802 г., и Мариинская система с массовой перевозкой грузов с 1809 г. (Шексна — Белое озеро — Онежская озеро — Свирь). Большое место в транспортировке помимо продовольственных товаров занимали ткани, железо, чугун и изделия из них (гвозди, котлы, сковороды), химические и «колониальные» товары. Важное значение имел Сухоно-Двинский путь, освоенный во второй половине XVIII в. и завершившийся в Архангельске, водный путь по Южному Бугу, Березинская водная система в Белоруссии (с 1805 г.), Огинский канал, соединивший бассейны Припяти и Немана в 1810 г. Эксплуатация водных путей, в том числе искусственных каналов, способствовала развитию транспортной промышленности и торговли⁶⁸. Однако все наиболее значимые каналы были сооружены в первое десятилетие царствования Александра I.

В результате непродуманной либерализации после войны 1812 гг. оказалась подорванной русская внешняя торговля, находившаяся в ведении Министерства финансов. В рассматриваемый период министрами финансов были Д. А. Гурьев (1810–1823) и Е. Ф. Канкрин (1823–1844), доставшийся затем в наследство Николаю I. Д. А. Гурьев с самого начала был противником запретительного тарифа 1811 г. Он считал, что «запретительная система оказывает вред внутреннему производству, отнимая у промышленников побуждение к соревнованию и к усовершенствованию своих изделий, и возбуждая промышленную спекуляцию»⁶⁹. Под влиянием фритредерских идей, господствующих на Венском конгрессе, Д. А. Гурьеву удалось добиться в 1815 г. разрешения подготовить более либеральный тариф как «меру осторожную и переходную». Он был опубликован 31 марта 1816 г. Естественно, это привело к увеличению импорта: за два года ввоз товаров увеличился до 257,3 млн руб. Конвенция с Пруссией

⁶⁸ Истомина Э. Г. Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. М., 1982.

⁶⁹ Цит. по: Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России... С. 262.

1817 г., между прочим, нанесла урон колониальной торговле, поскольку открывала доступ иностранным товарам через Россию на азиатские рынки. Было оговорено право провоза польского сукна из Прусской Силезии в Кяхту. В результате продажа русских сукон в Кяхте резко сократилась.

20 ноября 1819 г. был введен новый таможенный тариф, который однозначно оценить трудно. По мнению историка Л. Е. Шепелева, это был по существу охранительный тариф, но современниками воспринятый как свободный по сравнению с тарифами 1811 и 1816 гг. Ввоз иностранных товаров возрос после этого незначительно (в 1819 г. — 215 млн руб., в 1820 г. — 231 млн руб.). Тем не менее, современники расценивали его как «второе разорение» после наполеоновского нашествия. Вскоре стало ясно, что торговые партнеры России не намерены адекватно вводить систему свободной торговли у себя. Русским купеческим домам и фабрикантам грозило разорение.

В области финансовой политики Д. А. Гурьев попытался сделать ставку не на прямые налоги, а на косвенные. В 1818 г. был принят новый Соляной устав, который, впрочем, оказался не очень эффективным. Была сделана также попытка изменить «питейный налог». В XVIII в. в этой области стала преобладать откупная система, которая привела к тому, что пьянство, поощряемое откупщиками, возросло; в их же карманах оседала и основная часть прибыли. Министр финансов попытался перенаправить финансовые потоки в пользу казны, и в апреле 1817 г. был принят «Устав о питейном сборе» в виде акциза с продаваемых напитков. Взамен откупов вводилось казенное управление питейными сборами, но деньги при этом стали оседать в карманах чиновников. Доход казны, наоборот, стал снижаться (с 1827 г. до 1863 г. была восстановлена откупная система).

Международный сельскохозяйственный кризис был вызван тем, что после континентальной блокады скопившиеся запасы, не находившие сбыта внутри стран-производителей, были выброшены на международный рынок. Соответственно покатались вниз цены, на зерно, в частности, на берлинской бирже — в три раза за несколько лет. В это время Россия впервые стала зависимой от европейского рынка. Это также сказалось на вывозе сельскохозяйственных продуктов из России, занявших преобладающую роль в российском экспорте — взамен чугуна в донаполеоновскую эпоху. Падение вывоза имело прямо-таки роковые результаты. В 1817 г. экспорт зерна из России

составил 143 млн пудов, в 1820 г. — только 38,2, а в 1824 году — упал до 11,9 млн пудов. Соответственно, упала и доля зерновых в русском экспорте. В 1821–1825 гг. хлебный вывоз в составе всего экспорта России сократился до 8,4 % (в 1802–807 гг. он составлял 18,7 %) ⁷⁰. Глубокий кризис охватил Южный регион, лидирующий в экспорте зерновых России. Осенью 1819 г. цена за четверть пшеницы (12 пудов) в Одессе упала с 45 руб. в лучшие времена до 8 руб. Объявленное для Одессы в 1817 г. порто-франко (свободный и беспошлинный ввоз всех иностранных товаров в Россию) слабо отразилось на общей судьбе региона. Часть купечества свернула торговлю и в надежде сохранить капиталы перешла к кредитным операциям. Сокращение экспорта было прямым ударом по небогатым помещичьим карманам. Кризис сбыта зерна, падение покупательной способности потребителей ударили и по российской промышленности.

Правительство безуспешно пыталось способствовать развитию торговли и промышленности, поддерживая банковскую систему. Открытие Коммерческого банка 2 января 1818 г. с конторами в Архангельске (1819) и Одессе, Риге, Астрахани и временной конторы в Нижнем Новгороде (1820) для «доставления вспомоществования купечеству и прекращения непомерной лихвы» кардинально не изменило ситуации. Открытие новых контор тормозилось. В донесении шпиона в 1821 г. отмечалось: «Громкий ропот доносится с биржи и гостиного двора. Все, кто занимается торговлей, исключая нескольких барышников, находящихся под покровительством, негодуют на таможенные законы и еще более на способ проведения их... Никогда еще не было таких стеснений в торговле». Е. Ф. Канкрин, сменивший 22 апреля 1823 г. Д. А. Гурьева на посту министра финансов, резко отрицательно относился к деятельности Коммерческого банка, считая его создание несвоевременным. По позднему свидетельству графа Н. С. Мордвинова (1827 г.), «вся почти внешняя торговля наша производится не на русские, а на иностранные капиталы...» ⁷¹.

Резко ухудшалось финансовое положение государства: с 1820 г. по 1822 г. государственный доход сократился с 475,5 млн руб. (ассигнациями) до 399 млн. Соответственно, дефицит бюджета вырос тогда же с 24,3 млн до 57,6 млн. Критическое положение государственного

---

⁷⁰ Брюханов В. А. Заговор графа Милорадовича. С. 109.

⁷¹ Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Ч. II. С. 138.

бюджета приводило к эмиссии бумажных денег. Еще накануне войны, в 1810 г., курс рубля упал до 25 копеек.

Ярко выраженный протекционистский тариф 1822 г., сохранившийся без существенных изменений до 1850 г., не сразу произвел переворот. При общем экономическом кризисе его введение не сразу компенсировало те убытки, которые понесли русская промышленность и торговля⁷². Только через несколько десятилетий стало ясным его положительное воздействие на успехи российской промышленности. А пока со всех сторон доносились жалобы и стоны. Осенью 1825 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин писал А. А. Аракчееву: «Внутреннее положение промышленности от низости цен на хлеб постепенно делается хуже, я, наконец, начинаю терять дух. Денег нет»⁷³. Выше приводилось аналогичное мнение, высказанное 4 апреля 1826 г. П. Г. Каховским Николаю I. Что может быть хуже? Хуже для всех?

---

⁷² Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Ч. II. С. 138.

⁷³ Цит. по: Брюханов В. А. Заговор графа Милорадовича. С. 110.

Тема 3

Сожженная конституция: внутренняя политика и проекты реформ в 1816–1820 гг.

Крестьянский вопрос: Освобождение крестьян в Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерниях

Положение крестьян в остзейских губерниях Прибалтики в начале XIX в. (эстонцы, латыши под властью немецких помещиков-баронов) особенно беспокоило власти, крестьянские волнения подтверждали опасность ситуации. «Очевидно, что крестьянские повинности, — писал в конце XVIII в. Гарлиб Меркель, — позорище самого необузданного себялюбивого произвола; но всего прискорбнее для латышей, что это подрывает в них всякую деятельность... Только то и есть у них, чего по доброте не захочет отнять помещик: точно так же и сами они не более того, что ему угодно»¹.

Смысл «Положений» 20 февраля и 20 апреля 1804 г. «о лифляндских крестьянах» и «эстляндских крестьянах» сводился к прикреплению эстонских и латышских крестьян не к немецкому помещику-барону, а к земле, а также установлению фиксированной барщины в специальных книгах — ваккенбухах. Остзейское дворянство встретило «Положения» с недовольством: они запрещали продавать земли, населенные крестьянами, то есть государство вмешивалось в отношения немцев-помещиков и замордованных баронами крепостных крестьян. Эстонское крестьянство также встретило эту реформу новыми волнениями 1805 г.

В 1816–1819 гг. развернулась новая аграрная реформа в трех Прибалтийских губерниях с немецким дворянством. В 1816 г. эстляндские бароны выступили с проектом освобождения крестьян, смысл которого заключался в признании земли частной собственностью помещиков и превращении «свободных» крестьян-эстонцев в бесправных батраков у бывших помещиков. Правительство прониклось нуждами немецких баронов, не желавших терять право распоряжения землей. Это походило на «прусский» вариант освобождения в ходе реформ Ф. Штейна 1807–1808 гг. и в Великом герцогстве

---

¹ Цит. по: Сборник документов по истории СССР. Первая половина XIX века. М., 1974. С. 39.

Варшавском, где польские крестьяне были освобождены Наполеоном в 1807 г. Проект был одобрен Александром I, и «Учреждение для эстляндских крестьян», и Высочайше утвержденное «Положение об эстляндских крестьянах» были приняты 23 мая (4 июня) 1816 г.² Аналогичные проекты для латышских крестьян были утверждены 25 августа (6 сентября) 1817 г. для Курляндии и 26 марта (7 апреля) 1819 г. для Лифляндии³.

Как и в Пруссии, реформа была ориентирована на интересы крупных земельных собственников. Крестьяне объявлялись лично свободными («свободными от наследственной помещику зависимости»), но без земли, чтобы обеспечить латифундии трудом батраков. Но в перспективе крестьяне получали возможность приобрести землю в собственность посредством покупки. «Свобода» передвижения крестьян была ограничена ближайшими окрестностями, крестьяне были лишены права торгово-хозяйственной деятельности. Помещики-бароны сохранили право подвергать батраков телесным наказаниям. Практика безземельного освобождения крестьян была подвергнута критике многими государственными деятелями. В частности, полномочный делегат при Правительственном совете Царства Польского, сенатор Н. Н. Новосильцов, изнутри видевший «польский» вариант, был озабочен намерениями польских помещиков в «литовских губерниях» последовать примеру немцев-баронов в отношении литовских и белорусских крестьян.

15 (27) марта 1818 г. в знаменитой варшавской речи царь обещал России конституцию и позволил себе прямо высказаться против крепостного права. В изданных в то время книгах К. И. Арсеньева «Российская статистика» и А. П. Куницына «Право естественное» также в духе просветительских идей ставился вопрос об отмене крепостного права (после выхода второй части в 1820 г. она была запрещена).

Мысль о необходимости отмены крепостного права к этому времени укоренилась в общественном сознании, но только среди прогрессивного меньшинства дворянства. На необходимости сохранения помещичьей власти над крестьянами настаивали Н. М. Карамзин, позднее П. Я. Чаадаев и др. Сторонники отмены крепостного права видели два возможных варианта решения этого вопроса: 1) втайне

---

² ПСЗ РИ. 1-е собр. Т. XXXIII. № 26278, 26279; *Окунь С. Б.* История СССР. Лекции. Ч. II. С. 106.

³ Там же. Т. XXXVI. № 27024, 27735; *Окунь С. Б.* История СССР. Лекции. Ч. II. Там же.

от общества и незаметно для крестьян; 2) с широким участием дворянской общественности. Мнение, высказывавшееся в литературе, что Александр I **тяготел ко второму варианту, остается только предположением**, не опирающимся на факты. Пока что он предпочитал действовать тайно. В 1817–1818 гг. 12 сановников получили секретные поручения Александра I **составить проект освобождения крепостных крестьян**. Причем проект, который бы «не заключал в себе никаких мер, стеснительных для помещиков». В феврале 1818 г. такое поручение было дано и А.А. Аракчееву. Получил его и граф Е.Ф. Канкрин. Для рассмотрения этих проектов был создан первый в России Секретный комитет по крестьянскому вопросу под руководством министра финансов Д.А. Гурьева, ставший предшественником негласных комитетов при Николае I. Сведений о нем сохранилось немного. Преемственность подхода к решению крестьянского вопроса при двух императорах, на самом деле, вполне очевидна.

Как же виделся процесс отмены крепостного права сановным государственным деятелям? Министр финансов Е.Ф. Канкрин сделал акцент на длительной выкупной операции. Более радикальным был проект А.А. Аракчеева, который предусматривал поэтапный выкуп помещичьих имений в казну «по добровольно установленным ценам с помещиками» или на «особенных правилах». Это было важное положение, которое стало позднее основой реформы 1861 года. Было предложено произвести детальную оценку имений. На покупку имений у помещиков предполагалось выделять ежегодно по 5 млн руб. ассигнациями, но не из государственного бюджета, а из особо составленного «капитала» путем выпуска ежегодно 10 тыс. кредитных билетов по 500 рублей каждый. Держателям их выплачивалось бы по 5 % годовых. Аракчеев полагал, что таким образом помещики получают двоякую выгоду. Во-первых, они освободятся от долгов. Во-вторых, помещики сохраняют за собой большую часть земли. Предлагалось также опубликовать манифест, чтобы успокоить дворянство и объяснить ему, что эта мера предпринята исключительно в интересах дворян. Проекты А.А. Аракчеева, П.Д. Киселева, В.П. Кочубея, А.Е. Чарторыйского были опубликованы в сборнике документов, изданном в 2003 г.⁴

⁴ Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России конца XVIII–первой четверти XIX века: Сб. документов. Липецк, 2003. (Проекты А.А. Аракчеева, П.Д. Киселева, В.П. Кочубея, А.Е. Чарторыйского).

Проект Аракчеева, судя по всему, был одобрен императором как перспективный, но он даже не был внесен на рассмотрение Государственного совета. Император и временщик вели себя как заговорщики, все делалось в тайне.

В мае 1820 г. П. А. Вяземский с двумя братьями Тургеневыми инициировал обращение к Александру I с предложением создать общество из числа дворян под председательством министра внутренних дел для обсуждения отмены крепостного права. Среди подписавших проект были тогда сравнительно молодые сановники: командир гвардейского корпуса И. В. Васильчиков, генерал-квартирмейстер Главного штаба А. С. Меншиков, бывший командующий оккупационным корпусом во Франции М. С. Воронцов. Со сходным проектом организации «Общества добрых помещиков» выступил В. Н. Каразин.

Справка

Каразин Василий Назарович (1773–1842) — общественный деятель, публицист, изобретатель и библиофил; из дворян Слободско-Украинской губернии; учился в частных пансионах. В Санкт-Петербурге посещал лекции в Горном институте, пытался для получения образования в 1798 г. тайно выехать за границу, был задержан, но прощен Павлом I. При воцарении Александра I подал ему записку с проектами реформ, предлагая законодательно ограничить «пределы зависимости» помещичьих крестьян. С весны 1801 г. — доверенное лицо Александра I, получил право личной переписки с ним, в 1802–1804 гг. — правитель дел Комиссии об училищах, инициатор создания Харьковского университета (1805 г.). Вмешательство в дела и планы Александра I привело к разрыву отношений. Уйдя в отставку в 1804 г., занялся изобретательством в своем имении, публиковал статьи, выступая за рационализацию помещичьего хозяйства. В 1819 г. вернулся в Санкт-Петербург и направил министру внутренних дел В. П. Кочубею ряд записок, в которых критиковал военные поселения, состояние финансов, систему образования. В 1820 г. был арестован по подозрению в написании прокламации «К преобразенцам» и по повелению Александра I без суда и следствия на 6 месяцев заключен в Петропавловскую крепость, потом в 1821 г. выслан в свое имение под гласный надзор полиции. В августе 1826 г. обратился с оправдательным письмом к Николаю I, а в 1833 г. вновь определен под надзор полиции, на этот раз негласный.

Александр I первоначально благосклонно отнесся к этой идее, но затем в свойственной ему манере неожиданно изменил свою точку зрения. «Государь признал подписку ненужной», — записал в дневнике

Н. И. Тургенев⁵. Князь Петр Вяземский писал в июне 1820 г. своему единомышленнику Николаю Тургеневу: «Злоупотребления режутся на меди, а добрые замыслы пишутся на песке. Я здесь недолго прожил [в Петербурге], а успел уже увидеть, как разнесло ветром начертания прекрасных предложений. Грустно и гадко! И самые честные люди из видных не что иное, как временщики: по движению сердца благородного бросаются вперед; по привычке трусить — при первом движении августейшего махалы отскакивают назад, и до сей поры адская надпись Данте блестит еще в полном сиянии на заставе петербургской»⁶.

**«Балашовский опыт» и сибирская реформа
М. М. Сперанского: местное управление**

В сфере действия центральных государственных учреждений в рассматриваемый период принципиальных изменений не произошло, если не считать упразднения Министерства полиции, просуществовавшего всего 10 лет (1810–1819). Внимание императора привлекла реорганизация местного управления. Принципы министерской реформы 1802–1811 гг. не были перенесены на местное управление, которое по-прежнему базировалось на «Учреждениях о губерниях» 1775 г. Состояние губернских и уездных учреждений было неудовлетворительным. Предполагалось, как отмечалось в наказе Александра I Министерству полиции в 1810 г., что распоряжения различных министерств будут проводиться на местах «посредством общей полиции». К исполнению таковых функций полиция оказалась не готовой. Помешала осуществлению намерений война 1812 года. После 1815 г. Александр I возвращается к своей идее. Историк, изучающий правительственную политику в отношении уездной полиции, Ю. В. Тот пишет: «Реформа местных учреждений задумывалась Александром I как часть общего преобразования государственного управления». В 1821 г. М. М. Сперанский в «Обзрении гражданских установлений» писал: «Вместе с учреждением министерств помышлено было и о лучшем образовании губернского устройства, но ни в 1802 г., ни в 1809 г. не было составлено полного на сию часть проекта»⁷.

⁵ Цит. по: Акулишин П. В. П. А. Вяземский: Власть и общество в дореформенной России. М., 2001. С. 130.

⁶ Цит. по: Там же. С. 131.

⁷ Цит. по: Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб., 2002. С. 35.

В 1817 г. предметом обсуждения в правительственных кругах стал проект учреждения генерал-губернаторских округов. В том году министр финансов Д. А. Гурьев в отзыве на проект неизвестного автора 1816 г. «Учреждение наместничеств» согласился с тем, что система местного управления не соответствует организационным принципам министерств.

Эта модель (которую можно рассматривать и как часть либерально-конституционных планов императора) была направлена на совершенствование российской государственности. Ставились две основные задачи. Во-первых, предполагалось усиление местной администрации в результате расширения ее полномочий, создания условий для облегчения сбора налогов, реорганизации полиции, облегчения делопроизводства. Второй задачей было развитие социальной сферы, «градских» и «сельских» «обществ», народного просвещения, ремесла и мелкой торговли. Одновременно выстраивалась дополнительная вертикаль власти, так как в округах должны были появиться полномочные представители императора.

Попытка реформы местного управления, задуманная еще ранее М. М. Сперанским, была частично осуществлена на практике бывшим министром полиции (1810–1812) генерал-лейтенантом А. Д. Балашовым. 4 ноября 1819 г. А. Д. Балашов был назначен на должность генерал-губернатора округа, состоящего из пяти центральных губерний к югу от Москвы: Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской. Задуманная реформа к 1821 г. провалилась, так как встретила сопротивление дворянства. Ее неудаче способствовал и общий правительственный курс на свертывание реформ.

В письме к Александру I из Рязани А. Д. Балашов просил освободить его от должности, так как он не может пресечь зло: «Сегодня два года, что угодно было Вашему Величеству назначить меня в генерал-губернаторы. Пользуясь позволением излагать истину перед очами вашими, сказать должен, с содроганием сердца, что в ужасном положении видел я все вокруг себя в течение сего времени. Злоупотребления должностей ощутительны; священные законы ваши употребляются нередко щитом самому злу сему, организованному в тайне. Жалованье их ничтожно, — повод к лихоимству. Наказания и награды, идя ходом медленным, не поражают. Я инструкции себе не имею, а единственный мой руководитель “Учреждение о губерниях”, изданное еще до учреждения министерств и к оным не приспособлено. Обряд и ход дел по гражданской службе затруднителен

и с обстоятельствами не соображен. Мои же руки связаны ими! Всемилостивейший Государь! Я, как приверженный к славе вашей верноподданный, осмеливаюсь утвердительно мнение свое сказать, что беспорядки внутреннего управления дошли до *неимоверной непристойности*. Могут быть причины государственные, не допускающие до сего времени врачевания зла сего, — я входить в оные не осмеливаюсь, но *генерал-адъютанту вашему быть посреди одного и быть безмолвну*, поистине приличия нет никакого. Силы мои истощаются в ежеминутной борьбе, и два года истощаются бесплодно! Позвольте мне удалиться от управления, доколе не придет время водворить улучшение одного. Тогда пожалуйста мне хотя одну какую-либо губернию (или сколько угодно будет) и позвольте мне над оной доказать, что Россия, в настоящем положении своем, при благополучном царствовании вашем, способна во внутренности ее принять вид ей приличный, лишь бы начала, от коих пойдет преобразование сие, были верно отысканы и постановления не многосложны; изящные машины всегда вид простоты имеют»⁸. Император оставил письмо без ответа.

В 1823 г. началась новая фаза реформы, проявившаяся, в первую очередь, как усиление вертикали власти. В феврале 1823 г. в беседе с Балашовым Александр I заявил, что «высшая степень всякого управления есть надзор за управлением сим»⁹. 2 марта 1823 г. император поручил А. Д. Балашову приступить к преобразованию губернского управления. 30 марта последовал указ об учреждении губернской полиции при губернском правлении «в отдельной части под именем полиции исполнительной»¹⁰. В июне 1823 г. губернская полиция была образована в Рязанской губернии, в июне 1825 г. — в Тульской и Орловской, позднее — Тамбовской и Воронежской губерниях. Только в Рязанской губернии реформа была более разносторонней. Здесь А. Д. Балашов создал губернский совет чиновников, который в перспективе должен был стать основой местного представительного органа.

Итоги этих преобразований были подведены уже в следующее царствование. «Комитет 6 декабря» рассмотрел 23 апреля отчет

---

⁸ Цит. по: Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века) // Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты / Изд. подгот. П. В. Ильин. СПб., 2009. С. 87.

⁹ Цит. по: Тот Ю. В. Реформа уездной полиции... С. 37.

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 42.

Балашова об управлении губерниями. На заседаниях Комитета 29 апреля и 4 мая 1827 г. было вынесено решение о восстановлении порядка управления, существовавшего до 1819 г. Этому решению способствовала отрицательная реакция на местах. В записке А. М. Тургенева (рязанского помещика), «пробное управление» А. Д. Балашова называется «пробным грабежом» и «генерал-губернаторскими произволом»¹¹. Позднее декабрист В. И. Штейнгейль писал: «Опыт сей принимается обывателями с негодованием на новые тягости и на умножение инстанций; а о пользе, какая из того произойти имеет, никто еще не говорит»¹².

Еще одной попыткой преобразовать местное управление было привлечение к государственной службе опального М. М. Сперанского, который тяготился вынужденным бездельем и забрасывал императора просьбами о возвращении на службу. Пришлось ему, смилив гордость, обратиться за поддержкой к А. А. Аракчееву, при содействии которого опала была снята. Но Сперанскому было предложено поработать в провинции. 30 августа 1816 г. он был назначен пензенским губернатором. В письме к П. Г. Масальскому М. М. Сперанский писал: «Я искренне счастлив и полностью удовлетворен. В качестве первого шага это больше, чем когда-либо ожидал»¹³. За два с половиной года управления губернией Сперанский много сделал для реорганизации управления.

Вскоре он обворожил местное дворянское общество. Со стороны пензенских барышень нашлось немало «соискательниц сердца» на еще не старого вдовца. Но его дочь Лизанька стеной встала против новой женитьбы отца, да и сам Сперанский не хотел связывать себя узами брака. Он живо интересовался рационализацией помещичьего хозяйства и пытался применить ее в своем пензенском имении Ханеневке. Но он по-прежнему стремится в Санкт-Петербург, считая это свидетельством своей полной реабилитации.

Под разными предлогами он написал за время пребывания в Пензе около 20 писем императору. После новых просьб о ходатайстве к военному генерал-губернатору Санкт-Петербурга С. К. Вязмитинову и к А. А. Аракчееву всесильный временщик ответил письмом: «Его Величеству угодно было удостоить вас новою доверенностью

---

¹¹ Цит. по: *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Политическая политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 216.

¹² Там же.

¹³ Цит. по: *Федоров В. А.* М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 139.

и дать вам препоручение столь важное для государства»¹⁴. Письмо было датировано 24 марта 1819 г., а 21 марта Александр I подписал указ о назначении Сперанского на должность сибирского генерал-губернатора. 31 марта к губернаторскому дому в Пензе подкатил на тройке фельдъегерь из Санкт-Петербурга. Он сразу проследовал в кабинет Сперанского, который по прочтении бумаг несколько успокоился. Это не было опалой, а назначением на новую должность. Хотя она и отдаляла его от столицы, но давала возможность проявить себя в качестве хозяина Сибири.

До него Сибирью, не выезжая из своего дома на Мойке, управлял И. Б. Пестель (отец декабриста), на которого поступил донос с обвинением в коррупции. Это был край произвола, взяточничества и безнаказанности местных чиновников. Исправник г. Верхнеудинска Лоскутов, обливая людей водой на морозе, делал из них статуи и с собаками охотился за беглыми. Городничий г. Енисейска Куколевский однажды запряг своих подчиненных и проследовал по улицам города за то, что они осмелились подать на него жалобу. Широко применялись пытки. Иркутский губернатор Н. И. Трескин (правая рука И. Б. Пестеля) прославился деспотизмом и жестокостью. Немногим лучше был томский губернатор Д. В. Илличевский. Комитет министров трижды в связи с жалобами назначал ревизию, которая откладывалась, так как И. Б. Пестелю покровительствовал А. А. Аракчеев.

7 мая 1819 г. Сперанский после трогательного прощания выехал из Пензы. 10 мая он уже был в Казани, где посетил университет. В Перми его встретил новый губернатор Криденер, а под Тюменью — назначенные в конвой казаки. Местное купечество поднесло ему хлеб и соль на серебряном блюде. «Хлеб принят, а блюдо возвращено», — записал в своем дневнике М. М. Сперанский¹⁵. 24 мая Сперанский достиг Тобольска, центра Западной Сибири, где взял в ближайшие сотрудники местного уроженца инженера капитана Г. С. Батенькова. По протекции М. М. Сперанского в 1821 г. он был переведен в Санкт-Петербург для работы в Сибирском комитете (член Северного общества). В Томске Сперанского встретил Илличевский, Сперанский «успокоил его своим обращением». 24 июня Сперанский выехал из Томска, а количество жалоб и обращений по мере приближения к Иркутску все возрастало.

¹⁴ Цит. по: *Федоров В. А.* М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. С. 148.

¹⁵ Цит. по: Там же. С. 154.

Сперанский первым делом укомплектовал личную канцелярию, затем начал знакомиться с Сибирью. Съездил он в Нерчинск и Кяхту — центры торговли с Китаем. Ревизия Сперанского вскрыла картину злоупотреблений и вымогательств местных чиновников. Сумма выявленных им взяток и присвоенных казенных денег достигла 3 млн руб. «За меня народ и ссыльные, — писал М. М. Сперанский дочери, — все остальные поклялись погубить меня»¹⁶.

Как генерал-губернатор Сперанский предпринял ряд мер для экономического, социального и культурного развития Сибири. Им были учреждены Главное управление торговли Сибири, Казенная палата для решения земельных и финансовых вопросов. Поддерживал он и Российско-Американскую компанию, действующую на Аляске, Алеутских островах и части Калифорнии. Многие акты касались отдельных регионов Сибири, другие были посвящены конкретным вопросам: «Уставы о ссыльных и об этапах», «Правила для переселения казенных крестьян по их желанию в Сибирь», «Постановление о пределах плаванья и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и пр.», «Правила для соляного управления в трех сибирских губерниях».

В 1822 г. Сперанский выступил инициатором реформы управления Сибири. В Сибири с 1796 г. было только две губернии — Тобольская и Иркутская. Теперь были созданы два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске (с 1839 г. — Омск) и Восточно-Сибирское (Иркутск). «Учреждение для управления сибирских губерний» коренным образом меняло статус губернаторской власти. Она была призвана действовать гласно и подконтрольно, а аппарат управления должен был быть «скорым в делах». Сперанским были собраны многочисленные сведения по топографии и статистике Сибири. Он интересовался сельским хозяйством, историй и «древностями» Сибири, местными верованиями, ламаизмом, собирал этнографические материалы. Изучая возможности расширения дальневосточной торговли, он накапливал информацию о закрытых тогда для внешнего мира Японии и Китае.

Специальные акты определили правовые вопросы и положение различных народов Сибири. Из 1,7 млн человек населения края коренные народы составляли около 450 тыс. (около 26 %). В 1822 г.

---

¹⁶ Цит. по: Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. С. 157.

был принят также «Устав об управлении инородцев», который закрепил определенное самоуправление коренных народов с опорой на местную знать. Народы Сибири были разделены на три категории: оседлое население (58 тыс. человек), которое мало отличается от русских; «кочевые народы, занимающиеся кочевым скотоводством; и «бродячие» (малые народы Севера общей численность не более 4,5 тыс. человек). Устав учитывал хозяйственные особенности народов и их традиции. Старейшины родов и племен могли быть как выборными, так и наследовать власть. Натуральные повинности по возможности заменялись денежными сборами. Старейшины теперь сами собирали налоги и относили в ближайшую казенную управу.

Миссионерская деятельность православной церкви поощрялась, но была запрещена насильственная христианизация. Гарантировалась свобода вероисповедания. Коренное население получило право открывать школы с преподаванием на родном языке или отдавать детей в русские школы. При Сперанском впервые были систематизированы материалы обычного права народов Сибири (позднее они вошли в изданный в 1841 г. «Свод степных законов»). Для входившей в состав Сибири северо-восточной части Казахской степи был составлен особый «Устав об управлении сибирских киргизов» (так долго называли казахов). Было принято также положение «Об отводе земель для кочевий киргиз-кайсаков». По положению 1822 г. в Казахской степи создавалось восемь внешних округов с окружными приказами, что привело к возникновению новых городов.

Реформы 1822 года проводились, когда Сперанского уже не было в Сибири. 8 марта 1820 г. управляющий МВД В. П. Кочубей официально объявил М. М. Сперанскому высочайшую волю — «прибыть в Петербург с делами сибирскими к исходу октября сего года». Следующим распоряжением Сперанскому было предложено прибыть в столицу позднее, в конце марта 1821 г. 8 февраля 1821 г. Сперанский выехал из Тобольска. По пути из Пензы в Рязань он встретился с генерал-губернатором А. Д. Балашовым. Им было о чем поговорить. 22 марта Сперанский прибыл в Санкт-Петербург и записал в дневнике: «Выехал 17-го марта 1812 г. Странствовал девять лет и пять дней»¹⁷. 6 июня в Царском Селе Александр I принял Сперанского и беседовал с ним в саду. Впрочем, говорил больше император, а Сперанский «успевал только кланяться». Через три дня начались

---

¹⁷ Цит. по: Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. С. 165.

постоянные доклады Сперанского по сибирским делам. Сперанскому отвели квартиру в Царском Селе и часто приглашали на обед к императорскому столу.

11 июля 1821 г. в связи с отъездом председателя Комиссии по составлению законов П. В. Лопухина Сперанскому было поручено управление делами этой комиссии. Комиссию затем возглавил приятель Сперанского профессор М. А. Балугьянский. 17 июля того же года последовал указ о назначении Сперанского членом Государственного совета. Вскоре после этого, 28 июля, был создан «Особенный комитет для рассмотрения отчета, представленного сибирским генерал-губернатором по обозрению сибирских губерний». Так был создан специальный Сибирский комитет (1821–1838), который заменил первый Сибирский комитет (1813–1818). Председателем его был назначен В. П. Кочубей, членами М. М. Сперанский, А. А. Аракчеев, А. Н. Голицын, министр финансов А. Д. Гурьев и государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен. В том же году Сперанскому было пожаловано 4,5 тыс. десятин земли в Пензенской губернии; его дочь стала фрейлиной.

22 июля 1822 г. все проекты Сперанского, о которых шла речь выше, были одобрены императором и получили силу закона. Разработанные Сперанским уставы действовали до начала XX в. «Корабль спущен, — писал М. М. Сперанский 1 августа 1822 г. своему преемнику на посту сибирского генерал-губернатора П. М. Капцевичу, — дай Бог ему счастливого плаванья»¹⁸.

На бюрократическом небосклоне Петербурга вновь засияла звезда Сперанского.

Созженная Конституция

«Конституционная дипломатия» Александра I, начатая в Финляндии в 1809 г., была продолжена во Франции. В 1814 г. во Франции восстанавливалась королевская династия Бурбонов, и устанавливалась конституционная монархия, основанная на синтезе сильной монархической власти и либерально-представительных институтов. Король Людовик XVIII оставался носителем верховной власти со всей полнотой исполнительных функций, с правом назначения на все должности в государственном аппарате, армии, полиции, суде. Он имел

---

¹⁸ Цит. по: Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. С. 168.

право законодательной инициативы и издания законов, а законопроект, принятый парламентом, становился законом только после утверждения королем. Парламент состоял из двух палат — Палаты пэров и Палаты депутатов. Для избрания в нижнюю палату устанавливался высокий имущественный и возрастной ценз (30 лет).

Победоносное окончание войны способствовало укреплению авторитета Александра I не только в России. На него возлагали надежды либералы. Письмом от 9 апреля 1814 г. из Франции бывший руководитель восставших поляков в 1794 г. Тадеуш Косцюшко (Kościuszko; в старой транскрипции — Костюшко), амнистированный в свое время Павлом I, **просил императора Александра «даровать полякам всеобщую амнистию, без всяких ограничений», провозгласить себя королем польским «с свободной конституцией, подходящей к английской конституции»,** и тогда выражал готовность служить родине и «моему монарху»¹⁹. Но поляки хотели большего — они мечтали о воссоединении Польши в ее прежних границах и присоединении «восточных воеводств». Об этом писали в письме к императору Адам Чарторыйский и в адресе на имя Александра I влиятельные польские дамы (в сентябре 1814 г.). Александр, естественно, напомнил в ответ на обращение А. Чарторыйского (который вопреки его надеждам так и не стал наместником в Польше), что еще живы воспоминания о действиях польских частей в России в 1812 г. Кроме того, добавлял он, «Литва, Подолия, Волынь считали и считают себя до сих пор русскими областями, и никакая логика в мире не убедит Россию уступить их под владычество иного государя, а не того, который управляет Россиею»²⁰. В любом случае, здесь был предмет для обсуждения.

А вот с конституцией для Польши все было решено. По трактату 21 апреля 1815 г. **между Россией, Австрией и Пруссией Варшавское герцогство было присоединено к России (Подолия и Волынь остались за Австрией).** Позднее, 13 (25) мая 1815 г., **были утверждены «Основные начала» польской конституции,** подписанные, кроме императора, В.С. Ланским (весной 1815 г. председатель Временного правительствующего совета Царства Польского), князем Адамом Чарторыйским, Н.Н. Новосильцовым, Фомою Вавржецким, князем Ксаверием Друцким-Любецким и государственным референтом Шанявским. В манифесте к полякам по этому случаю говорилось:

---

¹⁹ Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года... С. 121.

²⁰ Цит. по: Там же.

«Поляки! Новые связи будут соединять вас навсегда с народом великодушным, который по старым родственным связям с вами, по своему героизму, достойному равняться с вашим, по славному и общему называнию славянского народа, охотно войдет с вами в братские сношения. Конституция и неизменный союз соединит вас с судьбами монархии, которая слишком велика, чтобы желать увеличения, и не может держаться иных правил, кроме имеющих в своей основе справедливость и свободу. <...> Конституция применена к местным потребностям вашего края и к вашему характеру, сохранение языка, пополнение общественных должностей, полная свобода торговли. Легкость сношений с областями, оставшимися под чужим господством, народное войско, — одним словом, вам открыты все пути для прогрессивного увеличения ваших прав, возрастания вашей промышленности и распространения просвещения между вами. Таковы преимущества, которыми вы будете пользоваться под державой нашей и наших наследников; из этих преимуществ составитися то вечное наследство, которое вы завещаете вашим потомкам... Это новое государство — есть королевство Польское»²¹.

8 (20) июня 1815 г. во время пребывания императора в Варшаве было провозглашено восстановление Королевства Польского. Убедив командующего польской армией великого князя Константина Павловича отказаться от звания наместника, Александр I назначил на эту должность польского генерала Иосифа Зайончика.

Справка

Зайончек Жозеф (Иосиф; 1762–1826) — князь, польский генерал, ветеран наполеоновских войн, в 1812 г. в «Великой армии» Наполеона командовал соединениями корпуса Юзефа (Иосифа) Понятовского; генерал от инфантерии, наместник Царства Польского (1815–1826, 28 июня).

27 ноября 1815 г. конституция для Польши была утверждена. Впрочем, поляки не разделяли оптимизма Александра I и были недовольны тем, что император не обмолвился о присоединении к Королевству польскому «восточных воеводств». Уния с Россией, какими бы благими намерениями она ни мотивировалась, оскорбляла историческую память поляков о былой государственности Речи Посполитой. Поляки стали образовывать тайные общества с целью настоящего восстановления государства. Присоединением Польши была

---

²¹ Цит. по: *Дубровин Н. Ф.* После Отечественной войны 1812 года... С. 129.

заложена мина, взорвавшаяся при первой детонации в 1830 г., когда польские молодые офицеры и ветераны наполеоновских войн вновь повернули штыки против русской армии.

В 1818 г. конституционный акт был издан и в отношении Бессарабской области, в которой были установлены принципы некоторой автономии с сохранением особенностей права, употребления местного языка в делопроизводстве и т. д. Они сохранялись до 1828 г. Эти сюжеты были проанализированы в работе Я. С. Гросула (отца историка В. Я. Гросула)²².

В 1818 г. «либеральный консерватор» (по терминологии другого исследователя В. Н. Шульгина, — «свободный консерватор») князь П. А. Вяземский, служивший с 1817 г. в канцелярии Н. Н. Новосильцова, получил ответственное поручение. Ему был поручен перевод на русский язык речи Александра I на открытие польского сейма 15 (27) марта 1818 г. «Это было первое и единственное публичное заявление императора о возможности преобразований в России. Она вызвала значительный отклик в русском обществе»²³. Варшавская речь озадачила наиболее деятельных сотрудников императора: А. П. Ермолов, А. А. Закревский, П. Д. Киселев, И. Ф. Паскевич, Ф. В. Ростопчин единодушно высказались против нововведений²⁴. Что же говорить о рядовом провинциальном дворянстве! 2 мая 1818 г. М. М. Сперанский пишет Д. А. Столыпину из Пензы: «Вам, без сомнения известны все припадки страха и уныния, коими подвержены умы московских жителей варшавской речью. Припадки сии, увеличенные расстоянием, проникли сюда»²⁵. Это был страх отмены крепостного права, но и Конституции боялись многие дворяне. По мнению убежденного монархиста Н. М. Карамзина, «дать России конституцию в модном смысле есть нарядить какого-нибудь важного человека в гаерское платье... Россия не Англия, даже не Царство Польское.... Самодержавие есть душа, жизнь ее»²⁶. Но была и другая часть дворянства, которая стремилась к переменам. Именно в ответ на варшавскую речь был создан декабристский «Союз благоденствия».

²² Гросул Я. С. Автономия Бессарабии в составе России в 1812–1828 гг. // Гросул Я. С. Труды по истории Молдавии. Кишинев, 1982. С. 169–171.

²³ Акульшин П. В. П. А. Вяземский. С. 56.

²⁴ Брюханов В. А. Заговор графа Милорадовича. М., 2004. С. 68.

²⁵ Цит. по: Познанский В. В. Становление русской национальной культуры. М., 1975. С. 93.

²⁶ Цит. по: Там же. С. 94.

Император задумался, но все же поручил в начале 1819 г. Канцелярии Н. Н. Новосильцова в Варшаве (среди ее членов были П. А. Вяземский и П. И. Дешан) составить проект конституции для всей России, высказав в общих чертах свои намерения. Работа над проектом шла в глубокой тайне. Подготовленный проект основывался на идеях разделения властей и гарантии прав подданных со стороны монарха. Осенью 1820 г. Конституция была окончательно доработана во время приезда Александра I в Варшаву. Идентичные экземпляры на французском и русском языках соответственно назывались: «Конституционная хартия Российской империи» и «Государственная уставная грамота Российской империи»²⁷. Неупоминание слова «конституция» в русском варианте весьма симптоматично. Это была реакция императора на негативный отклик на его варшавскую речь. Матрицей составленной грамоты была как польская конституция 1815 г., так и французская конституционная Хартия 1814 г. В российской «Уставной грамоте» были использованы принципы французской и польской конституций. Одновременно в ней получили развитие идеи, заложенные в проекте 1809 г. Цели были сформулированы уклончиво. Конституция предусматривала, что единственным источником «властей гражданских, политических, законодательных и военных» является государь.

В области законодательной власти ему «содействует Государственный сейм» («Государственная дума»). Как и в Польше, общегосударственный и наместнические сеймы должны были состоять из двух палат — Сената и Посольской палаты. Нижняя Посольская палата комплектовалась из земских послов и депутатов окружных городских обществ. Предполагалось также учредить парламенты наместничеств, в которые депутаты избирались бы от дворянских собраний, «градских» и «мещанских» обществ. В Посольскую палату предполагались двухэтапные выборы. Вначале палата депутатов наместнического сейма должна была избрать «земских послов и депутатов», которые становились кандидатами в депутаты общероссийского парламента. Собственно общероссийский парламент комплектовался императором из числа кандидатов. Имущественный ценз в проекте Н. Н. Новосильцева дополнялся сословным критерием: половина кандидатов избиралась дворянскими обществами.

---

²⁷ Государственная Уставная грамота Российской империи: Проект // Конституционные проекты в России, XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 411–453.

Как и в «Плане» 1809 г., император должен был единолично обладать законодательной инициативой, а Сейм — правом вето, то есть ни один законопроект не принимал силу закона без утверждения в представительном органе. Но император мог отклонить любой закон, утвержденный Сеймом. «Уставная грамота» расширяла также права Государственного совета, находившегося в подчинении императора. Глава государства одновременно становился и главой церкви.

Грамота рассматривала и такую важную проблему, как взаимоотношения центра и регионов. Страну предполагалось разделить на наместничества во главе с наместниками, обладающими огромной властью на местах с правом вмешиваться в действия местных властей любого уровня. В то же время наместник должен был наблюдать за тем, чтобы крестьяне не подвергались «чрезмерным отягощениям», следить за развитием торговли и промышленности. В целом это был реалистичный проект, который давал максимум того, на что могла согласиться верховная власть в лице императора.

«Являясь реальным воплощением концепции конституционной дипломатии Александра I, — считает историк Т. А. Андреева, — “Уставная грамота” основывалась на компромиссе и представляла собой попытку соединения парламентаризма с сильной, почти абсолютистской, монархической властью»²⁸. Она не закрепляла главнейшего принципа контроля представительного органа над исполнительной властью в лице монарха. Не предусматривалось и вотирование Государственным сеймом бюджета страны. «Официальный либерализм второго десятилетия Александровского царствования, — делает вывод историк Т. А. Андреева, — являлся попыткой приспособить либерально-просветительские идеи к российским национальным условиям, сделать “выборку” из наследия Просвещения»²⁹. Эти намерения власти отвечали стремлениям просвещенной части дворянства («декабризм»). По замечанию историка Н. Ф. Дубровина, «все тянули песню конституционную, в которой запевакой был император Александр Павлович, давший конституцию полякам»³⁰.

Но эти намерения противоречили интересам большинства дворян, которые хотели жить по-старому. Узнав о негативной реакции на свою варшавскую речь, Александр, как это часто бывало, в принципе с проектом согласился, дал задание доработать, а затем дело

---

²⁸ Андреева Т. В. Тайные общества в России... С. 445.

²⁹ Там же.

³⁰ Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года... С. 118.

было отложено. К 1820 г. работа над «Уставной грамотой» была прекращена. Уже с конца 1819 г. произвол имперской власти в Царстве Польском во главе с великим князем Константином Павловичем и Н.Н. Новосильцовым стал усиливаться. Летом 1819 г. П.А. Вяземский (один из немногих русских в Варшаве, умевших находить общий язык с поляками) писал А.И. Тургеневу о бывшем «молодом друге» императора и своем начальнике Н.Н. Новосильцове: «Старик выжил из ума. Я теперь не требую от него ни доверенности, ни уважения. Дело сделано, я его раскусил»³¹. Итогом служебной деятельности П.А. Вяземского в Варшаве стало разочарование в намерении Александра I провести реформы, и в сентябре 1821 г. он с горечью задавал риторический вопрос: «Кто в России работает на завтрашний день?»³² В том же году П.А. Вяземский был отправлен в отставку под надзор полиции. В нарушение конституции в Польше была введена цензура, был запрещен выпуск ряда оппозиционных изданий, создана жандармерия. Впервые текст «Государственной уставной грамоты Российской империи», составленный Н.Н. Новосильцовым при участии П.А. Вяземского, был опубликован польским временным правительством в 1831 г. После поражения польского восстания эти экземпляры изымались и уничтожались. По сохранившемуся экземпляру в 1861 г. она была опубликована А.И. Герценом в Лондоне.

Конституционные и реформаторские планы вынашивались императором втайне от общества. Всякая самодеятельность общественности в этом направлении жестко пресекалась. Лифляндец Т.Э. Бок подал в 1818 г. конституционный проект и был посажен в Шлисельбургскую крепость. Только через десять лет, когда заключенный был уже в состоянии полного помешательства, его освободил Николай I³³.

В конце 1819 г. упоминавшийся ранее сторонник прогрессивных реформ, превратившийся теперь в консерватора, В.Н. Каразин направил министру внутренних дел ряд записок, в которых резко критиковал военные поселения, финансовую систему, недостатки в области образования. Это была критика справа. Он обращал внимание на распространение «духа развратной вольности», губительного для государства. Рукопись В.Н. Каразина была своеобразным «самиздатом».

³¹ Акулишин П.В. П.А. Вяземский... С. 58.

³² Цит. по: Там же. С. 59.

³³ Брюханов В.А. Заговор графа Милорадовича. С. 69.

Признавая необходимость постепенного улучшения положения крестьян, он выступил в защиту крепостного права и укрепления существующего строя при улучшении положения крестьян. Александр Муравьев разобрал рукопись, и свои соображения передал царю через П. М. Волконского. Прочитав, Александр I вынес вердикт: «Дурак! Не в свое дело вмешался!»³⁴ А. Н. Муравьева подвергли демонстративному аресту. Царь вполне ясно продемонстрировал, что не намерен допускать дискуссий о преобразовании России. В то же время Каразин в 1820 г. был арестован на 6 месяцев по подозрению в причастности к выступлению Семеновского полка, а затем как человек «беспокойный» и одержимый «страстью к интригам» выслан в свое харьковское имение под надзор полиции.

Наметившееся сближение власти и общества в 1816–1820 гг. так и не состоялось.

Министерство духовных дел и народного просвещения

После Отечественной войны в России осуществлялся политический курс «евангелического государства». В этом плане характерна деятельность Российского Библейского общества (см. выше) и учрежденного своеобразного Соединенного министерства — Министерства духовных дел и народного просвещения (24 октября 1817 г. – 1824). Это была самая крупная реформа высшего управления Русской Православной Церкви после образования Священного Синода.

Летом 1817 г. Александр I поручил А. Н. Голицыну, который в своем лице объединял руководство Св. Синодом, Главным управлением духовных дел иностранных исповеданий и Министерством просвещения (в августе 1816 г. назначен исполняющим обязанности министра), разработать проект соединения всех трех ведомств. А. Н. Голицын должен был руководствоваться тем, «чтобы христианское благочестие состояло всегда основанием истинного просвещения, а просвещение способствовало сему благочестию»³⁵. В конце августа А. Н. Голицын рапортовал о выполнении поручения.

24 октября 1817 г. был издан манифест «Об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения». Было создано два

³⁴ Цит.: Брюханов В. А. Заговор графа Милорадовича. С. 67.

³⁵ Кондаков Ю. Е. «Русская симфония» — четыре века испытания на прочность (Государственная власть и церковные реформы в России XVI–XIX веков). СПб., 2006. С. 109.

департамента. Первый из них — Департамент духовных дел — был новым образованием; вторым департаментом стал Департамент народного просвещения (бывшее министерство). Структур, связующих департаменты, не было, их управление соединялось в руках министра А. Н. Голицына. 19 ноября 1817 г. был издан указ: «князю А. Н. Голицыну быть министром духовных дел и народного просвещения». В Св. Синоде министру отводился специальный стол, за которым было место и для обер-прокурора. Министр должен был утверждать все решения Св. Синода. Обер-прокурором Св. Синода стал вице-президент Библейского общества князь П. С. Мещерский. В целом А. Н. Голицыну удалось идеально наладить работу Св. Синода и усовершенствовать делопроизводство. В то же время юридически положение Св. Синода в Соединенном министерстве не было четко определено, что могло создать условия для произвола министра. Не исключались и последующие преобразования, которые могли бы представлять опасность для церкви.

Департамент духовных дел разделялся на четыре отделения: «1) по делам Греко-Российского вероисповедания (ведало делами Св. Синода; в него входило два стола); 2) по делам Римско-католического, Греко-Униатского и Армянского вероисповеданий; 3) по делам всех Протестантских вероисповеданий; 4) по делам Еврейской, Магометанской и прочих вер нехристианских».

Историк Е. А. Вишленкова отмечала: «Традиционные формы управления конфессиями (Св. Синод, Римско-католическая духовная консистория, протестантские консистории) оставались прежними, но их высшие управления были сведены в Департамент духовных дел Соединенного министерства. При этом в управлении всеми христианскими церквями применялись одинаковые принципы»³⁶.

Позиции господствующего вероисповедания были поколеблены. Оно на практике было приравнено к другим христианским конфессиям. Св. Синод утратил свое уникальное положение. Историк Ю. Е. Кондаков заключает: «Возросло значение высших управлений прочих христианских церквей. Теперь они были приравнены к православному вероисповеданию общим главой департамента и министров. Идея о равенстве всех подданных перед государственной властью вне зависимости от их вероисповедания, несомненно, была заимствована

---

³⁶ Вишленкова Е. А. Идеология «евангелического государства» // Вишленкова Е. А. Религиозная политика: Официальный курс и общественное мнение России Александровской эпохи. Казань, 1997.

из европейского опыта»³⁷. Россия окончательно оформилась как страна с многоконфессиональным населением.

Вторым департаментом Соединенного министерства стал Департамент народного просвещения, который возглавил секретарь Библейского общества В. М. Попов. Собственно Министерство народного просвещения осталось в прежнем виде. При Попове подвизались его печально известные помощники М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич. Последовал, как принято считать, разгром Казанского (1819) и Петербургского (1821) университетов, из которых были уволены свободно мыслящие профессора. Впрочем, по идеологическим причинам было уволено не так уж много преподавателей.

Весьма колоритной фигурой этого времени был Михаил Леонтьевич Магницкий.

Справка

Михаил Леонтьевич Магницкий (1778–1844)—правнук Леонтия Филипповича Магницкого, педагога Математико-навигационной школы, автора учебника «Арифметика». В возрасте трех лет записан в Лейб-гвардии Преображенский полк. Образование получил в Благородном пансионе при Московском университете. Писал стихи. Был третьим по набранным баллам выпускником. В 1795 г. поступил на службу в гвардию. Дослужился до капитана, переведен в Коллегию иностранных дел (1798–1803); служил в Вене и Париже. По возвращении в Петербург в 1803 г. поступил на службу в МВД (1803–1810), статс-секретарь Департамента законов Сената. В это время сблизился с М. М. Сперанским и был введен им в ложу «Полярная звезда». В 1804 г. по поручению Александра I провел секретную ревизию во Пскове; в 1810 г. Александр приблизил его к себе в качестве статс-секретаря департамента законов в Госсовете с пожалованием в действительные статские советники. С 1811 г. **директор Комиссии составления военных уставов и уложений** при Военном министерстве. Под его руководством в 1812 г. приняты акты: «Учреждение Военного министерства», «Учреждение для управления большой действующей армией» и «Временный наказ Военному министерству», действовавший до 1831 г.

После ссылки покровителя Магницкого М. М. Сперанского 17 марта 1812 г. М. Л. Магницкий был объявлен государственным преступником и отправлен в изгнание в Вологду. В ссылке его жена потеряла здоровье, дочь умерла. 30 августа 1816 г. он был назначен вице-губернатором в Воронеж и с 1817 г. фактически выполнял функции губернатора. Указом от 14 июня 1817 г. он уже на должности гражданского губернатора в Симбирске, где

---

³⁷ Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: Эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003. С. 204.

проявил себя как ловкий, распорядительный администратор, поддерживающий отношения с М. М. Сперанским. С начала 1819 г. он снова на руководящей должности как член Главного правления училищ — органа, признанного направлять всю деятельность Министерства духовных дел и народного просвещения. В феврале того же года ему поручено произвести ревизию Казанского университета. В 1820–1816 гг. — попечитель Казанского учебного округа.

В начале 1826 г. Николай I отправил его в отставку вместе с Д. П. Руничем. Он был обвинен в растрате казенных денег, что потом доказано не было. На его имущество был наложен секвестр, а сам Магницкий сослан в Ревель, где, по свидетельству П. А. Вяземского, «затронул не одно женское сердце». В начале 1831 г. подал Николаю I записку «Обличение всемирного заговора против алтарей и тронов публичными событиями и юридическими актами». В записке он указывал, что благодаря М. М. Сперанскому проповедь «иллюминатства» велась в России с «адскими ухищрениями». Впервые участниками «мирового заговора масонов» были представлены евреи как «деморализующая сила». В 1834 г., по просьбе сына, служившего на юге в гвардейской кавалерии, переведен в Одессу, где установил связи с М. С. Воронцовым. В 1839 г. ему предписано переехать в Херсон, а в 1841 г. Воронцов исходатайствовал у императора разрешение на возвращение его в Одессу, где он стал получать пенсию и через три года умер.

Историк А. Ю. Минаков констатирует, что имя М. Л. Магницкого стало восприниматься как «символ торжества мракобесия, обскурантизма и реакции. Общим местом стало обвинение в исключении лучших профессоров»³⁸. В действительности же его эволюция отражала лишь общие колебания правительственного курса. С точки зрения власти нельзя было допустить, чтобы университеты стали «гнездом крамолы». Карьера Магницкого знала взлеты и падения, а сам он из либерала стал консерватором-охранителем и реакционером.

В 1819 г. был поставлен вопрос о преобразовании университетов как рассадников революционного духа. Новый покровитель М. Л. Магницкого А. Н. Голицын, получив записку о крайне запущенном состоянии Казанского университета, направил его в Казань с ревизией. Магницкий очень ответственно отнесся к поручению, составив отчет на 5 тысячах страниц. Итоговый отчет о ревизии Казанского университета обрисовал вопиющие недостатки, злоупотребления и должностные преступления (воровство, фальсификация экзаменов). В отчете присутствовали лишь акценты консервативности

³⁸ Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 36–49.

или реакционности. В частности, Магницкий отмечал отсутствие в учебных программах Закона Божия и наличие духа деизма. Некоторые из профессоров были уволены, но в основном по причинам преклонного возраста, низкой квалификации, пристрастия к алкоголю.

В то же время Магницкий выделил в качестве выдающихся ученых математика Н. И. Лобачевского и астронома И. М. Симонова, участника полярной экспедиции Ф. Ф. Белингаузена и М. П. Лазарева. Предложения по совершенствованию деятельности университета также в основном были конструктивными и расширяли его инфраструктуру. Предлагалось укрепить гимназию, готовить в ней учителей, образовать пансион для «благородного юношества», татарское училище, медико-хирургический институт с анатомическим театром. В дальнейшем Магницкий вынашивал прожектерские планы создания в Астрахани Института восточных языков, чтобы начать сношения «с учеными сословиями Индии».

После ревизии, в июне 1819 г., Магницкий был назначен попечителем Казанского учебного округа и занимал эту должность до опалы в 1826 г.

Инструкция предписывала ему ввести в университете преподавание «богопознания и христианского учения». Магницкий рьяно взялся за дело, изложив принципы консервативной реформы университетов в инструкции директору Казанского университета от 17 января 1820 г. Главной целью объявлялось воспитание «верных сынов Православной Церкви, верных подданных Государю, добрых и полезных граждан отечеству». Предписывался ввести строгий надзор за студентами. В основе преподавания всех наук, говорилось в инструкции, «должен быть один дух Святого Евангелия». Например, в курсе истории профессор обязан был проследить роль христианства и христианской церкви, показать, что «Отечество наше в истинном просвещении упредило многие современные государства». Кроме того, профессор истории должен был «распространяться о славе, которое Отечество наше обязано Августейшему дому Романовых... и достопримечательным происшествиям настоящего царствования»³⁹.

Автономия университета была ликвидирована, выборность профессоров отменена. Студенты были распределены не по курсам, а по «разрядам», в зависимости от степени «нравственного содержания». К первому разряду относились «отличные», «весьма хорошие»

---

³⁹ Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий. С. 41–42.

и «хорошие» студенты; ко второму — «испытываемые», «посредственные», «исправляемые». Третьим был разряд «находящихся под особым надзором». Студенты разных категорий жили на разных этажах и встречались только на лекциях или по билету надзирателя. Доступ в университет посторонних лиц был ограничен; впервые в истории образования в России стала практиковаться такая мера, как отправка студентов в солдаты без суда и следствия. Ей подверглись двое студентов за неумеренное употребление спиртных напитков. Свои взгляды М.Л. Магницкий выразил в записке «О народном воспитании», которую представил Александру Павловичу 7 ноября 1823 г.

Таким образом, начав как космополит и либерал, приблизительно с 1822–1823 гг. М.Л. Магницкий стал представителем учения, исходившего из убеждения в том, что Россия должна идти по самобытному пути развития. Он примкнул к ревнителям православия, «православной партии», противостоявшей «мистической партии», проводившей в жизнь идеи надцерковного «универсального христианства».

Другой символической фигурой консервативно-реакционной политики Александра I в области просвещения стал Д.П. Рунич.

Справка

Дмитрий Павлович Рунич (1778–1860) — сын гражданского губернатора Владимира П.С. Рунича, получил домашнее образование; непродолжительное время служил в Семеновском полку и вышел в отставку в звании прапорщика. Занимался литературными переводами. Назначен секретарем-переводчиком при Венском посольстве (1797–1798), где познакомился с М.Л. Магницким, приняв у него должность. С 1800 г. он был в штате своего отца, Владимирского генерал-губернатора, 12 ноября 1804 г. вступил в Санкт-Петербурге в масонскую ложу «Умиравший сфинкс», где великим мастером был А.Ф. Лабзин. В Москве сблизился с Н.И. Новиковым. Благодаря поддержке масонов стал заместителем почт-директора. В 1812 г. после ареста начальника московского почт-директора Ф.П. Ключарева как «мартиниста» назначен московским почт-директором (1812, август–1816, 11 февраля), затем, как и М.Л. Магницкий, член Главного правления училищ (1819–1826). После отставки С.С. Уварова — попечитель Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургского учебного округа (1821–1826). Писатель по религиозным вопросам, мемуарист.

Д.П. Рунич — признанный мистик и «мракобес» — не был выдающимся политическим или общественным деятелем. Первоначально был известен как активный масон. После Отечественной войны

1812 года в развитии его мировоззрения начался «Библейский» период, когда он активно участвовал в деятельности Московского отделения Библейского общества. Его речи, оформленные в виде двух брошюр, получили неоднозначную оценку властей. Бюрократические интриги привели к потере им должности, но с присвоением чина статского советника и причислением к почтовому ведомству с окладом 1200 руб. в год (как почт-директор он получал 1500 руб.). Период отставки стал пиком его литературного творчества. Ситуация изменилась с учреждением Министерства духовных дел и народного просвещения и пребывания в Москве в 1818 г. (где долгое время находился Императорский двор) А. Н. Голицына. Руководители Библейского общества вспомнили о Д. П. Руниче и пригласили его занять место директора департамента духовных дел (уже занятого). Д. П. Рунич терпеливо ждал, но, вероятно, негативную роль сыграла его принадлежность к масонской ложе. 8 марта 1819 г. Александр I подписал указ о назначении его членом Главного правления училищ с приличным окладом 3000 руб. в год. А. Н. Голицын известил его официальным письмом через неделю, 15 марта. Еще одним указом министру финансов за прошлую службу Рунича в должности почт-директора было приказано выдавать ему еще 3000 руб. ежегодно. Таким образом, по окладу он ничего не потерял по сравнению с постом директора департамента (6000 руб.), на который он так и не был назначен. Для сравнения обер-прокурор Св. Синода имел ежегодный оклад в 4000 руб., министр А. Н. Голицын получал 12 000 руб.

После появления в новой должности Д. П. Рунич выступил против проекта устава Санкт-Петербургского университета, предложенного С. С. Уваровым, как якобы «германской системы», оторванной от жизни. Поводом для известной «чистки» Санкт-Петербургского университета послужил беспорядок, устроенный воспитанниками Благородного пансиона в январе 1821 г. А. Н. Голицын воспринял этот конфликт очень остро, он распорядился увеличить число гувернеров и ужесточить надзор за воспитанниками. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уваров (и ранее критиковавший нововведения в Казанском университете) не был согласен с этими решениями. 1 мая 1821 г. А. Н. Голицын сообщил Д. П. Руничу, что С. С. Уваров попросил его уволить от должности по состоянию здоровья. Так Д. П. Рунич был назначен на место Уварова попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Первым делом он решил

тайно проверить конспекты профессоров университета на благонадежность; в этом начинании его поддержал А. Н. Голицын, который писал ему: «Вы хозяин округа, вам одному и следует осматривать и представлять, что найдете и какие меры взять к исправлению злоупотреблений»⁴⁰.

После проверки конспектов были приостановлены лекции профессоров статистики (предмет которой понимался тогда более широко как народное хозяйство) К. Ф. Германа и К. И. Арсеньева, профессора всеобщей истории Э. В. Раупаха и профессора философии А. И. Галича. В ноябре 1821 г. прошло общее собрание университета, на котором рассматривались лекции обвиненных профессоров. Д. П. Рунич заявил, что исторические науки и философия преподаются в духе, противном христианству, а в умы студентов внедряются разрушительные идеи. В протоколе Главного правления училищ было записано: «В лекциях отвергается достоверность Священного Писания и находятся дерзкие хулы на распоряжения правительства... под видом обучения высшим наукам, систематически напивываемы были смертельной отравой для рассеивания по всему отечеству пагубных семян неверия, богоотступничества и мятежных правил»⁴¹.

Так был дан ход «делу профессоров», суд над которыми прошел несколько инстанций вплоть до Комитета министров. Уволен был один Э. В. Раупах. Распространенное в литературе и учебниках утверждение, что были уволены и другие профессора, не совсем точно. А. И. Галич, К. Ф. Герман, К. И. Арсеньев и К. И. Лодий были только отстранены от преподавания, но продолжали числиться при университете и получать жалование. Кроме того, профессоров К. И. Арсеньева и К. Ф. Германа, обвиненных в пропаганде «маратизма» и «робеспьеризма», взял к себе на работу в Инженерное училище великий князь Николай Павлович. Интересно, что донос на него Магницкого в покровительстве либералам попал уже в руки императора Николая I. **За точное следование инструкциям А. Н. Голицына и директора департамента М. В. Попова Д. П. Рунич был поощрен.** 1 августа 1822 г. (день указа о запрещении масонских лож и тайных организаций) ему была назначена прибавка к жалованию (3600 руб. в год) и пожалованы на 12 лет в аренду три села, приносящие ежегодный доход 2090 руб.

⁴⁰ Цит. по: Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 72.

⁴¹ Цит. по: Там же.

Положение Д. П. Рунича пошатнулось после падения А. Н. Голицына, когда 15 мая 1824 г. он «вышел» из вновь реорганизованного Министерства и остался «главным над почтовым департаментом». 25 июня 1826 г. Д. П. Рунич был уволен со службы и отдан под суд. Ему инкриминировались финансовые злоупотребления. На выделенные на ремонт университета деньги он якобы обновил только уборные и отремонтировал свою квартиру. Его и связанных с этими работами чиновников отдали под суд и взыскали с них потраченные деньги.

Дальнейшую жизнь Д. П. Рунич посвятил изучению религиозной литературы и написанию многочисленных работ по истории церкви и богословию, большая часть которых не была опубликована. Он написал мемуары. В отличие от М. Л. Магницкого, перешедшего на сторону «православной» партии, Д. П. Рунич остался верен А. Н. Голицыну и убеждениям своей молодости. В его трудах сильна масонская составляющая. Впрочем, он был законопослушным чиновником и верноподданным.

Исследовавший взгляды Д. П. Рунича историк Ю. Е. Кондаков пишет: «Биография Д. П. Рунича весьма характерна для представителей “просвещенного” и российского дворянства начала XIX в. Ориентируясь на Европу, российскую действительность своего времени они считали “ветхой” и “отсталой”. С тех же позиций оценивались Русская Православная Церковь и клир (духовенство). Учение, преподаваемое в масонских ложах, пропаганда Библейского общества, религиозные произведения европейских авторов пытались убедить россиян в том, что близится второе пришествие Иисуса Христа, и в преддверие его религиозные учреждения должны быть “обновлены”. В личной жизни и религиозной практике предлагалось вернуться к мистическому опыту первых христиан, а для общения с Богом отказаться от посредничества клира. Привыкшие еще с петровских времен равняться на Запад, многие представители высших классов российского общества благосклонно воспринимали эти идеи. Поэтому попытки “обновления” Русской Православной Церкви неоднократно предпринимались в царствование Александра I».

Неоднозначная «смена вех» при Александре I привела к ожесточенной борьбе партий «либералов» и «консерваторов». Каждый по-своему характерные деятели в этой сфере, Д. П. Рунич и М. Л. Магницкий стали жертвами очередного изменения правительственного курса на рубеже царствований Александра I и Николай I.

Тема 4

«Кочующий деспот»: Россия в объятиях «Священного союза»

«Медовый месяц» Священного союза. Конгресс в Аахене

После Отечественной войны 1812 года и победоносных Зарубежных походов русской армии 1813–1815 годов Александра полностью поглощают государственные дела, прежде всего внешняя политика. «Теперь коллежский он ассессор по части иностранных дел», — восклицает в эпиграмме А. С. Пушкин.

Известно марксистское положение, что внутренняя политика определяет политику внешнюю. Но в отдельные периоды истории бывает и наоборот. Именно к такому периоду относилось первое послевоенное десятилетие 1816–1825 гг. Впрочем, после Венского конгресса (Заключительный акт 9 июня 1815) и создания по инициативе российского монарха «Священного союза» (14/26 сентября 1815) внешняя политика стала для Александра де-факто внутренней политикой, так как Европа почти превратилась в ближнее зарубежье. Ведущая роль в Священном союзе, призванном сохранять монархические режимы, принадлежала Александру I и австрийскому канцлеру К. Меттерниху. Решения конгресса и особенно Секретный протокол от 3 (15) ноября 1818 г. были направлены на сохранение в Европе порядков Реставрации, гарантию европейских границ, борьбу с «революционным духом», утверждение приоритета общехристианских и общегосударственных ценностей по отношению к национальным. Но необходимо также отметить, что творцы Венской системы понимали необратимость исторического процесса, невозможность возврата к феодально-абсолютистским порядкам до 1789 г. Либерально-конституционные принципы, как предполагалось первоначально, должны были способствовать стабильности и мирной эволюции социально-политических институтов.

Уже на первом конгрессе Священного союза в Пруссии, на самом западе Германии, в вестфальском городе **Аахене** (Ахене; нем. Aachen), состоявшемся 30 сентября – 22 ноября 1818 г., вопрос о борьбе с революционными движениями стал приоритетным. На Аахенском конгрессе присутствовали представители пяти держав: Александр I,

Франц I и К. Меттерних (Австрия), Фридрих-Вильгельм III и К. А. Гарденберг (Пруссия), Каслри (Англия) и герцог Ришелье (Франция). Первым результатом их переговоров было решение досрочно (не позднее 30 ноября 1818 г.) вывести оккупационные войска бывших союзников из Франции, а оставшаяся сумма контрибуции определялась в 265 млн франков. Ришелье настаивал на превращении Четверного союза в союз пяти держав. Тем не менее, сначала была принята декларация, которая подтверждала Четверной союз с целью поддержания режима Бурбонов во Франции. 1 ноября 1818 г. была подписана конвенция России, Австрии, Пруссии и Англии, подтверждающая союз этих государств 1814 г. (Шомонский трактат) для этой цели. После этого особой нотой союзники предложили Людовику XVIII присоединиться к этому союзу с той же целью. Так Франция с некоторыми оговорками становилась полноправным участником Священного союза.

По словам секретаря конгресса Ф. Генца, главная цель конгресса состояла в том, чтобы «предохранить власть от крушения путем избавления народов от свойственных им заблуждений». 15 ноября всеми пятью державами были подписаны секретный протокол и декларация. Протокол обязывал участников конгресса способствовать соблюдению порядка, «коим мир возвращен Европе и коим единственно оным может быть обеспечен». Вмешательство пяти держав во внутренние дела любого европейского государства могло иметь место первоначально только по желанию последнего и с предоставлением ему права участвовать в переговорах. Этот ограничительный пункт был внесен по настоянию Каслри, опасавшегося чрезмерного влияния России и Австрии на второстепенные государства. Декларация, предназначенная для опубликования, содержала заявление о желании пяти держав поддерживать начала «международного права, спокойствия, веры и нравственности, коих благотворное действие столь пошатнулось в наши времена злополучные». 21 ноября представители держав подписали также протокол о ранге министров-резидентов, которые должны были идти после министров первого (послы) и второго (посланники) ранга послов перед поверенными в делах. Министр-резидент должен был быть аккредитован не при главе государства, а при министре иностранных дел.

А. С. Пушкин в своих «Noël» («Сказках») изображает Александра как «кочующего деспота», возвращающегося с этого конгресса:

Узнай, народ российский,
Что знает целый мир;

И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.

«Столько престолов низверженных...»: европейские революции и национально-освободительные движения 1820–1823 гг.

В 1820–1821 гг. вторая (после конца XVIII – начала XIX в.) волна революций и национальных движений захлестнула Европу. По горячим следам событий А. С. Пушкин писал в «Евгении Онегине»:

Дымились грозно Пиренеи,
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям в Морее
Из Кишинева уж мигал.

Это намеки на революции в Испании, Португалии, Неаполе и восстание в Греции, которое задумывал руководитель греческих патриотов в России генерал-майор Александр Ипсиланти, потерявший руку в 1812 г. А еще были Валашское восстание, пронунсиаменто (военный переворот) на этот раз в Пьемонте, волнения и заговор в Англии, студенческие волнения в Пруссии...

Краткая хронология событий выглядит следующим образом.

В 1817 г. начались студенческие волнения в Пруссии. Они завершились 23 марта 1819 г. убийством в Мангейме студентом К. Зандом агента русского влияния в Германии писателя А. Ф. Коцебу, несколько лет жившего в России (отца нескольких достойных сыновей, в том числе известного русского мореплавателя Отто Коцебу).

Собственно революции начались с испанского пронунсиаменто (военного переворота). Правительство Испании готовило войска для отправки в Америку с целью подавления освободительного движения в испанских колониях. Это вызывало дополнительное недовольство армии. 1 января 1820 г. в Кадисе против Фердинанда VII поднял восстание 2-й Астурийский батальон во главе с командиром, членом масонской ложи, полковником Риго-и-Нуньесом (1775–1823), потребовавшим введения конституции. Вскоре его поддержал генерал дон Антонио Кирога (Кви́рога; *Quiroga*), освобожденный им из заключения и возглавивший затем войска. Так началась вторая (после революции 1808–1814, направленной против Наполеона) испанская революция 1820–1823 годов. Испанский король 9 марта 1820 г. был вынужден подписать декрет о восстановлении испанской конституции

1812 года и созыве представительных Кортесов, которые после созыва летом того же года декретировали национализацию монастырских земель и уничтожение инквизиции.

13 февраля 1820 г. рабочим П.-Л. Лувелем в Париже был убит лидер крайних монархистов Шарль-Фердинанд, герцог Беррийский, наследник французского престола. Убийство дюка Берри представлялось во Франции как начало грядущих социальных потрясений.

В начале июля 1820 г. началась кратковременная революция в Неаполитанском королевстве (Королевстве Обеих Сицилий), где после наполеоновских войн была восстановлена власть Бурбонов. Упорное преследование Фердинандом I карбонариев, выступавших против абсолютистской власти, активизировало их действия. Военную революцию возглавил неаполитанец полковник Г. Пеппе. 6 июля король подписал конституцию по образцу испанской конституции 1812 года. Была установлена конституционно-представительная монархия; 1 октября был созван парламент из 72 депутатов.

24 августа 1820 г. в Порту восстали войска, которыми командовали Кабрейра, Сепульведа и Сарменту. В январе 1821 г. были созданы Учредительные Кортесы. Это было прологом для начала второго этапа Португальской революции. Если революция 1808 года была направлена против французов, то теперь — против зависимости от Англии. Военная жунта (португальский вариант испанского слова «хунта») вынудила Жуана (Иоана) VI **вернуться из Бразилии в Португалию** и подписать принятую в январе 1821 г. либеральную конституцию (по образцу испанской Кадисской конституции 1812 года). Значительная часть реформаторских проектов не была реализована. Началась война между конституционалистами и абсолютистами.

В 1820 г. в Англии был раскрыт заговор радикалов в парламенте, которые в условиях обострившегося кризиса намеривались расправиться с кабинетом министров. Тогда 5 человек, готовивших покушение на правительство, были публично повешены. Годом ранее в Англии, в Манчестере, вспыхнули уличные беспорядки, при подавлении которых войсками были человеческие жертвы. Вызреванию народных волнений способствовал экономический кризис 1819 г.

В январе 1821 г. началось Валахское восстание румынских крестьян во главе с Тудором Владимиреску против турецкого владычества и греков-фанариотов (от названия богатого квартала в Константинополе Фонар), занимавших ключевые посты в управлении Дунайских княжеств, в турецкой администрации и торговле.

6 марта 1821 г. Александр Ипсиланти с небольшим отрядом этеристов (членов греческой тайной организации «Филики Этерия», основанной в 1814 г. в Одессе) перешел Прут и вступил на территорию Молдавского княжества с целью поднять восстание против турецкого господства на Балканском полуострове. Представители аристократического греческого рода, который дал нескольких господарей Валахии и Молдовы, князя А.К. Ипсиланти, Д.К. Ипсиланти и Н.К. Ипсиланти находились на русской военной службе. Александр Ипсиланти был адъютантом Александра I и дослужился до генерал-майора. Это он тот самый «безрукий князь», потерявший на войне руку. Александр I уволил братьев с русской службы. 22 февраля Александр Ипсиланти прибыл в Грецию с целью поднять балканские народы против турецкого владычества. К сожалению, ему не удалось наладить контакт с восставшими румынами, для которых он был тем же греком-фанариотом. Он отказался ликвидировать земельные привилегии бояр и вступил в конфликт с румынскими повстанцами. Уже 19 июня 1821 г. небольшой отряд А.К. Ипсиланти был разбит, сам он бежал в Австрию, где был посажен в тюрьму (освобожден благодаря вмешательству Николая I в 1826 г.). Воспользовавшись поражением Александра Ипсиланти, турки в июне 1821 г. подавили и Валашское восстание.

10 марта 1821 г. вспыхнуло восстание в Турине под руководством полковника Г. Ансальди, которое послужило началом революции в Пьемонте (Сардинском королевстве) против Виктора-Эммануила I. Патриотично настроенные офицеры и представители пьемонтских карбонарских вент из окружения наследного принца Сардинского Карла-Альберта мечтали о возвращении Ломбардии как первом шаге к объединению Италии. Еще в июле 1820 г. под влиянием испанской революции начались волнения в университете, а в армии возник заговор во главе с полковником А. Мороццо и майором А.-С. Де Санта Роза. Предполагалось объявить в Пьемонте конституцию типа испанской, вторгнуться в Ломбардию, а если бездетный король Виктор-Эммануил I откажется принять конституцию, то провозгласить королем принца Сардинского Карла-Альберта. 10 марта 1821 г. (когда австрийцы ушли из Пьемонта) офицеры-заговорщики объявили конституцию и объединение Италии. 12 марта 1821 г. Виктор-Эммануил I отрекся от престола. Королем стал его брат Карл-Феликс I, а регентом Карл-Альберт. На следующий день после нового военного бунта Карл-Альберт принял «испанскую конституцию», и была создана

временная жунта как высший исполнительный орган. Но король Карл-Феликс I, находившийся за границей, конституцию не принял. Карл-Альберт после этого также отказался от регентства и покинул страну. Остальная Италия не поддержала движение.

6 апреля 1821 г. началось греческое национально-освободительное восстание в самой Греции (1821–1829). В течение нескольких месяцев оно охватило всю Морею (славянское название Пелопоннеса), затем перекинулось на острова Эгейского моря.

Активизация деятельности будущих декабристов в России происходила на фоне и под влиянием этой волны европейских революций. Со свойственной ему четкостью эту мысль выразил лидер «Южного общества» декабристов Павел Пестель: «Происшествия 1812, 1813, 1814 и 1815 гг., равно как предшествовавших и последующих времен, показали столько престолов низверженных, столько других поставленных, столько царств уничтоженных, столько новых учреждений, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных, и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных...»¹. Или другое его характерное высказывание: «Нынешний [век] ознаменовывается революционными мыслями... От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клекотать»². Естественно начинало казаться, что ход жизни ставит вопрос о революции в России.

Конгрессы Священного союза 1820–1822 гг.

Начавшиеся революции стали причиной проведения союзнических конференций в Карлсбаде (Карлови Вари; 15 ноября 1819–15 мая 1820) и Вене (15 мая 1820). На них был подтвержден принцип вмешательства.

На конгрессе Священного союза в **Троппау** (Опаве; 10 октября 29 ноября 1820 г.), в чешской части Силезии, созванном по предложению К. Меттерниха, участвовали Австрия, Россия, Пруссия, Франция

---

¹ Цит.: Чернов С. Н. Декабрист Ив. Пестель // Чернов С. Н. Павел Пестель. СПб., 2004. С. 92.

² Цит.: История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999. С. 175.

и Англия. Первые три государства подписали декларацию (7/19 ноября 1820 г.), которая вновь провозглашала принцип вмешательства ведущих стран союза во внутренние дела соседей. Но, в отличие от решений Аахенского конгресса, если строй каких-либо стран будет изменен «путем восстания», то вмешательство становилось возможным даже без приглашения их монархов. «Союзники, — говорилось в декларации, — употребят для возвращения их в лоно союза сначала дружественные меры, а затем принудительную силу»³. В первую очередь, речь шла о подавлении революции в Неаполитанском королевстве (Королевстве Обеих Сицилий), где была провозглашена конституционно-представительная монархия. Это вызывало беспокойство Австрии, владевшей соседними территориями в Италии (Ломбардия, Венеция). В ходе конгресса состоялись многочисленные неофициальные встречи и светские развлечения. Кроме Александра I на конгрессе присутствовал и великий князь Николай Павлович.

Для переговоров с итальянскими государями в январе 1821 г. конгресс переехал в **Лайбах** (Люблян), австрийскую Словению, поближе к Апеннинскому полуострову. Этот конгресс открылся 11 января 1821 г. в роскошном Дворце конгрессов. Он продолжался до 26 февраля (фактически до 12 мая) 1821 г. Уже 9 февраля русский, австрийский и прусский посланники одновременно сделали в Неаполе заявление, что «неаполитанская революция угрожает безопасности Италии, оскорбляет Европу, и что поэтому австрийское, а в резерве русское войско отправится в Неаполь»⁴. Франция заявила о своей поддержке интервенции. Английский посол объявил, что Англия придерживается нейтралитета.

Александр I предложил для подавления революции 100-тысячную армию под командованием А. П. Ермолова. Еще накануне в связи с революционными событиями в Европе, в 1820 г., на базе вторых батальонов пехотных полков в России была сформирована Резервная армия в составе четырех корпусов. Армия была переведена в состояние повышенной боевой готовности. Александр I **отдал секретное распоряжение** о подготовке для зарубежного похода русских частей, часть армии была выдвинута к западной границе империи. Гвардейские

---

³ Дебидур О. Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814–1873) / Пер. с фр.: В 2 т. Т. 1. Священный союз. (1814–1847). М., 1947. С. 179.

⁴ Цит. по: Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 492.

полки успели дойти до Прибалтики. Это решение вызвало крайне негативную реакцию в России. Вмешательства русских войск не потребовалось. Австрия поспешила справиться сама до прибытия русских войск. 10 февраля 1821 г. австрийские войска двинулись против Неаполя. 23 марта 1821 г. Неаполь был взят австрийцами. Начались аресты и репрессии. Полковник Г. Пепе бежал в Сардинию, затем в Испанию, затем Англию, где повесился. В апреле 1821 г. Александр I приказал остановить движение русских войск и вернуть их в округа поселения.

Во время конгресса пришли известия о революции в другом итальянском королевстве — Пьемонте (Сардинском королевстве), национально-освободительном движении греков, восстаниях в Дунайских княжествах — Молдавии (столица Яссы) и Валахии (столица Бухарест). Большинство участников конгресса задержались в Лайбахе (Любляне), следя за действиями австрийских войск. 18 апреля 1821 г. вторгшиеся в Пьемонт австрийские войска быстро принудили восставших к капитуляции. Вернулся король Карл-Феликс I, и начались репрессии. Двое руководителей — А.-С. Санта Роза и А. Морозцо — были повешены. Около 200 человек были присуждены к каторге и изгнанию. В Пьемонте была восстановлена абсолютная монархия.

Греческий вопрос обсуждался на особом конгрессе Священного союза, проходившем без приглашения России в Ганновере (20–29 октября 1821). Греков и русских связывало православие. Один из руководителей русской внешней политики грек И. А. Каподистрия выступал против принципа вмешательства в дела других государств и подталкивал Александра I к **содействию повстанцам**. После объяснения с царем в августе 1822 г. он покинул Россию и вскоре оказался в Греции. Близ Эпидавра в январе 1822 г. собралось Национальное собрание, которое провозгласило демократическую конституцию. В ответ турецкие войска высадились на острове Хиос, где десятки тысяч греков были вырезаны, а оставшиеся проданы в рабство. Летом 1822 г. 30-тысячная турецкая армия вторглась в Морею, но была вынуждена отступить. Атаки греческих судов заставили турецкий флот очистить Эгейское море. Это был пик восстания, но, к сожалению, развернувшиеся затем две гражданских войны между греками не способствовали его успеху.

Последний конгресс Священного союза в древнем итальянском городе **Вероне** проходил с 8 (20) октября до 2 (14) декабря 1822 г.

Еще в июле того же года испанский король Фердинанд VII обратился к монархам Священного союза с просьбой о помощи. На Веронском конгрессе 19 ноября Россией, Францией, Австрией и Пруссией на основании секретных протоколов о вмешательстве во внутренние дела европейских государств в случае возникновения на их территории революций был подписан договор. Было принято решение о вооруженной интервенции в Испанию, мандат на которую был выдан Франции.

После вторжения в апреле 1823 г. 100-тысячной французской армии под командованием герцога Ангулемского на Иберийский полуостров к осени того же года абсолютизм в Испании был восстановлен. Риего был схвачен и 12 октября повешен. В соседней Португалии при поддержке Англии в мае 1823 г. роялистам удалось подавить португальскую революцию.

На Веронском конгрессе союзники отказались принять делегацию восставших против османского владычества **греков**. Восставшие греки уповали на Россию, но для Александра I они были только «бунтовщики» против «законного монарха». Греческое восстание было осуждено. Греческое восстание, как справедливо замечает Т. А. Андреева, «еще более увеличило пропасть между либеральными “мечтами” Александра I и революционной реальностью»⁵. А. К. Ипсиланти лишился российской поддержки, а И. А. Каподистрия покинул Россию. Прольется много крови и понадобится русско-турецкая война 1828–1829 гг., чтобы Греция окончательно смогла утвердить свою независимость. В заключительном циркуляре по результатам конгресса вновь подтверждалось право Священного союза на вмешательство во внутренние дела всякого государства, где возникала угроза монархическим устоям, где необходимо было противостоять «тиранической силе революции и порока»⁶. Предполагалось также направить войска и для подавления восстаний в испанских колониях Америки, но это намерение встретило противодействие Англии и США.

Конгрессы Священного союза достигли своей цели. Первая в XIX в. волна европейских революций была отбита.

Таким образом, с конца 1810-х гг. внешнеполитический курс России в Европе утратил элементы либерализма, все больше окрашиваясь

⁵ Андреева Т. А. Тайные общества в России... С. 501.

⁶ Цит.: Дружинин Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 102.

в реакционные цвета. Принципы «конституционной дипломатии» (конституционная хартия во Франции 1814 г., введение конституции в Польше) постепенно забывались. Стремление к сохранению европейского равновесия и борьба с революциями становятся главными направлениями политики.

Идеи, заложенные в основание Священного союза, предполагали только умеренные социально-политические реформы «сверху» как в Европе, так и в России. Одновременно Александр Павлович стремится к созданию «единой Европы». Создатель Священного союза, по словам австрийского дипломата Ф. Гентца, смотрел на себя «как основателя Европейской Федерации и хотел бы, чтобы на него смотрели как на ее вождя»⁷. Приобретенная им польская корона вводила русского императора, как это представлялось Александру I, в семью европейских народов. Именно «космополиту» Александру I, а не «государственнику» Николаю I в **первую очередь (с точки зрения автора этих строк)** принадлежит право на титул «жандарма Европы» в послевоенной Европе. Этот феномен «угождения» Европе стоил Александру забвения национальных интересов, усиления его потенциальных противников, прежде всего Англии. Император Александр I стал заложником созданной им же системы подчинения принципам Священного союза и, в первую очередь, программе К. Меттерниха. Впрочем, как считает историк Т. А. Андреева, очень скоро Александр I понял утопичность идеи создания единого европейского христианского государства, основанного на началах умеренного либерализма, подчинения интересов отдельных стран и народов интересам всей Европы.

Французский историк А. Дебидур в «Дипломатической истории Европы» дал такую характеристику русского императора как дипломата: «Страстный, но нерешительный и слабый, эгоист, не лишенный в то же время и великодушия, он подпадал, или, по крайней мере, кажется подпадающим, под самые противоположные влияния. Он хочет и в то же время не хочет. <...> Он самодержец и хочет остаться таковым; божественное право царей для него догмат; между тем он настроен либерально или, по крайней мере, считает себя либералом. <...> Он никогда ни в одном направлении не доходит до конца намеченной им программы: он всегда колеблется в момент принятия окончательного решения. Он не осуществит ни одного

---

⁷ Цит. по: Андреева Т. В. Тайные общества в России... С. 495.

из своих планов»⁸. С начала греческого восстания восточный вопрос начинает подрывать единство Священного союза, хотя к пониманию необходимости более независимой и национально ориентированной политики Александр I придет только к 1824 г. А пока его внимание занимали конгрессы и подаренные мундиры союзников по Священному союзу.

---

⁸ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. Священный союз. М., 1947. С. 128 (Также: Ростов-на-Дону, 1995).

Тема 5

В годы активного солнца: народные движения и «Семеновская история»

Крестьянское движение

Тем временем крестьянство по-своему боролось за реформы.

В 1816 г. в соответствии с одиннадцатилетним циклом солнечной активности был следующий после 1805 г. пик активного Солнца. Еще основатель гелиобиологии А. Л. Чижевский заметил, что солнечная активность влияет на всю биосферу Земли, провоцируя землетрясения, эпидемии, хорошие урожаи, волнения широких народных масс, революции¹. Это касается и ближайших нескольких лет к этому пику, вплоть до 1820 г. (Западноевропейские революции 1820 г., затем революции, бунты и холера 1830 и 1848 гг.).

Действительно, с конца 1816 г. увеличилось число крестьянских выступлений, чему способствовала как политика правительства в отношении военных поселений, так и помещичье рвение, с которым дворяне пытались поднять свое хозяйство (а главное доходы) после войны. О бедственном положении крестьян вспоминали многие современники. Вильгельм Кюхельбекер в своих показаниях Следственной комиссии в 1826 г. отмечал «угнетение истинно ужасное... в котором находится большая часть помещичьих крестьян, особенно же мелкопоместных и среднего разбора. Исключаю миллионеров (и то не всех) и совершенно бедных. О последних заметил я, что у господина, который сам пашет, крестьянин обыкновенно сыт, одет и не бит»². Тяжелым было положение и части казенных крестьян, которых тиранили земские исправники.

В сентябре 1816 г. казенные крестьяне Нижегородского уезда Воронежской губернии жаловались Д. П. Трошинскому, что их грабят земские исправники, а стряпчий покрывает грабителей. Они просили прислать ревизора из Сената, так как не доверяют местным

---

¹ Чижевский А. Л. 1) Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. Репринт. Табл. 1; 2) Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 180.

² Цит. по: Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века) // Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты / Изд. подгот. П. В. Ильин. СПб., 2009. С. 178.

чиновникам. «Мы теперь, — говорили крестьяне, — стали хуже нищих от наших секретарей и приказных»³. В этом плане в большей степени были защищены от произвола местной полиции удельные крестьяне, так как в их селения полиция могла въезжать только в случае уголовных преступлений и в сопровождении чиновника удельной конторы.

В декабре 1816 г. назначенный в том году пензенским губернатором М. М. Сперанский направил против бунтующих крестьян села Кутли Моршанского уезда военную команду из 150 человек. 700 крестьян этого имения отказались повиноваться назначенным по малолетству владельца опекунам. Зачинщики были преданы суду и жестоко наказаны⁴. Местные дворяне оценили усердие нового губернатора. В то же время М. М. Сперанский энергично повел борьбу против местных помещиков, злоупотребляющих своей властью, которые доводили до смерти своих крепостных. Один помещик и одна помещица, несмотря на влиятельных друзей, по приговору суда были сосланы в Сибирь.

И так называемые «либералы», и «свободные консерваторы» забывали о своих прогрессивных идеях, когда доходило до крестьян и получения от них оброков. Это касалось и Н. М. Карамзина, и П. Я. Чаадаева, и позднее А. И. Герцена. В 1818 г. Александр I первый раз посетил Крым. В Байдарской долине при въезде в селение его встретило около 2 тысяч крестьян с горькими жалобами и рыданиями на своего помещика члена Государственного совета, будущего графа Н. С. Мордвинова, который слыл большим филантропом, радеющим о благе Отечества. Это поразило Александра I и сопровождавшего его А. И. Михайловского-Данилевского. «Славны бубны за горами», — сказал тогда император⁵.

В 1819 г. крестьянское движение охватило многие районы Гродненской и отчасти Минской губерний.

Наиболее крупным из всех крестьянских восстаний после Пугачева и до отмены крепостного права было восстание крепостных крестьян Области Войска Донского и Екатеринославской губернии в 1820 г. Со времени официального прикрепления крестьян Войска Донского при Павле I в 1797 г. (54 628 ревизских душ) не прошло

³ Цит. по: *Дубровин Н. Ф.* После Отечественной войны 1812 года... С. 82.

⁴ Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: Документы. М., 1961. С. 393–401.

⁵ Цит. по: *Дубровин Н. Ф.* После Отечественной войны 1812 года... С. 176.

и четверти века. Еще живы были многие из переселенцев в этот благодатный черноземный рай, которые селились в качестве вольнонаемных батраков на земле казацкой старшины и казацких станиц. На привольный Дон по старой традиции продолжали идти новые поселенцы как из казенных, так из беглых помещичьих крестьян. Но времена изменились. При Павле I те из переселенцев (меньшая часть), которые работали на земле казацких станиц, были причислены к казенным крестьянам, а те, которые горбатились на казацкую верхушку, — к крепостным крестьянам. Когда правительство в 1816 г. запретило донским помещикам прикупать новых крепостных крестьян, остался единственный путь повышения доходности хозяйства — интенсификация крепостного труда. В 1818–1819 гг. начинается брожение в сальских станицах с отчетливым отрицанием самого права на их закрепощение со стороны казацкой старшины и местных чиновников. Началом движения послужило выступление крестьян на р. Салу в 1818–1819 гг. Крестьяне болезненно реагировали на переселение их в другие места. Брожению способствовало посещение Области Войска Донского Александром I в 1818 г. Обитатели сальских слобод обезоружили небольшие казацкие команды, посланные на их усмирение. Прибытие на Дон в качестве представителя императора в апреле 1819 г. флигель-адъютанта А. И. Чернышева (бывшего военного разведчика накануне войны с Наполеоном и будущего военного министра) произвело сильное и обнадеживающее впечатление на крестьян. У них появилась надежда, хотя и необоснованная. Царский рескрипт, в котором упоминалось о злоупотреблениях помещиков, получил в толкованиях крестьян значение чуть ли не «освободительной грамоты».

В 1820 г. подспудное волнение вылилось в массовое восстание, которое началось по р. Салу, левому притоку Дона, а затем перекинулось на его правую сторону и охватило обширный регион Юга России: Бахмутский, Славяносербский и Ростовский уезды тогда Екатеринославской губернии; Миусский округ Войска Донского, где в Мартыновке собралось до 5 тысяч частично вооруженных крестьян, которые были разоружены только с помощью войск. По официальным данным, в этом движении принимало участие 250 селений, насчитывавших 30 465 человек (а реально более 45 тыс.)⁶. Александр I

---

⁶ Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Ч. II. С. 128; История СССР. Т. II. Россия в XIX веке / Под ред. М. В. Нечкиной. 2-е изд. М., 1949. С. 120.

стремился, насколько это возможно, поскорее локализовать народное движение, так как опасался всеобщего восстания крестьян, что было крайне нежелательно на фоне революционного и национально-освободительного движения, охватившего многие страны Европы. Руководил подавлением восстания А.И. Чернышев. К суду было привлечено около 400 человек, 263 человека были приговорены к телесным наказаниям — кнуту и плетям. Многие были сосланы на каторгу.

А.И. Чернышев писал императору 15 июня 1820 г.: «Но когда я думаю о мрачных последствиях, которые может иметь восстание, если его не остановить при зарождении, когда я представляю себе, что появились настоящие, независимые центры движения и начали организовываться независимые группы в стране благодаря глупости и недобросовестности тех, кто управляет, и что зло начинает распространяться также и в соседних уездах, когда я думаю, Ваше Величество, что в момент, когда вся Европа находится в состоянии брожения и кризиса и только счастливая Россия по божественной милости, наслаждается в славное царствование вашего императорского величества спокойствием и безоблачным благополучием, благоразумие заставляет меня победить мое отвращение и налагает на меня священный долг прибегнуть к быстрым и решительным мерам, чтобы пресечь это зло в самом корне»⁷. В то время император готовился к конгрессу Священного союза в Троппау (Опаве).

После 1820 г. император Александр I окончательно перешел от красноречивых поучений о мягком отношении к заблудшим крестьянам к резкой проповеди усмирения всех и вся. Указы 1822, 1823 и 1824 гг. восстановили право помещиков ссылать крестьян в Сибирь на поселение без зачета за рекрутов, без всякого расследования на местах крестьянских проступков. Александр I склонился в сторону усиления репрессий.

Восстания военных поселян

Восстания военных поселян трудно отделить от общекрестьянского движения. С развертыванием реформы военных поселений усилилось сопротивление крестьян, не желающих быть военными поселянами. В Новгородской губернии казенные крестьяне сначала

---

⁷ Цит.: Игнатович И. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М., 1937. С. 213.

пытались обращаться с просьбами к Александру I, вдовствующей императрице Марии Федоровне, другим членам Императорской фамилии. Ходоков к императору перехватил Аракчеев и, найдя письменную просьбу, посадил в погреб арсенала и после телесного наказания отправил к местам жительства. В октябре 1817 г. толпа крестьян обступила на дороге великого князя Николая и императрицу Марию Федоровну. «Не делай всех нас солдатами!» — просили крестьяне, обращаясь к Александру в лице Николая Павловича. Некоторые ходоки доходили в Варшаву к великому князю Константину Павловичу.

В 1817 г., в год, ближайший к солнечному максимуму 1816 г., произошли волнения крестьян Холынской и Высоцких волостей Новгородской губернии. В июле–сентябре 1817 г. происходят волнения нескольких тысяч бывших казаков упраздненного Бугского казачьего войска, на базе которого были образованы уланские полки в системе военных поселений⁸. Для подавления только этого восстания было привлечено 10 тыс. солдат. 64 повстанца были наказаны шпицрутенами и отданы в солдаты. Осенью 1818 г. волнения на Буге повторились и были жестоко подавлены.

Справка

Бугское казачье войско было образовано первоначально как Бугский казачий полк в составе Екатеринославского казачьего войска. Его основой был полк турецкой армии, созданный в 1769 г. из православных болгар, валахов и молдаван, который во время русско-турецкой войны перешел на сторону России. Полк пополнялся за счет крестьян, купленных у помещиков, живших между Бугом и Ингульцом. В 1800 г. полк был расформирован, а казаки (6 тыс.) обращены в поселян. В 1803 г. по ходатайству бывших казаков правительство образовало Бугское казачье войско, которое пополнялось за счет 600 болгар-переселенцев. Войско должно было выставлять три 5-сотенных полка для несения кордонной стражи по Днестру.

Осенью 1817 г., а также в январе и апреле 1818 г. восставали казаки и казенные крестьяне против учреждения военных поселений в Изюмском, Змиевском и Волчанском уездах Слободско-Украинской губернии. Восстания были подавлены с применением военной силы. В апреле 1818 г. для подавления волнений в округе поселения таганрогского уланского полка (в Изюмском уезде) прибыл сам Аракчеев. По его донесению императору, он сначала упал духом,

---

⁸ Томсинов В. Аракчеев. М., 2003. С. 324.

когда «увидел 16 тыс. коренных жителей в страхе, печали и некоторого рода онемелости». «Военное начальство жалуется на их ослушивание», — писал он Александру I⁹. Подавление восстаний в отдельных поселениях Слободско-Украинской губернии продолжалось до декабря 1818 г.

В конце июня 1819 г. началось восстание Чугуевского уланского полка в Чугуеве (35 км от Харькова), являющегося центром военных поселений Слободской Украины. Восставшие убили начальников и выбрали руководителей из своей среды. Восстание продолжалось в июле, а в августе распространилось на Таганрогский округ (Таганрогский уланский полк), грозя перекинуться в Харьков. Общая численность восставших крестьян и казаков достигала 28 тыс. человек. «Не хотим военного поселения; — заявляли восставшие, — оно не что иное есть, как служба графу Аракчееву, а не государю; а Аракчееву скажите, что мы приняли решительные меры истребить его и знаем наверно, что с концом его разрушится и военное поселение»¹⁰.

Снова для подавления восстания прибыл Аракчеев. К середине августа 1819 г. с помощью двух дивизий и артиллерии восстание было подавлено. Особо отличился генерал-лейтенант А. И. Лисаневич. 2003 участника восстания были арестованы. Из них 363 человека были приговорены к смертной казни. Но властям было важно раскаяние крестьян. Аракчеев объявил о замене казни экзекуцией. 52 человека были прогнаны сквозь строй через 1 тыс. солдат 12 раз, то есть получили по 12 тыс. ударов шпицрутенами, гибкими ивовыми лозами, введенными в русской армии при Петре I вместо батонов (палок). Аракчеев обещал помиловать тех, кто раскается. Но добиться этого почти не удалось. 25 человек умерли, остальные были сосланы в Оренбургский отдельный корпус. Остальные крестьяне (среди них 29 женщин) были наказаны розгами. А. С. Пушкин откликнулся на это событие новой эпиграммой на Аракчеева: «В столице он капрал, в Чугуеве — Нерон, кинжала Зандова везде достоин он».

Никакие доводы на Александра I не действовали. Однажды он заявил, что «военные поселения будут, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова» (более 100 верст. — Л. В.).

⁹ Цит. по: Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 177.

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 177–178.

Существует мнение, что крестьяне восставали, как правило, «лишь в первые после учреждения военных поселений годы и в основном на юге, где жизненный уровень крестьянства был выше»¹¹. Но Новгородская губерния — это Северо-запад. Следующее крупнейшее выступление новгородских поселян произошло в ближайший год солнечного максимума — уже при Николае I в 1830 г.! (максимум — сентябрь 1829 г.). В годы «спокойного солнца» — в 1820-е годы — крупных крестьянских и солдатских выступлений не было, но социальное напряжение росло, чтобы вырваться при общем возбуждающем воздействии Солнца на всю биосферу Земли. Только в 1831 г. после восстания в Старой Руссе большинство военных поселений были преобразованы в округа пахотных солдат (там, где были восстания, — с поземельным оброком). В 1857 г. округа как не оправдавшие себя были упразднены и переданы в ведение Министерства государственных имуществ.

«Семеновская история»

Курс на реакцию не обошел стороной и армию. Более того, он коснулся ее в первую очередь.

16 (28)–17 (29) октября 1820 г. произошла Семеновская история, особенно неприятная для властей, потому что это был привилегированный «царский полк», шефом которого был сам император. Нет, это не был открытый бунт. Все было прозаичнее, но страшнее. «Закручивание гаек» Александром I после возвращения из французского оккупационного корпуса осуществлялось как путем вывода гвардейцев из Петербурга на длительные маневры, так и посредством смены командиров. В 1820 г. сменили командиров большинства гвардейских полков: прежних соратников Милорадовича заменяли службистами новейшей формации.

В апреле 1820 г. командиром Семеновского полка вместо либерального генерал-адъютанта А. Я. Потемкина, командовавшего Семеновским полком еще с конца 1812 г., был назначен полковник Ф. Е. Шварц, происходивший из обрусевшей православной семьи мелкопоместных дворян Смоленской губернии с датскими корнями. Очень скоро он замучил солдат постоянными экзерцициями и смотрами (в том числе — «десяточными»), которые не оставляли времени

---

¹¹ Томсинов В. Аракчеев.

для солдатских артельных заработков. Только по письменным приказам Шварца за пять месяцев в полку было наказано 44 человека, которые в общей сложности получили 14 250 шпицрутенгов.

Так как телесные наказания в отношении солдат, награжденных знаками отличия, были запрещены, полковой командир прибегал к издевательским выходкам. Одно из таких мелких происшествий послужило детонатором. Это был случай с рядовым Бойченко из 2-й фузилерной роты. Военно-судное дело так рассказывает о событии субботы 16 октября: «Во время учения, когда не был сведен еще полк и роты учились отдельно, 2-я рота, кончив ружейные приемы, стояла вольно. Ротный командир, увидев приближающегося полковника, скомандовал **“Смирно”**. При этом один из рядовых, исполнявший естественную надобность стал во фрунт, не успев застегнуть мундир. Тогда Шварц, подбежав к нему плюнул ему в глаза, потом взял за руку и, проведя по фронту первой шеренги, приказывал на него, Бойченку, плевать. Сверх того, некоторых из нижних чинов, имеющих знаки отличия военного ордена, он наказал тесакими»¹². Вечером на переключку, которую офицеры старались отменить, вышла в установленном порядке, но с жалобой на командира первая гренадерская, так называемая «государева рота». Солдаты требовали отменить «десяточные смотры», учения по праздничным дням и сменили Шварца. Так как успокоить роту или выявить зачинщиков не удалось, под видом учений рота была выведена из казарм, окружена павловцами и под конвоем отправлена в Петропавловскую крепость. Утром следующего дня все три батальона полка выстроились на полковом дворе. Солдат пытались успокоить великий князь Михаил Павлович и Бенкендорф, но безуспешно, так как вместо того, чтобы дать солдатам выговориться, они требовали выдачи зачинщиков. Напрасно командир 3-й роты С. И. Муравьев-Апостол пытался успокоить семеновцев. Не помогло и обращение Милорадовича и бывшего командира Потемкина и командира гвардейского корпуса И. В. Васильчикова. Впрочем, протест был пассивный. Когда командование приказало солдатам идти в крепость, чтобы там встретиться с ротой, все три батальона без оружия в шинелях отправились маршем в Петропавловскую крепость. С заключением солдат 1-го батальона в Петропавловской крепости и отправкой двух других

---

¹² Цит.: Гессен С. [Я]. Солдаты и матросы в восстании декабристов. М., 1930. С. 35.

батальонов в Свеаборг (Суоменлинна) и Кексгольм (Приозерск) закончилось то, что получило название «семеновской истории».

Офицеры полка не были инициаторами выступления, но они представляли цвет тогдашней молодежи, почти все были масонами, а впоследствии многие стали декабристами. Блестящий гвардейский офицер (член «Союза благоденствия») П. Я. Чаадаев вызвался сообщить о происшествии находящемуся в Троппау Александру I. Судя по всему, к приезду Чаадаева император уже вынес вердикт о политической подоплеке выступления семеновцев, посчитав одной из причин случившегося распространение в армии ланкастерских школ по обучению грамоте. После часового разговора с будущим автором «Философических писем» Александр I сказал (разумеется, на французском языке): «Прощайте, господин либерал!»¹³ Вернувшись в декабре 1820 г., Чаадаев неожиданно для всех подал в отставку. Одним из первых среди заговорщиков он убедился в невозможности соединения личной карьеры с государственными преобразованиями и собственными убеждениями.

В мае 1821 г. Александр I вынес вердикт о «бунте» Семеновского полка, признав его выступлением политическим, и приписал его тайному обществу. «Семеновская история» усилила консервативные настроения Александра I. Следствие над офицерами-семеновцами не закончилось вынесением приговора в 1822 г. — фактически оно продолжалось до 1826 г. Полковник Шварц был уволен только из гвардии, но фактически прощен. В 1823 г. его взял к себе на службу А. А. Аракчеев, затем он продолжил службу на Кавказе, получил в 1828 г. чин генерал-майора, но в 1850 г. «по приговору военного суда за жестокие наказания и истязания нижних чинов исключен из службы навсегда с воспрещением въезда в столицы»¹⁴. Недовольный действиями властей, Александр I сменил А. Х. Бенкендорфа на посту начальника Штаба гвардейского корпуса П. Ф. Желтухиным, который часто грозил офицерам наказать за непослушание, но вызывал более презрения. Семеновский полк был расформирован, офицеры и солдаты переведены в армейские полки. Выявленные через провокатора зачинщики были прогнаны сквозь строй, а выжившие сосланы на каторгу и горные заводы. В начале 1821 г. был сформирован новый гвардейский Семеновский полк.

---

¹³ Тарасов Б. Чаадаев. М., 1986. С. 69.

¹⁴ Латин В. Семеновская история. Л., 1991. С. 216.

Гвардейское офицерство в 1820–1821 гг. ответило рядом инцидентов по отношению к высшему офицерству и лицам царской фамилии: вызов М. С. Луниным на поединок великого князя Константина Павловича, вызов В. С. Норовым на дуэль великого князя Николая Павловича, дуэль А. Е. Розена с полковником М. К. Уваровым.

События в Семеновском полку свидетельствовали о том, что протест зреет и среди солдатской массы. «Семеновская история» не единственный факт открытого выступления солдат. По подсчетам В. А. Федорова, в 1820–1825 гг. было 13 солдатских волнений. В связи с изнурительными учениями и издевательствами, а также казнокрадством произошли выступления в лейб-гвардии Финляндском и Камчатском полках (1821), Охотском полку (1822), Екатеринбургском кирасирском (1823) и Саратовском (1825).

Отдельной темой являются национально-освободительные движения на Кавказе, в Закавказье и других национальных регионах. В частности, с 1818 г., когда была основана крепость Грозная и А. П. Ермолов перенес кордонную линию с Терека на Сунжу, начинается массовое народно-освободительное и антиколониальное движение в Чечне и Дагестане. К движению горцев Северо-Восточного Кавказа вскоре примкнули кабардинцы и черкесы (адыгейцы). Это было началом Кавказской войны, получившей новый импульс позднее с развитием мюридизма.

Тема 6

«Пагубный дух вольномыслия или либерализма»: от либерализма к воинствующему консерватизму (1821–1825 гг.)

«Смена вех»: Перемена курса

Наметившийся в 1820 г. (переломный год для Александра I и для России) поворот к реакции был закреплён событиями последних лет царствования Александра I, **который остро отреагировал на события в Европе и «Семеновскую историю»**. Поддержав своих союзников по Священному союзу, он обратил внимание на армию и гвардию. Приняв решение не преследовать членов распушенного в мае 1821 г. «Союза спасения», он якобы скажет в разговоре с И. В. Васильчиковым: «Не мне их судить»¹. В то же время царь твердо и жестко реагировал на любые проявления оппозиционности. Он подозревал даже П. Я. Чаадаева, всего-навсего привезшего ему сообщение о произошедшем семеновском «бунте». В армии начинается кадровая ротация, командиров — приверженцев боевой выучки заменяют сторонники палочной дисциплины.

События в Испании, Италии, знакомство с уставом «Союза благоденствия», «Семеновская история» заставили великого князя Константина Павловича еще 19 мая 1821 г. издать по войскам вверенного ему Литовского корпуса распоряжение «О мерах, принятых для отвращения в войсках духа вольнодумства». В сопроводительной записке приводились свидетельства разложения в русской армии: Семеновская история, выступление А. К. Ипсиланти, которое «ни к чему другому отнести нельзя, как к тем же самым источникам, от которых проистекают ныне в Европе беспорядки против властей законных»².

Усиливается значение тайной полиции при МВД. Еще в Лайбахе (Любляне) Александру I был представлен проект «Об устройстве военной полиции при Гвардейском корпусе», составленный генерал-адъютантом И. В. Васильчиковым. 4 (16) января 1821 г. Александр I

---

¹ Бруханов В. А. Заговор графа Милорадовича. М., 2004. С. 89.

² Цит. по: Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I: Учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 2002. С. 85.

утвердил его. Свою сеть осведомителей имел военный губернатор Санкт-Петербурга граф М. А. Милорадович. Тайная полиция создается и в армии. Ведется наблюдение за частной перепиской. Вскоре после возвращения в 1821 г. М. М. Сперанского в Санкт-Петербург Александр I показал ему перлюстрированные письма, перехваченные на столичном почтамте. В письмах выражалась «надежда публики на Сперанского» и что правительство снова встанет на путь реформ. Комментируя письма, император сказал, что уже нет «прежней покорной России, до такой степени умы возбуждены и требования усилились»³. О реформах не было сказано ни слова.

В 1822 г. 1 августа были запрещены масонские организации и вообще тайные организации «под каким бы наименованием они не существовали». Со всех служащих стали брать подписку о непринадлежности к тайным обществам. Отношение императора к тайным обществам в России изменилось не вдруг и не случайно. Отказ от реформ делал для императора ненужной опору на «общество», под которым понималась наиболее «продвинутая», образованная и влиятельная часть дворянских кругов. Кроме того, радикальные дворянские конспираторы становились опасными. По свидетельству Николая I, когда еще в 1818 г. императору стали известны «замыслы и вызов Якушкина на царевубийство», то «с той поры весьма заметна была в государе крупная перемена в расположении духа, и никогда я не видал его столь мрачным, как тогда»⁴.

Крестьянское движение, европейские революции и восстание Семеновского полка фактически заставили забыть о робких попытках реформ сверху. «Наиболее яркое выражение кризис официального либерализма, — пишет Т. А. Андреева, — нашел в смене позиции Александра I по отношению к тайным обществам как модели социально-политической активности и форме выражения общественного мнения. Навязанный К. Меттернихом всему европейскому сообществу образ врага в виде единого, невидимого конспиративного центра в Париже, мифологема “всеевропейского заговора революционеров” определялись основными факторами, способствующими решению императора о закрытии тайных обществ»⁵. Можно согласиться и с другим выводом Т. А. Андреевой: «В начале 1820-х гг. в обстановке

³ Цит. по: Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 169.

⁴ Цит. по: Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 489.

⁵ Там же. С. 487.

социально-политической нестабильности в Европе Александр I приостановил реформаторский процесс в России, и как следствие — произошло ужесточение политики верховной власти в отношении к конспиративным общественным объединениям»⁶.

Изменение идеологических установок и настроения императора приводит к кадровым перестановкам в самых верхах и в ближайшем окружении императора. Еще 25 апреля 1823 г. А. А. Аракчееву удалось добиться отставки начальника Главного штаба Его Императорского величества и управляющего квартирмейстерской частью князя П. М. Волконского, с которым у «временщика» вышла размолвка при обсуждении сметы Военного министерства. На его место в начале 1824 г. был назначен начальник штаба 1-й армии, приближенный Александром I после Лайбаха И. И. Дибич. П. М. Волконский поехал лечиться в Карлсбад (Карлови Вари), затем — с дипломатическим поручением в Париж.

Внешнеполитический фактор (обострение отношений с Турцией в связи с новым подходом Александра I к греческому вопросу, возможность русско-турецкой войны) также заставлял императора для умиротворения консервативного большинства дворянства пойти на союз с консерваторами. На этом этапе борьбы консерваторов с либералами («православной партии» с «мистиками») во главе православной оппозиции стал архимандрит Фотий (П. Н. Спасский).

Справка

Фотий (до монашества Спасский Петр Никитич; 1792–1838). Родился в семье дьячка Спасского погоста Новгородской губернии. В 1814 г. закончил духовную семинарию и поступил в Александро-Невскую духовную академию; но не закончил полного курса в связи со слабым здоровьем. В 1817 г. принял монашество. Преподавал в Александро-Невском училище и кадетском корпусе. За свои консервативные взгляды, борьбу с «мистиками» и противодействие псевдолиберальной реформе Православной Церкви удален из Петербурга. Первоначально был назначен настоятелем Деревяницкого монастыря близ Новгорода. Благодаря поддержке фрейлины графини А. А. Орловой-Чесменской вошел в высшие круги петербургского общества и в 1822 г. был переведен в Сковородский монастырь в звании архимандрита. Затем после встречи с Александром I был назначен настоятелем престижного Юрьевского монастыря под Новгородом. В эти годы оказывал сильное влияние на Александра I. Император Николай I демонстративно дистанцировался от Фотия, который потерял свое бывшее влияние.

---

⁶ Андреева Т. В. Тайные общества в России... С. 513.

В 1820–1821 гг. Фотий страдал от серьезной болезни, от постоянного ношения вериг у него на груди появилось обширное воспаление, и он перенес несколько операций. К политической жизни Фотий вернулся в 1821 г., когда вместо митрополита Михаила в Петербургскую епархию был назначен митрополит Серафим, прагматичный деятель и умелый дипломат. Новый митрополит ставил перед собой вполне прозаичную цель — используя влияние Фотия на графиню А. А. Орлову-Чесменскую (дочь Алексея Орлова, так и несостоявшуюся самую богатую невесту России), направить ее деньги на возрождение монастырей. Кроме того, митрополит Серафим был недоволен возросшим влиянием А. Н. Голицына. Весной 1822 г. митрополит Серафим вызвал Фотия в Санкт-Петербург и поручил ему официально оформить духовное руководство над А. А. Орловой-Чесменской и вдовой поэта (тоже не бедной) Д. А. Державиной. С этого времени они стали его духовными дочерьми.

В связи с возросшим влиянием Фотия уже А. Н. Голицын стал добиваться сближения с ним и помог ему встретиться с Александром I. Фотий откликнулся на предложение и 5 июня 1822 г. состоялась аудиенция, перед которой Фотий помолился в Казанском соборе и в карете Орловой-Чесменской прибыл в Зимний дворец. Во время аудиенции Фотий сначала перекрестился на икону, положил три поклона и только после этого поклонился Александру I, который поцеловал ему руку. Беседа продолжалась полтора часа. Вскоре, 1 августа того же года, вышел указ о запрещении масонских лож, и именно в тот день архимандрит Фотий был назначен настоятелем первоклассного Юрьева новгородского монастыря.

К этому времени перевод Библии на русский язык был практически окончен. В Санкт-Петербурге была издана книга, написанная одним из директоров Библейского общества И.-Е. Госснером «Евангелие от Матфея». Она содержала критику официальной церкви и духовенства. Деятели православной оппозиции, среди которых начали преобладать государственные чиновники, а не клирики, решили использовать этот шанс. Среди них были А. С. Шишков, князь П. А. Шишков-Шихматов, командир гвардии Ф. П. Уваров, обер-полицмейстер И. В. Гладков, который передавал императору нужные материалы, наконец, А. А. Аракчеев. Полностью все связи между участниками интриги 1824 г. до сих пор не раскрыты. Часть уже напечатанных в типографии листов книги Госснера и выписки из «вредных» книг писателя С. И. Смирнова из Москвы были представлены императору.

После этого 17 апреля 1824 г. Александр I лично встретился с митрополитом Серафимом, беседа с которым продолжалась пять часов, а 20 апреля с архимандритом Фотием. Серафим жаловался царю, что «церковь и государство в опасности от тайных обществ, первое из которых Библейское, оно возглавляется мирским человеком и противно христианству»⁷. Архимандрит Фотий в унисон с митрополитом Серафимом заявил, что в России существует заговор, направленный против церкви и монархии. Он убеждал Александра I в том, что издание книги Госснера послужит сигналом к началу всемирной революции.

Комитет министров, которому было поручено дать заключение о книге Госснера на основании выводов А. С. Шишкова, признал «Евангелие от Матфея» вредной книгой. Было принято решение о высылке автора из России. 25 апреля 1814 г. в доме А. А. Орловой-Чесменской Фотий самолично предал князя А. Н. Голицына анафеме, хотя таким правом обладал только Св. Синод. 29 апреля Фотий направил царю очередное послание под названием «План разорения России и способ оный план уничтожить тихо и счастливо». В нем он предлагал Александру I «уничтожить» Министерство духовных дел и народного просвещения, вернуть власть Св. Синоду и запретить Библейское общество.

Совместные и решительные действия оппозиции привели к тому, что 15 марта 1824 г. последовали указы, которыми упразднялось Соединенное министерство, а руководители Библейского общества лишались своих постов. Президентом Российского библейского общества был назначен митрополит Серафим. Проекты Общества были приостановлены, русский перевод Библии изъят из продажи. Это стало началом опалы «Библейского общества», деятельность которого была окончательно запрещена Николаем I в 1826 г. Одновременно Св. Синод возвращался к своему дореформенному устройству. В мае 1824 г. был отправлен в отставку старый недруг Аракчеева министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын. На посту министра народного просвещения его заменил единомышленник Фотия адмирал А. С. Шишков, который, как и И. И. Дибич, был ставленником временщика. В то же время А. Н. Голицын сохранил пост главноуправляющего почтой (с 1819 г.) и остался своим человеком при Дворе и «другом семьи» Александра I.

⁷ Цит. по: Кондаков Ю. Е. «Русская симфония» — четыре века испытания на прочность (Государственная власть и церковные реформы в России XVI–XIX веков). СПб., 2006. С. 130.

В самом министерстве, вновь названном Министерством народного просвещения, новый министр А. С. Шишков поддержал интригу М. М. Сперанского против Магницкого. А. С. Шишков вынудил Магницкого в августе 1825 г. отправиться по месту службы в Казань. Отчет Магницкого как попечителя Казанского учебного округа был признан неудовлетворительным. В опале оказался также генерал-адъютант А. С. Меншиков, который с 1816 г. был в Свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, с 1818 г. — директором канцелярии Главного штаба. Из-за конфликта с графом А. А. Аракчеевым он в 1823 г. был переведен в Министерство иностранных дел, а в 1824 г. отправлен в отставку.

Декабрист И. Д. Якушкин, несколько преувеличивая влияние тайного общества, так интерпретировал упомянутые выше отставки: «Император находился в каком-то особенном опасении тайных обществ в России. К нему беспрестанно привозили бумаги, захваченные у лиц, подозреваемых полицией... Император, преследуемый призраком Тайного общества, все более и более становился недоверчивым, даже к людям, в преданности которых он, казалось, не мог сомневаться. Генерал-адъютант князь [А. С.] Меншиков, начальник канцелярии Главного штаба, подозреваемый императором в близком сношении с людьми, опасными для правительства, лишился своего места. Князь П. М. Волконский, начальник штаба его императорского величества, находившийся неотлучно при императоре с самого восшествия его на престол, лишился также своего места и на некоторое время отдалился от двора... Князь Александр Николаевич Голицын, министр просвещения и духовных дел, с самой его молодости непрерывно пользовавшийся милостями и доверием императора, внезапно был отставлен от должности»⁸.

Можно считать, что с победой архимандрита Фотия и адмирала А. С. Шишкова над Голицыным победила идея православия и народности. Император отказался от реформирования церкви и курса на сближение христианских конфессий. Александр I снова был вынужден обратиться к традиционной церкви и, как заключает историк Ю. Е. Кондаков, принять «модель устройства религиозной сферы, подразумевающей доминирование Русской православной церкви»⁹.

⁸ Цит.: *Брюханов В. А.* Заговор графа Милорадовича. С. 70.

⁹ *Кондаков Ю. Е.* Государственная власть и эволюция высшего управления Русской православной церкви в первой половине XIX века: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. Л. 179.

Впрочем, каких-либо принципиальных изменений во внутренней политике в 1824 г. не произошло, если не считать того, что окончательно установилось «единодержавие» Аракчеева.

К концу жизни Александра Павловича ни один из острых вопросов во внутренней политике государства решен не был.

Среди европейских дел для Александра I главными были греческий и польский вопросы. В январе 1825 г. Александр I попытался организовать очередной конгресс Священного союза в Санкт-Петербурге для обсуждения положения дел в Греции. Удалось собрать лишь конференцию (никто из монархов кроме самого императора не присутствовал). Конференция постановила обратиться к Порте (правительству Турции) с предложением устройства балканских дел, а в случае отказа союзники обещали свое посредничество. Это половинчатое решение ничего изменить не могло.

В феврале 1825 г. Александр I дополнительным актом, подписанным в Царском Селе, был вынужден запретить публичные прения в польском сейме. Публика отныне могла присутствовать только при открытии и закрытии сейма, а рабочие совещания должны были проходить при закрытых дверях¹⁰. Майский сейм 1825 г. оставил благоприятное впечатление у императора, и вновь, вероятно с целью привязать поляков сильнее, Александр I начал поговаривать о возможности присоединения к Польскому царству западных губерний России. Впервые такая идея появилась у него еще во время первого Варшавского сейма 1815 года. Уже тогда «варшавская речь» Александра I была болезненно воспринята в России. Об этом он говорил цесаревичу Константину Павловичу. Еще более красноречивы были изменения военной униформы Литовского корпуса: офицерскому составу было приказано вместо красного цвета на воротниках иметь малиновый, как в Польше; таким же стало шитье на генеральских мундирах.

Мифологема «всеевропейского заговора революционеров» под влиянием революций в Центральной и Южной Европе, «Семеновской истории», идеологии «первого министра Европы» К. Меттерниха обозначили резкий поворот в правительственном курсе Александра I.

Назревал разгром дворянской конспирации. Уже после кончины Александра I, весной 1826 г., в его кабинете обнаружилась любопытная записка, датированная 1824 г.: «Есть слухи, что пагубный

---

¹⁰ Брюханов В. А. Заговор графа Милорадовича. С. 73.

дух вольномыслия или либерализма разлит или, по крайней мер, разливается между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют при том миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, [Н. Н.] Раевский, Киселев, Мих[аил] Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх всего большая часть разных штаб и обер-офицеров»...¹¹ В записке выражается опасение относительно возможности развития событий в духе военной революции на Западе — про- нунсиаменто, как это называлось на Иберийском полуострове. В связи с поступившими доносами на участников тайных обществ Александр I поручил А. А. Аракчееву дальнейший розыск и арест его участников. 18 мая 1825 г. унтер-офицер южных военных поселений англичанин И. В. Шервуд направил знакомому ему лейб-медику Я. В. Виллие пакет. Внутри него находился другой запечатанный конверт с надписью «Его Императорскому Величеству в собственные руки. Секретно».

Александр I поручил дознание А. А. Аракчееву, который 12 июля допросил Шервуда в имении Грузино. 17 июля Шервуд был принят уже императором в Каменностровском дворце. Дальнейшее руководство операцией по разгрому тайного общества было возложено на Аракчеева.

По справедливому мнению историка Т. В. Андреевой, «отступление от идеологии конституционной дипломатии и последовательного реформирования России на “законно-свободных установлениях” в конце жизни стало для Александра I **решающим фактором и вызвало разочарование и “утомление жизнью”**»¹². Смена политического курса совпала с внутренним психологическим кризисом Александра I и его личной драмой. 28 декабря 1818 г. (9.01.1819 г.) скончалась от простуды его любимая сестра Екатерина Павловна, к тому времени королева Вюртембергская, а 19 июня 1824 г. в возрасте 16 лет во время приготовлений к свадьбе (она должна была выйти замуж за графа А. П. Шувалова) умерла от чахотки его любимая дочь Софья (София, Софьюшка, Софи) от М. А. Нарышкиной. Горе сближает императора с супругой Елизаветой Алексеевной. Душевная депрессия

¹¹ Александр I Павлович [К истории 14 декабря 1825 г.]: Собственноручная записка Александра I-го 1824 года // Русская старина. 1883. Т. 40. № 12. С. 659–660.

¹² Андреева Т. В. Тайные общества в России... С. 487.

характеризует его состояние. Они вместе читают Библию и обсуждают политические вопросы. Оставшись один, он подолгу молится перед иконами, встав на колени, отчего на них образуются мозоли.

Император, по крайней мере внешне, переменялся. Он стал подозрительным и недоверчивым. О подозрительности императора даже по отношению к своим родственникам вспоминала великая княгиня Александра Федоровна. Для Александра Павловича, по словам императрицы Елизаветы Алексеевны, стала характерна «усиливающаяся мизантропия ко всем и к каждому с оттенком презрения к человечеству вообще»¹³.

После кончины императора опальный чиновник, литератор и поэт, князь Петр Андреевич Вяземский писал о нем:

Дитя осьмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил¹⁴.

В конце жизненной дороги императора Александра I оказался Таганрог.

«Таких мыслей никогда рассеивать не должно»: Апогей цензуры

В это же время грозит побить все рекорды и снискать все лавры правительства ее величество Цензура. Она существовала в разных ипостасях. Помимо обычной литературной цензуры, правом вето обладали некоторые ведомства. Так, учебные книги рассматривались в Главном правлении училищ, в частности, упомянутыми выше М. Л. Магницким и Д. П. Руничем.

Летом 1820 г. Д. П. Руничу была представлена для рассмотрения книга профессора Царскосельского лицея А. П. Куницына «Право естественное» (Ч. 1–2. СПб., 1818, 1820). Книга предназначалась в дар императору Александру I. Но Д. П. Рунич был принципиальным противником «естественного права» и принципа «общественного договора», сформулированного Ж.-Ж. Руссо. С точки зрения Рунича, книга, отстаивающая любое другое, кроме божественного, происхождение верховной власти и не соответствующая Божественному

¹³ Цит. по: Андреева Т. В. Тайные общества в России... С. 489.

¹⁴ Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 360.

Откровению, должна быть запрещена. Куницына он обвинил в том, что тот хотел истребить в человеке всякое религиозное чувство, поэтому как противная Евангелию книга была запрещена. Основным источником права Д. П. Рунич считал Евангелие и утверждал, что «естественное право» основано на грехе и «лжеразуме». Свои выводы он закончил сентенцией: «Никогда философия не приготавливала и не приводила к вере»¹⁵. Подобный подход не был только личным убеждением Д. П. Рунича: в своем отзыве он приводил цитаты из соответствующих инструкций. Отрицательный отзыв Д. П. Рунича был утвержден Главным правлением училищ, книга была запрещена, а А. П. Куницын уволен со службы. О проверке текстов лекций профессоров Санкт-Петербургского университета летом 1821 г. говорится выше.

В 1820–1823 гг. работая в Комитете по составлению цензурного устава М. Л. Магницкий подготовил проект, согласно которому подвергались запрету все произведения, прямо или косвенно ставившие под сомнение учение Священного писания и Евангельского Откровения, а также ослабляющие авторитет существующей власти. Впоследствии эти идеи легли в основу предельно сурового, так называемого «чугунного» цензурного устава 1826 г. (замененного в 1828 г. более либеральным).

Пожалуй, никогда в истории дореволюционной цензуры не было таких анекдотических запретов, как в последние годы царствования Александра I. Следя за «нравственностью», цензоры вычеркивали выражение «нагая истина», ибо истина женского рода и ей непристойно быть нагой. Была запрещена книга «О вреде грибов», так как грибы — это постная пища, рекомендованная церковью во время постов.

Цензор Красовский запретил публиковать «Стансы к Элизе» Вальтера Скотта, переведенные на русский язык поэтом В. Н. Олиным. Каждая строка была снабжена цензором замечаниями.

«Что в мненье мне людей? Один твой нежный взгляд дороже для меня вниманья всей вселенной», — пишет поэт, обращаясь к возлюбленной. «Сильно сказано; к тому же во вселенной есть и цари, мнением которых дорожить должно», — замечает цензор. «О как бы я желал пустынных стран в тиши, безвестный, близ тебя к блаженству

---

¹⁵ Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 71.

приучаться», — пишет поэт. «Таких мыслей никогда рассеивать не должно, — возражает цензор. — Это значит, что автор не хочет продолжать своей службы государю для того, чтобы быть со своею любовницею; сверх сего к блаженству можно приучаться близ Евангелия, а не близ женщины»¹⁶. В 1824 г. цензура запретила и поданную анонимно рукопись благонамеренной статьи самого М. Л. Магницкого «Нечто о конституциях». На самом деле в ней эти самые конституции критиковались.

---

¹⁶ Окунь С. Б. История СССР. 1796–1825. Л., 1948. С. 337.

Тема 7

«Утомление жизнью»: Александр I в конце царствования

«Утомление жизнью»: Судьба престола

Великий князь Николай Михайлович в своей книге «Император Александр I» озаглавил последнюю главу «Общее разочарование. 1822–1825». Сам он следующим образом расценил деятельность Александра I в эти годы: «Усталый победитель Наполеона вручал бразды внутреннего управления России Аракчееву, а внешнюю политику отдавал на попечение Меттерниху»¹. Во внешней политике дела обстояли не лучшим образом. Общая мизантропия усиливалась физическим недомоганием и душевным кризисом. «Утомление жизнью», подмеченное проницательным Меттернихом еще в Вероне², было замечено и другими современниками.

Еще летом 1819 г. во время маневров в Красном Селе Александр I впервые и вскользь упомянул о своем намерении передать престол своему брату Николаю Павловичу. Продолжение интриги имело место (без оповещения Николая) в конце 1821 – начале 1822 г., когда произошел обмен письмами, и в письме от 14 января 1822 г. Константин Павлович отказался от российского престола. Третьим шагом Александра Павловича стал манифест, втайне подписанный им в Царском Селе 16 августа 1823 г. Неопубликованный манифест не стал законом. Еще ничего не было решено³.

На крик больной души, вознесшейся к небу и оторвавшейся от всего земного, похожи слова Александра I, сказанные генерал-адъютанту Иллариону Васильевичу Васильчикову: «В сущности, я не был бы недоволен, сбросить с себя бремя короны, страшно тяготившей меня»⁴. Об этом желании император будто бы сказал зарубежному родственнику — наследному принцу Нидерландов Вильгельму Оранскому, мужу его сестры Анны Павловны... Насколько это было серьезно, можно лишь гадать. Александр явно не желал выпускать бразды правления из своих еще цепких рук.

¹ Брюханов В. А. Заговор графа Милорадовича. М., 2004. С. 70.

² Шильдер Н. К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 2. С. 149.

³ Выскочков Л. В. Николай I. 2-е изд. М., 2006. С. 74–79.

⁴ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 2. С. 150.

Во внешнеполитических делах явственно ощущался полный застой и безвыходность. После признания 25 марта 1823 г. Англией воюющей стороной восставших греков был нанесен удар по принципам Священного союза, которые до этого пусть и де-факто, но признавались правительством Каннинга. С мая 1823 г. по инициативе Александра развернулась подготовка встречи с австрийским императором Францем I для обсуждения восточных дел (греческий вопрос, положение в Дунайских княжествах). Встреча состоялась в Австрии (австрийской Буковине), в Черновицах (Черновцах). Именно тогда были выработаны основные положения, которые позднее вошли в секретный «Мемуар об умиротворении Греции», который в январе 1824 г. был разослан союзным державам. Это был первый конкретный проект политического устройства греческих земель. Но перед открытием конференции в Петербурге отрывки секретного документа, которые не могли удовлетворить ни греков, ни турок, появились в зарубежной печати, что вызвало взрыв возмущения. Западноевропейская дипломатия решительно отклонила даже скромные предложения урегулирования греческого вопроса, опасаясь усиления влияния России. Восточный кризис продолжал углубляться, что подтверждало расширение его географических рамок. В его орбиту все больше втягивались Кавказ и недавно приобретенное Россией Закавказье. В старых рамках Священного союза разрешить проблему оказалось невозможным.

В итоге, в 1825 г. наметились серьезные изменения во внешнеполитическом курсе России, которые были одобрены Александром I и зафиксированы в инструкции К. В. Нессельроде «российским представителям в Вене, Берлине и Париже» от 6 (18) августа 1825 г. Фактически был взят курс на возвращение к той политике «свободы рук», которая была характерна для первых годов правления Александра I. Вопрос об умиротворении Греции по-прежнему связывался с коллективным давлением держав на Турцию, но теперь при главенстве России, отстаивающей свои национальные интересы и внешнеполитические приоритеты. Тем не менее, взвешивая перспективы войны с Портой, Александр I так и не решился перейти Рубикон, не решился на резкий перелом в русско-турецких отношениях. Уверенности в быстрой и победоносной войне, учитывая сдерживающую позицию европейских держав, не было, а состояние страны вызывало опасения.

Эта тревога подогревалась сообщениями о тайных обществах и подготовке ими антиправительственного выступления. Подозрения

императора основывались на собственных воспоминаниях-переживаниях в связи с событиями 1801 г., когда ему самому пришлось побывать в роли заговорщика. Александра беспокоили смутные образы отца и деда, погибших от рук заговорщиков. Казалось, учитывая масштабы заговора, его тревога была обоснована, положение стало еще опаснее. Его беспокоили не только мнимые притязания братьев, но теперь и вполне конкретные заговорщики из тайных союзов.

«Кара Всевышнего»: Наводнение 7 ноября 1824 г.

Мистическое и символическое значение в глазах Александра I имело ноябрьское наводнение в столице 1824 года, самое большое в истории города. Предшествующее по силе наводнение было в год рождения Александра Павловича (1777 г.). 24 октября (5 ноября) император возвратился после осенней поездки по стране в Царское Село. Через две недели 7 (19) ноября разразилось стихийное бедствие — самое большое наводнение за всю историю города на Неве. А. С. Пушкин, которого не было тогда в столице, мог позволить себе иронию и заметил в письме своему младшему брату Льву в столицу: «Вот прекрасный случай вашим дамам совершить омовение»⁵. Но петербуржцам было не до шуток, тем более не до смеха. В районе Екатерингофа (в устье Фонтанки) погибли сотни людей.

Буря началась накануне в 4 часа пополудни. В ночь с 6 на 7 ноября не умолкали пушечные выстрелы с Петропавловской крепости, предупреждающие от опасности. Граф В. А. Соллогуб, которому тогда было 11 лет, вспоминал: «Ничего страшнее я никогда не видывал. Это был какой-то серый хаос, за которым туманно очерчивалась крепость. Дождь косо разносился порывами бешено завывающего ветра. В гранитную набережную били черные валы с брызгами белой пены — и все били сильней и сильней, и все вздымались выше и выше. Нельзя было различить, где была река, где было небо. <...> И вдруг в глазах наших набережная исчезла. От крепости до нашего дома забурило, заклокотало одно сплошное судорожное море и хлынуло потоком в переулок... Плыли ведра, ушаты, бочки, гробы и простые надгробные кресты, смытые со Смоленского кладбища. На другой день рассказывали, что перед Зимним дворцом плыла будка, и что в будке находился часовой. Увидав стоявшего у окна государя,

⁵ Цит. по: Волков С. История Санкт-Петербурга. С основания до наших дней. М., 2002. С. 31.

часовой сделал, будто бы на караул и был спасен. Насколько такой рассказ справедлив, не знаю, но что государь лично заботился о погибавших, в том нет сомнения, и я был тому свидетелем...»⁶.

Про часового в будке упоминали и другие мемуаристы, в частности графиня Шуазель-Гуффье. По воспоминаниям декабриста А. Е. Розена, Александр Павлович стоял на балконе напротив Адмиралтейства и со слезами сказал: «Дорого бы я дал, если бы мог спасти сих несчастных!»⁷ А. Х. Бенкендорф тут же спустился к Главному караулу и приказал офицерам и матросам Гвардейского экипажа следовать за ним на дворцовом катере. Спасенных людей отправляли в сухопутный госпиталь. Александр I был убежден, что его постигла Божья кара. Графиня Шуазель-Гуффье отмечала, что вода поднялась в некоторых кварталах на 17 футов⁸. Это явное преувеличение. Называлась и отметка 13 футов 7 дюймов (441 см.). В действительности, точно уровень подъема воды тогда не мог быть замерен. Приводились также сведения: 391 см, 417 см, 424 см. Скорее всего, уровень воды превышал 4 метра над «нулем Кронштадского футшока».

Граф В. А. Соллогуб добавлял: «После наводнения 7 ноября на Петербург легло томящее свинцовое, все поглощающее уныние. Других речей, других забот не было, как о кварталах приморских, наиболее пострадавших. Целые улицы представляли груды развалин и трупов, над которыми раздавались вопли оставшихся без пищи и без пристанища»⁹. Разрушения и жертвы были огромны. Погибли целые кварталы, военные и гражданские корабли, баржи, промышленные предприятия, посеы на полях, домашний скот (известно, что в 1815 г. жители Петербурга держали 2570 коров, 234 теленка, 502 барана, 155 овец, 369 коз и 219 козлов). 2 декабря 1824 г. Н. К. Карамзин писал Вяземскому: «О здешнем наводнении вы уже столько слышали, что не хочу говорить о нем. Погибло 500 человек и много миллионов рублей. Пока еще не думаем бежать от Невы,

---

⁶ Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба. СПб., 1993. С. 63–66.

⁷ Цит. по: Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 438.

⁸ Шуазель-Гуффье С. де. Исторические мемуары об императоре и его дворе графини Шуазель Гуффье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. М., 1912. С. 266.

⁹ Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба. С. 63–66.

очень прекрасной и столь ужасной»¹⁰. Жертв было больше — несколько тысяч человек, но информацию об этом постарались скрыть.

Мемуарист Ф. Ф. Вигель (в то время — чиновник в Одессе) увидел в стихии некое грозное предзнаменование. «Я провел большую часть жизни в Петербурге и с сокрушенным сердцем узнал о его потоплении. Не знаю, отчего, но тогда же сие событие показалось мне предвестником других еще несчастнейших»¹¹. После мятежа невской стихии через один год Петровская площадь с памятником Петру I оказалась во власти иного мятежа. Стихийное бедствие в представлении современников оказалось прообразом новой катастрофы. В этом же ключе переосмыслил страшное бедствие А. С. Пушкин девять лет спустя. В октябре 1833 г. в Болдине он написал своего «Медного всадника». Ощущение брэнности бытия, бессилие перед роком овладело покорителем Европы Александром I. «Воля Божия, — писал он Н. М. Карамзину, — нам остается преклонить главу перед нею»¹².

«Так Богу угодно!»: Отъезд из Санкт-Петербурга

20 июля (1 августа) 1825 г. Двор переселился в Петергоф, где 22 июля, в день тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Федоровны, состоялась обычная великолепная иллюминация. Это был последний петергофский праздник в присутствии Александра I. Вслед за тем Александр I перебрался в Каменноостровский дворец, а великий князь Николай Павлович — в соседний Елагинский дворец. Тем временем здоровье императрицы Елизаветы Алексеевны ухудшилось. Лейб-медик Виллие, личные врачи императрицы К. К. Штоффреген и И. Ф. Рюль высказали мнение, что императрица Елизавета не сможет перенести петербургской зимы. Считалось, что Елизавета Алексеевна (или, как тогда писали, Елисавета Алексеевна) больна чахоткой (туберкулезом). На самом деле это была врачебная ошибка, которую установили только после ее кончины и вскрытия. Императрица страдала болезнью сердца.

---

¹⁰ Цит. по: Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба. С. 63–66; *Основат А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М., 1985. С. 16.

¹¹ Цит. по: Там же.

¹² Цит. по: Там же. С. 26.

Как бы там ни было, врачи настоятельно рекомендовали ей провести зиму на курортах Италии или Франции. Как вариант предлагался и юг России. Окончательный выбор сделала сама Елизавета Алексеевна, заявив, что поедет только в Таганрог, который «по внутреннему убеждению своему предпочитает Крыму»¹³. После эмиграции значительной части татарского населения в Турцию в конце XVIII в. Таврида была еще не освоенным краем. Крым пугал путешественников «крымской лихорадкой», хотя покупка земли на южном побережье впрямь была в самом разгаре, и дороги строились. Выбор Таганрога вызывал у исследователей некоторое недоумение... Сравнительно небольшой город-порт на побережье мелководного Азовского моря (около 8 тыс. жителей обоего пола) с одной благоустроенной главной улицей. Климат в зимнее время с сильными ветрами также был не слишком хорош.

Да, Александр ранней осенью всегда совершал длительные путешествия. Да, между императрицей Елизаветой Алексеевной и Александром I в 1824 г. **вновь наметилось сближение душ, и он, действительно, был обеспокоен ее здоровьем.** Да, она сама отказалась ехать в «чужие края», давно и прочно связав свою жизнь и смерть с Россией, ставшей для нее новой родиной. Да, Александр последние годы стремился к уединению и жизни вне дворцового этикета. Да, среди прочих причин, определивших этот шаг, было и неопределенное состояние с наследованием престола и необходимость предотвращения заговора, на что намекал уже биограф императоров Александра и Николая Н. К. Шильдер¹⁴. Что делать, если Елизавета Алексеевна скончается (это произошло 4 (16) мая 1826 г., **через полгода после кончины Александра Павловича**)? Не с этой ли целью (именно для нее) он захватил в Таганрог похоронные принадлежности? (предположение Т. В. Андреевой). Не вступит ли император в новый брак и не родится ли сын — законный наследник престола? Кроме того, до раскрытия заговора нельзя было объявлять публично нового престолонаследника.

Возможно, Александр ничего особого не замышлял, а действительно доверил свою жизнь и судьбу престолонаследия Провидению.

---

¹³ Цит. по: Комментарии Т. В. Андреевой к публикации: [Лонгинов Н. М.] История о болезни и последних минутах жизни императора Александра, основанная на подлинных сведениях // Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 63.

¹⁴ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 1. С. 166–168.

Но церемониться с заговорщиками, как это было в период первых декабристских обществ после манифеста о запрете всех тайных организаций от 1 августа 1822 г., император не собирался. Он продолжал смотреть в будущее с оптимизмом, не думал о смерти и не планировал отказываться от престола. Но он бежал от проблем, от ответственности за принятие окончательного решения! Характер императора определил его поведение в сложной ситуации. 8 (20) августа император утвердил маршрут следования. Предполагалось посетить Нижнюю Волгу (Царицын, Черный Яр, Астрахань) и Урал. Детальных планов на продолжение путешествия, пожалуй, не было. Александр объявил, что он отправится в Таганрог, чтобы вернуться в столицу к новому году.

Самым насыщенным из последних дней Александра I в Санкт-Петербурге было 30 августа (12 сентября), день его тезоименитства (благочестивого князя Александра Невского). Он посетил в этот день Казанский собор, Александро-Невскую лавру, присутствовал на церемонии освящения Михайловского дворца. В записках великого князя Николая Павловича упоминаются эти события: «30-го августа был я столь счастлив, что государь взял меня с собою в коляску, ехав и возвращаясь из Невского монастыря, государь был пасмурен, но снисходителен до крайности. <...> Обед был в новом дворце брата Михаила Павловича, который в тот же день был освящен. Здесь я простился навсегда с государем, моим благодетелем, и с императрицею Елисаветой Алексеевной»¹⁵.

Действительно, Николай Павлович в тот же вечер уехал на инспекцию в Бобруйск и больше уже не увидел ни брата, ни его супругу. Ни единым словом в этот последний день общения Александр не намекнул брату о подготовленном в 1823 г. манифесте относительно назначения наследником престола Николая Павловича вместо его старшего брата Константина (о междоусобице подробнее в следующем пособии) и даже о заговоре, угрожавшем всему государственному строю империи. Следующий день, 31 августа (11 сентября), Александр Павлович провел в Павловске у своей матери Марии Федоровны, а последнюю ночь — в Каменноостровском дворце.

В утренней тишине около 4 часов утра 1 (13) сентября 1825 г. один без свиты, как всегда, в дорожной коляске Александр I покинул

---

¹⁵ *Николай I. Записки. Тетради 1-ая и 2-ая «О наследии после смерти императора Александра I» // Николай I: Личность и эпоха. С. 17.*

Каменноостровский дворец. Миновав перед рассветом пригороды Петербурга, Александр I приказал кучеру остановиться: его внимание привлекла комета, отчетливо видимая над горизонтом. С четверть часа он смотрел на нее и на оставленную позади столицу. «Видал ли ты комету?» — спросил он у кучера. Тот подтвердил. «Знаешь, что она предвещает?» Не дожидаясь ответа, император сам произнес: «Бедствие и горесть» — и добавил, помолчав: «Так Богу угодно!»¹⁶ Трудно сказать, было ли это предзнаменование в действительности, но год кометы осени 1811 — лета 1812 г. император хорошо помнил.

В 8 часов утра император миновал Царское Село. Он еще раз остановился на выезде, чтобы попрощаться с Царским Селом и направился по Белорусскому тракту, так как собирался объехать Москву. Как обычно, Александр прихватил с собой весь рабочий аппарат. Главой Императорской Свиты был начальник Главного штаба генерал-адъютант барон И. И. Дибич. В свите состояли: лейб-медик Я. В. Виллие, лейб-хирург Д. К. Тарасов, вагенмейстер полковник А. Д. Соломко, директор канцелярии начальника главного штаба Ваценко, капитаны А. Г. Вилламов и Н. М. Петухов, гоффурьер (точнее камерфурьер)¹⁷ Д. Г. Бабкин, капитан фельдъегерского корпуса Ж. Годефруа, метрдотель Ф. И. Миллер, камердинеры Анисимов и Федоров, а также четыре лакея¹⁸.

На пути в Таганрог император неожиданно отменил все воинские смотры и 13 (25) сентября вечером был уже в Таганроге, проделав путь за 12 дней. На месте он занялся благоустройством «дворца». Это было одноэтажное каменное здание с высоким цоколем и зеленой крышей, по фасаду было расположено 13 окон¹⁹. Внутри здание было разделено большим залом, служащим приемной и одновременно столовой, на две половины. Две комнаты на правой половине дома занял Александр I, остальные восемь маленьких комнат на левой половине были предназначены для Елизаветы Алексеевны. Прислуга разместилась в подвальном этаже.

---

¹⁶ Цит. по *Брюханов В. А.* Заговор графа Милорадовича. С. 161.

¹⁷ Камерфурьер (как и гоффурьер) — высшая должность среди придворно-служителей (слуг); камерфурьеру подчинялись камердинеры, официанты, тафельдекеры и более низкие категории обслуживающего персонала.

¹⁸ Комментарии Т. В. Андреевой к публикации: [*Лонгинов Н. М.*] История о болезни и последних минутах жизни императора Александра... С. 64.

¹⁹ См. фотографию в кн.: *Архангельский А.* Александр I. 2-е изд. М., 2005. С. 352–353 (вклейка).

Император наблюдает за расстановкой мебели, сам вбивает гвозди для картин и гравюр.

Через три дня вслед за Александром I в дорогу отправилась императрица. Князю П. М. Волконскому, только что вернувшемуся из Парижа, было приказано сопровождать Елизавету Алексеевну. Это было несколько неожиданно, ведь в столкновении с А. А. Аракчеевым П. М. Волконский проиграл; с 25 апреля 1823 г. бывший начальник Главного штаба находился в отставке. Но именно Петра Михайловича Волконского Александр I назначил главой свиты императрицы, в которой находилась и сестра князя.

Елизавета Алексеевна приехала в Таганрог через десять дней после мужа, пробыв в пути на неделю больше. 23 сентября Александр Павлович едет в дормезе (экипаже, в котором можно было спать в пути. — Л. В.) на ближайшую станцию встречать жену. Супруги снова воссоединились, и Елизавета Алексеевна ожила. В скромном таганрогском доме, где маленькие окна выходили во двор с фруктовым садом, а вдали было море, началась тихая спокойная жизнь. Александр I прогуливается в саду или по улицам города по утрам в любую погоду с 7 до 10 часов утра, затем катается или верхом, или в дрожках с императрицей. После обеда супруги также дружно на коляске объезжают окрестности города, любясь курганами. «По прибытии императрицы царственные супруги не расставались, гуляли вместе», — свидетельствовала фрейлина С. А. Муханова (Мададова)²⁰. По вечерам Елизавета Алексеевна играет на фортепьяно, а Александр Павлович сидит рядом с нею и поет. Он оживлен и, кажется, спокоен.

В состав немногочисленного Двора входили генерал-адъютанты князь П. М. Волконский и И. И. Дибич, камерфурьер Д. Бабкин, камердинеры Анисимов и Федоров, статс-секретарь Елизаветы Алексеевны Лонгинов, камер-фрейлины княжна В. М. Волконская и Е. П. Валуева, пять врачей, аптекарь, две камер-юнгферы и несколько человек домашней прислуги. Александр, как радостно сообщает императрица в письме в Баден к матери, не собирается возвращаться в Петербург раньше нового года. Впрочем, таганрогская идиллия продолжалась недолго. Александру I не удалось «убеждать» от проблем. 22 октября приходят печальные известия от А. А. Аракчеева, который сообщает

²⁰ Мададова С. А. Императрица Елизавета Алексеевна в воспоминаниях ее бывшей фрейлины // Русские императоры, немецкие принцессы: Династические связи, человеческие судьбы / Ред.-сост. А. Данилова. М., 2002. С. 201.

об убийстве 10 октября дворовыми его домоправительницы и любовницы Н. Ф. Минкиной-Шумской.

Справка

Женщины привлекали Аракчеева не меньше, чем артиллерия. В 36 лет высокий, но сутулый, «лицом не привлекательный», аккуратный в одежде А. А. Аракчеев, привыкший покупать красивых крепостных крестьянок для удовлетворения своих потребностей, осенью 1805 г. влюбился в одну из таких женщин. Ее звали Анастасия (Настасья) Федоровна Минкина (? – 10 сентября 1825 г.). У нее были жгучие темно-карие глаза и черные как смоль волосы. По одной из версий она была женой крестьянина-кучера, цыгана по происхождению, из имения Аракчеева Грузино. Она стала всячески угождать временщику. Впрочем, вопреки расхожему мнению, в этом возрасте Аракчеев мог еще произвести приятное впечатление на женщин. Она не смогла родить от Аракчеева, но договорилась с крестьянкой о покупке ребенка, изображая одновременно беременность. Активно проявила себя и в роли домоправительницы, тем более что, будучи не особенно грамотной, писать умела. Это для временщика было очень важно. Обширное хозяйство и дворовые требовали надзора. Положение в обществе требовало официальной женитьбы на дворянке. 4 февраля 1806 г. в Сергиевском артиллерийском соборе в Санкт-Петербурге состоялось венчание Аракчеева. Его избранницей стала дочь ярославского помещика Ф. Н. Хомутова Наталья Федоровна, которой исполнилось 23 года. Его семейная жизнь длилась недолго, в 1807 г. супруги «разъехались». Дело было не только в грубости Аракчеева, но и в нежелании супруги делить мужа с его любовницей. После этого Аракчеев замкнулся в себе еще больше. Минкина была возведена в купеческое сословие под фамилией Шумской. О том, что Михаил Шумский не его сын, Аракчеев узнал в конце 1819 – начале 1821 г. Аракчеев продолжал его любить, направил в Пажеский корпус, но постоянное пьянство Михаила не способствовало его карьере. Ничего путного из него не вышло. Потом он жил на субсидии Аракчеева, а после его кончины — Николая I. День 10 сентября 1825 г. начинался для Аракчеева, находившегося по делам примерно в 30 верстах от своего имения в Грузино, как обычно. Около часа дня к нему прибыл доктор К. Х. Даллер и сообщил, что, по сведениям прибывшего из Грузино грузинского головы Павла Шишкина, Настасья Федоровна заболела, и надежды на выздоровление нет никакой. Граф помчался в Грузино, мучаясь неизвестностью. На подъезде к Грузино он встретил штабс-капитана Кафка и спросил его о здоровье Настасьи Федоровны. Кафка простодушно ответил: «Нет никакой помощи, голова осталась только на одной коже». Ее убили дворовые (отрезали голову кухонным ножом) за постоянные издевательства, которые от нее терпели. Аракчеев похоронил ее в Грузинском соборе рядом с могилой, приготовленной для

себя, и начал жестокий сыск. Его приехал утешать архимандрит Фотий. Александру I о случившемся несчастье граф написал 12 сентября. Накануне он написал также генерал-майору А. А. Эйлеру с **приказом принять командование** отдельным корпусом военных поселений. С того дня Аракчеев отошел от дел, уведомив об этом императора де-факто. Тогда же, не вскрывая пакет от провокатора И. В. Шервуда с сообщением о заговоре, он переадресовал его Александру I. **5 октября 1825 г. Новгородская палата Уголовного суда** определила: «Означенных преступников, наказав кнутом, сослать в каторжную работу в Сибирь вечно, дав им: Василию Антонову сто семьдесят пять, Прасковье Антоновой — сто двадцать пять, Дарье Константиновой — девяносто пять, Федосье и Татьяне Ивановым — по семидесяти и Елене Фоминой — пятьдесят ударов». 23 декабря 1825 г. приговор был приведен в исполнение. Василий и Прасковья Антоновы умерли во время экзекуции, а Елена Фомина — через несколько дней. Остальные отлежались и были отправлены в Сибирь. После смерти Настасьи Федоровны графу открылись некоторые тайны ее жизни. Это были записочки молодым офицерам и записки тех, кто присылал ей подарки в надежде на протекцию. Подарки Аракчеев возвратил дарителям.

Император Александр I казался спокойным, но его подозрительность, развивавшаяся вместе с глухотой, бросалась в глаза. Наконец, им снова овладела «охота к перемене мест», и 11 октября он покидает Таганрог. На протяжении нескольких дней он совершает поездку по Области Войска Донского. Он посетил казачью столицу Новочеркасск, затем расположенную на берегу Дона станицу Аксайскую и ночевал в армянской колонии Нахичевань (ныне район Ростова-на-Дону на правом берегу реки). В Таганрог император вернулся 15 октября. Здесь 18 октября он принимает графа И. О. Витта, который докладывает информацию о тайном обществе, полученную от тайного осведомителя — елисаветградского помещика А. К. Бошняка. Александр I приказал графу И. О. Витту, как и ранее Шервуду, продолжить наблюдения. Последний донос капитана Вятского полка А. И. Майборода на полковника П. И. Пестеля застал императора на обратном пути из Крыма в Таганрог.

Кончина Александра I и легенда о старце Федоре Кузьмиче

Император планировал совершить инспекционную поездку на Урал или в Астрахань, но в дальнюю дорогу не торопился. Вопреки первоначальным планам, по приглашению новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова, приехавшего в Таганрог, 20 октября

(1 ноября) в 8 часов утра Александр I с небольшим конвоем выехал в Крым. Это было его второе путешествие в Крым после 1818 г. В поездке, рассчитанной на 18 дней, Александра I сопровождали генерал-адъютанты князь П. М. Волконский и барон И. И. Дибич, врачи Я. В. Виллие и А. И. Тарасов, полковник А. Д. Соломко и, как обоснованно предполагает Т. В. Андреева, личный секретарь Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинов.

23 октября Александр Павлович переночевал в Мариуполе, в окрестностях которого расположились образцовые немецкие менонитские колонии на р. Молочной. 25 октября император прибыл в Крым и целый день он провел в Симферополе. Часть последующего пути по Южному берегу Крыма императора сопровождал новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов. В первые дни император был привычно оживлен и разговорчив. После ночевки в Симферополе Александр I направился через перевал на Южное побережье, по которому совершил двухдневную поездку (25 и 26 октября).

Он побывал в Гурзуфе, посетил Никитский ботанический сад (в 7 верстах к востоку от Ялты), заложенный в 1812 г., и, конечно же, — Ореанду с ее прекрасными виноградниками (смежную с Ливадией), которую он приобрел у графа Кушелева-Безбородко. Позднее она станет одним из владений императрицы Александры Федоровны. Крым, освоение которого уже началось, произвел на императора самое благоприятное впечатление. «Я скоро переселюсь в Крым, — сказал он П. М. Волконскому, — и буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку»²¹. В шутку он предлагал князю П. М. Волконскому тоже выйти в отставку и стать у него библиотекарем. Погостив у князя М. С. Воронцова в Алушке, где еще не был построен знаменитый дворец, но уже можно было дегустировать прекрасные вина, 27 октября, простившись с М. С. Воронцовым и пообедав в Алушке, Александр I отправился в путь, который лежал через Байдарский перевал. Хотя там уже строилось шоссе, часть пути император проделал верхом. У перевала Байдары через Главную крымскую гряду (503 м) с прекрасным видом на побережье его ожидали экипаж и обед. Затем в коляске вместе с И. И. Дибичем он через Ласпинские горы и Кучюк-Мискойскую долину направился в Балаклаву, где состоялся смотр греческого батальона под командованием Ревелиотти, сформированного из переселенцев-греков

---

²¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый.... Т. 4. С. 370.

в конце царствования Екатерины II. В гостях у Ревилиотти Александр Павлович, вероятно, полдничал, но «ел мало, находя его кухню мало подходящей для себя»²².

Вечером 27 октября император отправился в древний Георгиевский монастырь в двух верстах от мыса Фиолент, расположенный на краю плато, поражающем своей величием. Пока позволяла дорога, император ехал в коляске, затем сел на лошадь и, отпустив свиту, в одной шинели, в сопровождении фельдшера и татарина-проводника (у Н. М. Лонгинова — двух татар) продолжил путь. Был теплый день, но к шести часам вечера подул северо-восточный холодный ветер. Резко похолодало, а Александр Павлович отказался взять с собой бурку. «Для императора, — писал Н. М. Лонгинов, — это имело роковые последствия, поскольку именно там он простудился»²³. Многие мемуаристы связывают начало болезни с посещением именно Георгиевского монастыря, находящегося на высоком обрыве над морем (ныне восстановленного). «Доктор Вилье и генерал Дибич, сопровождавшие императора, — пишет С. А. Муханова (Мадатова), — вместо того, чтобы дать ему потогонного, принудили его выпить три стакана пунша, что и вызвало горячку»²⁴.

Вечером в десятом часу государь прибыл в Севастополь и при свете факелов произвел смотр морякам. На следующий день, 28 октября, Александр осмотрел город с его основной застройкой на Южной стороне. В одном мундире, отказавшись надеть шинель, в шляпке он направился на военный корабль, где завтракал с командующим Черноморским флотом и севастопольским военным губернатором адмиралом А. М. Грейгом. Император присутствовал также на Александровской батарее во время спуска на воду судна «Воробей», а во второй половине дня осматривал укрепления при входе в Севастопольскую бухту. Вечером он давал обед, на котором присутствовали высшие военные чины и представители местного общества.

Утром 29 октября император переправился на Северную сторону, где продолжил знакомство с укреплениями Северной стороны Севастополя (которую, в отличие от Южной стороны, так и не смогли взять войска союзной коалиции против России в годы Крымской войны). В тот день государь также почувствовал недомогание.

---

²² [Лонгинов Н. М.] История о болезни и последних минутах жизни императора Александра... С. 55.

²³ Там же.

²⁴ Мадатова С. А. Императрица Елизавета Алексеевна... С. 201–202.

Вечером Александр I отбыл в Бахчисарай. В Бахчисарае находился бывший ханский дворец, с «фонтаном слез», воспетым А. С. Пушкиным (хотя, в прозе поэт отозвался о нем вполне скептически).

В окрестностях города находился знаменитый пещерный город Чуфут-Кале, старинный центр караимов — местных жителей-тюрков, остатков коренного населения Крыма, сохранившегося со времен хазар, исповедующих иудаизм. По пути из Бахчисарая в Чуфут-Кале император посетил стоящий рядом с тропой Успенский монастырь. 1 ноября Александр I был в небольшом уездном портовом городе Козлове (ранее — Гезлёве, как во времена Крымского ханства называлась древняя Евпатория). Здесь император посетил караимскую кенасу, демонстрируя веротерпимость, в том числе и к иудаизму. Но в данном случае были важны особые отношения, сложившиеся с караимами еще со времени путешествия в Крым Екатерины II в 1787 г. Однажды, когда конь под императрицей испугался и понес, караим И. С. Джигит спас Екатерину II. Это явно легенда, но указом 1795 г. императрица снизила налогообложение караимов. Во время предшествующей поездки в Крым в 1818 г. Александр I **останавливался** в Евпатории в доме лидера крымской общины караимов Хаджиаги Симы Бабовича.

Уважил Александр I и мусульман — в одном из татарских домов как почетный гость присутствовал на церемонии обрезания. Затем Александр I **направился к Перекопу, а 3 ноября после обеда приблизился к Орехову** (ныне районный центр Запорожской области на р. Конка). На окрестной станции ему повстречался фельдъегерь Масков с бумагами из Петербурга и Таганрога. Приняв бумаги, Александр приказал фельдъегерю сопровождать его в Таганрог, но по пути курьерская тройка фельдъегеря наскочила на кочку, экипаж опрокинулся, вывалив Маскова на землю. Император приказал Д. К. Тарасову оказать помощь пострадавшему и доложить ему в Орехове. Проявление такой заботы было характерной чертой императора, о чем писала графиня Шуазель-Гуффье. К сожалению, от полученного смертельного удара в голову фельдъегерь вскоре скончался.

В среду, 4 ноября, в Орехове императора встречал епископ Екатеринославский, Таврический и Херсонский Феофил. В тот же день Александр I выехал из Орехова и к 7 часам вечера прибыл в Мариуполь. Его сильно знобило. В десятом часу он потребовал к себе лейб-медика Виллие, который, по словам Д. К. Тарасова, нашел его «в полном развитии лихорадочного сильного пароксизма». Баронет

дал ему стакан крепкого пунша с ромом и уложил в теплую постель, чтобы больной пропотел. Он предлагал императору задержаться, но до Таганрога оставалось 90 верст. Александр желал прибыть к Елизавете Алексеевне в соответствии с маршрутным сроком.

В четверг, 5 ноября, в 10 часов утра в закрытой коляске и теплой меховой шинели Александр I отбыл из Мариуполя; в седьмом часу вечера больной возвратился в Таганрог. Лейб-медик Я. В. Виллие поставил ему спорный диагноз — эпидемическая лихорадка, которая обострилась из-за того, что император отказывался от лекарств. Сам Александр считал, что схватил «крымскую лихорадку», а также приписывал свою болезнь кислому сиропу из барбариса, который пил в Бахчисарае.

Первые дни в Таганроге прошли в борьбе организма с неизвестной болезнью с переменным успехом. Император изредка уже соглашался принимать лекарство, в частности, слабительные пилюли. Он старался выходить как всегда к обеду, а днем отдыхал на канapé, временами впадая в беспамятство. Первый «обморок», по свидетельству Д. Бабкина, произошел в субботу 7 ноября, когда началась сильная «горячка». Ночь с 7 на 8 прошла беспокойно. По воспоминаниям императрицы, Александр Павлович чувствовал себя сносно и жаловался только на боли в животе от слабительного. Он читал и перечитывал Библию, в тот вечер впервые позвали священника. Данные о состоянии императора ночью противоречивы. Как отметил камерфурьер Д. Бабкин, ночь прошла беспокойно, а днем 8 ноября императору также «не было лучше».

В следующую ночь, с 8 на 9 ноября, у врачей появилась надежда на благополучный исход, но днем император «отказался принимать лекарство». Верный слуга Д. Бабкин не щадит самолюбия Виллие: «Этот подлый интриган и малодушный медик не нашел искусства и души убедить императора принимать лекарство». Он пытался лечить «одним только питьем разных лимонадов». Считая болезнь «желудочно-желчной лихорадкой», Виллие продолжает прописывать слабительное. Императора поили яблочной водой с соком черной смородины, но жар не спадает, кожа лица желтеет, глухота усиливается. Александр еще крепится и пытается заниматься текущими делами. «Работа настолько сделалась моей привычкой, — признается он Елизавете Алексеевне, — что я не могу без нее обойтись, и, когда ничего не делаю, то чувствую пустоту в голове. Если я покину свой пост, мне придется поглощать целые библиотеки, иначе я сойду

с ума»²⁵. Действительно, он даже подготовил бумаги для отправки почтой (последнее письмо государя датировано 6 ноября), а Елизавета Алексеевна показывала ему модные журналы. Он попросил императрицу отослать приготовленные им пакеты И. И. Дибичу.

Утром 10 ноября больному полегчало. Он вспоминает еще о делах, приказывает, в частности, начать аресты членов тайного общества, но затем он теряет сознание. На следующий день, 11 ноября, Александр снова почувствовал себя лучше, Елизавета Алексеевна приходила к нему обедать. В тот день он дал попробовать показавшееся ему подозрительным питье Елизавете Алексеевне. Утром следующего дня, 12 ноября, император снова не хотел принимать лекарство. Он оставался в своей комнате, жар спал, но была испарина. 13 ноября утром, вероятно, под действием принятых накануне пилюль, снова наступило облегчение. Император отверг предложение о «кровопускании». Но в тот же день дежуривший при нем лейб-медик Елизаветы Алексеевны Э. И. Рейнгольд заметил первые признаки поражения мозга и пришел к выводу о том, что «нет никакой надежды»²⁶.

14 ноября Александр Павлович вновь отказался от лекарства. В тот день Виллие записал в дневнике его слова: «“Уходите!”». Я заплакал, и, видя это, он мне сказал: “Подойдите, мой милый друг! Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за это. У меня свои причины”». По свидетельству Н. М. Лонгинова, «врачи, уже исчерпавшие все возможные в таких случаях средства, были близки к отчаянию...»²⁷. Император продолжал отказываться от лекарств и саму болезнь объяснял их воздействием. С этого дня он не встает с постели.

Утром следующего дня, в воскресенье, у больного был жар, и Елизавета Алексеевна напомнила ему о духовнике. Это было в 6 часов утра. К нему приходит протоирей местной церкви Алексей Федотов. Великий князь Николай Михайлович сообщает: «15 ноября Государь пожелал причаститься Святых Тайн, которые были ему даны священником Федотовым, с которым он оставался больше часа наедине во время исповеди и причащения». «Священник, — как свидетельствует Д. Бабкин, — умолял его принять врачебное пособие».

²⁵ Цит. по: *Труайя А.* Александр I, или Северный сфинкс. М., 1997. С. 293.

²⁶ *Андреева Т. В.* Александр I: 1825 год // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб., 1997. Вып. 1. С. 63.

²⁷ [*Лонгинов Н. М.*] История о болезни и последних минутах жизни императора Александра... С. 56.

Император приобщается Святых тайн в присутствии императрицы, врачей, камердинеров. На прощание он поцеловал руку Елизавете Алексеевне.

В тот день государю прикладывали горчичники к рукам, пиявки за уши (по 35 по обеим сторонам), которые, по одному из свидетельств, император пытался сорвать, а на голову — холодные примочки. Все чаще император впадал в бессознательное состояние. Ночь на 16 ноября прошла трудно, в два часа ночи император попросил лимонного мороженого, которого смог съесть одну ложечку. Вечером, по свидетельству П. М. Волконского, «прикладывали к ляжкам синапизмы (горчичники. — *Л. В.*), но жар не уменьшался. Государь был все хуже, в забытии и ничего не говорил». В некотором противоречии с этим Д. К. Тарасов (впрочем, он писал воспоминания много позже) считал, что ночь прошла спокойно, так как действовали «шпанские мушки», приложенные к затылку (то есть специальный пластырь)²⁸.

Но это еще был не конец: 17 ноября Елизавета Алексеевна писала в письме в Петербург: «Ему заметно лучше, но он очень слаб». Это было предсмертное временное улучшение. В тот же день Виллие записал в дневнике: «Князь (П. М. Волконский. — *Л. В.*) в первый раз завладел моей постелью, чтобы быть ближе к Императору, барон Дибич находился внизу». На следующий день в дневнике Я. В. Виллие появился категорический диагноз: «Ни малейшей надежды спасти моего обожаемого повелителя. Я предупредил Императрицу, князя Волконского и Дибича».

В пасмурное утро 18 ноября площадь перед дворцом была запружена народом. Государь слабел, часто открывал глаза, устремляя взоры на императрицу и Святое причастие. Секретарь Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинов писал: «Священник находился здесь же и читал отходную. В 9 часов позвонили настенные часы, и император посмотрел на них глазами, еще полными жизни! Его взгляд встретил горячо любимый предмет — то была императрица. Он улыбнулся ей, еще раз сжал ей руки и поцеловал их. Увы! Более он уже не говорил! По движению губ некоторое время догадывались, что он хотел сказать. Никакого более звука не доносилось из его уст. <...> К вечеру судороги в разных участках головы, в частности,

---

²⁸ Цит. по: *Барятинский В. В.* Царственный мистик (император Александр I — Федор Кузьмич). Л., 1990. С. 50.

в глазах, с каждым мгновением обнаруживали приближение конца существа... Дыхание являло собой лишь приглушенный храп. <...> Позднее однако вновь наступило спокойное облегчение... Блеснул слабый луч надежды, и лакей (точнее камердинер. — *Л. В.*) императора Анисимов уже был убежден, что он “выбаливается” и будет здоров, выражение характеристическое, но, к несчастью, не сбывшееся. Поелику император более ничего не говорил, то ему сделали два клистира из бульона со смоленской крупой. <...> С наступлением ночи лихорадка вновь усилилась»²⁹.

С 23 часов 40 минут император не приходил в себя, точнее почти не приходил. Александр Павлович впал в дремотное состояние. Лейб-медик Д. К. Тарасов в воспоминаниях позднее писал, что он «часто открывал глаза и прямо устремлял их на императрицу и святое причастие»³⁰. О том, что император открыл глаза за час до кончины и подозвал государыню движением рукой, упоминает Добберт. Но более подробно об этом сообщает камердинер Федоров, который писал об императрице Елизавете Алексеевне: «Она полторы сутки находилась при императоре; за час до кончины, государь, открыв глаза и видя около себя предстоящих любезнейшую царицу, барона Дибича, князя Волконского и прочих особ, но не мог говорить, но память имел; сделал движение рукою, звал государыню, которая к нему подошла...»³¹. Агония, начавшаяся вечером, продолжалась около 11 часов.

Утром в четверг 19 ноября состояние больного резко ухудшилось.

В акте о кончине императора Александра болезнь, начавшаяся «на возвратном пути из Крыма 3-го и в особенности 4-го ноября», объяснялась «желчной лихорадкой, из коей образовалась впоследствии жестокая горячка с прилитием крови в голову»³². Смерть была зафиксирована 19 ноября, «по полуночи в 10 часов 50 минут». Секретарь Н. М. Лонгинов определял время кончины императора в 10 $\frac{3}{4}$ часа³³.

---

²⁹ [Лонгинов Н. М.] История о болезни и последних минутах жизни императора Александра... С. 58–59.

³⁰ Цит. по: *Барятинский В. В.* Царственный мистик... С. 52.

³¹ Цит. по: Там же. С. 54.

³² ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1217. Л. 22 об.—23 об. — См. также: *Барятинский В. В.* Царственный мистик... С. 74.

³³ [Лонгинов Н. М.] История о болезни и последних минутах жизни императора Александра... С. 59.

Камерфурьер Д. Бабкин в письме к сыну писал: «19 ноября 47 минут 11 часа утром я видел последний вздох его!» Вероятно, это одно из наиболее точных наблюдений, при возможной разнице в показаниях самих часов. Старому слуге, находившемуся непосредственно у больного государя, можно верить. «За труды, понесенные при перевезении из Таганрога тела в Бозе почившего императора Александра I», как отмечалось в документах о службе Даниила Бабкина, он 2 мая 1826 г. был пожалован перстнем, а затем 30 000 рублями на покупку дома. Почтенный придворнослужитель вышел в отставку в 1851 г., прослужив при Дворе 61 год³⁴. Акт о кончине императора был подписан двумя генерал-адъютантами и членами Государственного Совета: генералом от инфантерии князем Петром Волконским; начальником Главного штаба бароном И. И. Дибичем. Ниже поставили свою подпись два лейб-медика: тайный советник баронет Яков Виллие и действительный статский советник Конрад Стоффреген. В экземпляре на французском языке среди лиц, подписавших документ, фигурирует также генерал-адъютант А. И. Чернышев.

О первых минутах после кончины Александра I сохранились сведения камердинера Федорова, наблюдавшего за императрицей: «Наконец, в исходе души великого своего супруга, сама изволила закрыть дражайшему своему царю глаза и, подвязав ему платком подбородок, залившись слезами, получила сильный обморок. Немедленно вынесли ее в другую комнату»³⁵. Бывший выше его рангом по придворнослужительской «табели о рангах» камерфурьер Д. Бабкин писал в письме к сыну от 23 ноября: «Императрицу отвели в ее покои, а я с камердинером обмыли драгоценное тело его, надели чистое белье и белый шлафрок³⁶, положили на дорожную его кровать в кабинете, засветили около кровати 4 свечи, в головах же образ Спасителя, и в ногах — налой (аналой. — Л. В.) и евангелие, позвали духовенство и пение упокой господи усопшего раба твоего Благочестивейшего государя императора Александра I-го. <...> Императрицу перевезли в другой дом...»

Прошло более суток. Только на следующий день, 20 ноября, в 7 часов вечера, через 32 часа после кончины, началось вскрытие,

³⁴ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1222 б. Л. 1.

³⁵ Цит. по: *Бяратинский В. В.* Царственный мистик... С. 54.

³⁶ Шлафрок (от нем. *Schlafrök* — халат), или **шлафор**, — просторная домашняя одежда, доходящая до лодыжек и подпоясанная обычно витым шнуром с кистями на концах.

продолжавшееся и ночью. Эта затянувшаяся пауза — самый таинственный период в истории кончины императора. Возможно, нужно было приготовить препараты для последующего бальзамирования. Известно, что Елизавета Алексеевна 20 ноября переехала в частный дом Шахматовых и только 29 числа вернулась во дворец.

По воспоминаниям чиновника Канцелярии Главного штаба Николая Игнатьевича Шенига (1795–1860), «20 числа, князь Волконский, Дибич, Чернышев присутствовали при вскрытии тела, которое делали Вилье, Тарасов и другие доктора. Все тело найдено здоровым, только в голове нашли 5 унций воды...»³⁷. Более подробно о вскрытии пишет Н. М. Лонгинов, который был своим человеком при Дворе: «У императора было атлетически сложенное тело. Как и предполагалось, в голове покойного, ближе к затылку, обнаружилась вода, почти полстакана, мозг с левой стороны был почти черным, как раз в том месте, где покойный постоянно жаловался на жестокую головную боль, и артерия, что у левого виска, оказалась прилегающей к другой вене, и обе были как бы связаны вместе. Сердце по отношению к телу было скорее небольшим, а вокруг него скопилась жидкость, которая могла образоваться там еще до болезни; все это дает основание предположить, что император в течение некоторого времени чувствовал болезненное сердцебиение. Печень не представляла собой ничего особенного; но, будучи слишком распластанной, она была залита желчью, несмотря на сильное выведение желчи, вызванное применением лекарств 15-го и 16-го ноября. Почки были словно окаменевшие, но окостенение еще не наступило, однако они находились в хорошем состоянии, как и прочие внутренние органы»³⁸.

В заключении официального протокола о вскрытии тела говорилось, что император Александр I «был одержим острою болезнью, коею первоначально была поражена печень и прочие к отделению желчи служащие органы; болезнь сия в продолжении своем постепенно перешла в жестокую горячку, с приливом крови в мозговые сосуды и последующим затем отделением и накоплением сукровичной влаги в полостях мозга, что и было, наконец, причиною самой смерти Его Императорского Величества»³⁹. В процессе анатомического

³⁷ [Шениг Н. И.] Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига // Русский архив. 1880. Кн. 2. С. 279.

³⁸ [Лонгинов Н. М.] История о болезни и последних минутах жизни императора Александра // Там же.

³⁹ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 573–574.

обследования и анатомирования были выявлены раны на ногах императора, полученные им в Брест-Литовске в 1823 г., которые затем вызвали рожистое воспаление, проявившееся в январе 1824 г. в Царском Селе. Это лишний раз доказывает, что забальзамированное тело принадлежало именно Александру I.

Тексты медицинских документов слишком туманно указывают причину кончины императора. Во всяком случае, то, что пишет, например, великий князь Николай Михайлович — «специфическая форма горячки (тифозный вид запущенной лихорадки, по нынешним понятиям)» — не доказывается фактами. Не было характерных при таком диагнозе опухания кишечных желез, увеличения или другого изменения в селезенке. Отзывы медиков и патологоанатомов, полученные в начале XX в., позволяют утверждать, что император скончался не от тифа или малярии («крымской лихорадки»). Следы язв на ногах от рожистого воспаления («различные рубцы») напоминают о болезни Александра I, которой он страдал в январе 1824 г. Это были последствия удара копытом лошади во время поездки в Брест. Доктор М. М. Манасевин обратил внимание на «сомнительные следы сифилиса», но тоже не считал это диагнозом. Возможная причина смерти, по мнению хирурга В. Б. Гюббенета, — «кровоизлияние в мозг вследствие склероза сосудов мозга на почве луэса — сращения мозговых оболочек с черепом и пр., утолщение черепных костей»⁴⁰.

В воспоминаниях Шенига более подробно рассказано о бальзамировании тела покойного императора, так как он при этом присутствовал. «21 ноября поутру в 9 часов, по приказанию Дибича, отправился я, как старший в чине... для присутствия при бальзамировании тела покойного государя. Вошел в кабинет, я нашел его уже раздетым на столе и четыре гарнизонных фельдшера, вырезывая мясистые части, набивали их какими-то разваренными в спирте травами и забинтовывали широкими тесьмами. Добберт и Рейнгольд с сигарами в зубах, варили в кастрюльке в камине эти травы. Они провели в этом занятии всю ночь, с той поры как Виллие вскрыл тело и составил протокол. Череп на голове был уже приложен, а при мне натягивали кожу с волосами, чем немного изменилось выражение черт лица. Мозг, сердце и внутренности были вложены в серебряный сосуд, вроде сахарной большой жестянки с крышкою, и заперты

---

⁴⁰ Цит. по: *Барятинский В. В.* Царственный мистик... С. 84.

замком. Кроме вышесказанных лиц и караульного казацкого офицера, никого не только в комнате, но и во всем дворце не было видно. Государыня накануне переехала в дом Шахматова. Доктора жаловались, что все разбежались, и что они не могут даже добиться чистых простынь и полотенец... По окончании бальзамирования, одели государя в парадный общий генеральский мундир с звездой и орденами в петлице...»⁴¹.

В воспоминаниях А.И. Шенига характерно упоминание об изменении лица в связи со вскрытием. Кроме того, при теплой погоде с бальзамированием явно запоздали. В письме к статс-секретарю Г.И. Вилламову князь М.П. Волконский советует отпеть тело императора в Таганроге, «ибо хотя тело и бальзамировано, но от здешнего сырого воздуха лицо все почернело, и даже черты лица покойного совсем изменились, через несколько же времени и еще потерпят»⁴².

За участие в бальзамировании, по представлению Виллие, перстнями были пожалованы медики Рейнгольд, Тарасов, Добберт и Александрович, младшему лекарю Яковлеву была пожалована золотая табакерка. Остальные лица были награждены деньгами. Штабс-лекарь Васильев, аптекарь Прот, лекарские помощники Матвеев и Щедрин, 4 фельдшера и 4 рядовых получили в общей сложности 1150 руб.: от 250 до 50 руб. каждый⁴³.

Несколько дней тело Александра I находилось в его кабинете, так как ждали регалии из Москвы. 27 ноября облаченное в общий генеральский мундир со звездой и орденами (кроме Андреевской ленты и шпаги) с возложенной на голову короной, тело было положено в свинцовый гроб и выставлено в тронном зале таганрогского дворца. Здесь оно оставалось до 11 декабря, потом было перенесено в собор греческого Александровского монастыря. Перед этим гроб вскрыли, сняв временно корону (и не запаяли), обложив тело «травными подушками с хлопчатой бумагой»⁴⁴.

В соборе был сооружен катафалк под балдахином, украшенный императорской короной. Свинцовый гроб был помещен в деревянный,

⁴¹ [Шениг Н.И.] Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига. С. 279–283.

⁴² Цит. по: Барятинский В.В. Царственный мистик... С. 66.

⁴³ Бумаги, относящиеся до кончины императора Александра I. 1825 г. // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1217. Л. 11–12.

⁴⁴ Комментарии Т.В. Андреевой к публикации: [Лонгинов Н.М.] История о болезни и последних минутах жизни императора Александра... С. 76.

обитый золотым глазетом⁴⁵ с золотым газом⁴⁶, и усыпан шитыми императорскими гербами... Сердце Александра I было положено в серебряный позолоченный сосуд, а внутренности — в особый кивот⁴⁷. Герметически закрытые, они были затем помещены в гроб⁴⁸. Снятая с лица гипсовая маска позднее хранилась в кабинете покойного императора в Царскосельском дворце. Утром 29 декабря траурный кортеж двинулся в путь. Организация похоронной процессии была возложена на князя П. М. Волконского, а командование войсками, охраняющими процессию, — на генерал-адъютанта графа В. В. Орлова-Денисова. Среди 45 лиц, сопровождавших тело Александра I, был Д. К. Тарасов, который пять раз секретно в полночь производил осмотр останков. Процессия направилась через Харьков, Курск, Орел, Москву, где гроб покойного стоял в Архангельском соборе, затем через Новгород и Тосно в Санкт-Петербург.

28 февраля 1826 г. процессия приблизилась к Царскому Селу. Навстречу выехали Николай I и великий князь Михаил Павлович, а также высшие чины Двора. Тело было выставлено в дворцовой церкви. 1 марта после очередного осмотра тела Д. К. Тарасовым в половине двенадцатого ночи императорская семья без священников и охраны простилась с покойным. 5 марта тело покойного императора было перенесено в Чесменскую церковь и переложено в новый свинцовый гроб. На следующий день, 6 марта, траурный кортеж двинулся в Санкт-Петербург, где великолепный катафалк был установлен в Казанском соборе. 13 марта 1826 г. Александра I проводили в последний путь. Процессия двинулась по Невскому проспекту, Малой Садовой улице и новой улице между Михайловским дворцом и Инженерным замком (Караванной) к Марсову полю и затем вдоль Летнего сада и через наплавной Троицкий мост к Петропавловской крепости. Во втором часу дня тело Александра I было погребено в царской усыпальнице. Слухи, что гробницу царя вскрывали

---

⁴⁵ Глазет — ткань с шелковой основой серебряного цвета; разновидность парчи.

⁴⁶ Газ — легкая полупрозрачная ткань из тончайших шелковых или хлопковых нитей.

⁴⁷ Имеется в виду киворий — особый ковчег, дарохранительница, применяющийся в церковном обиходе.

⁴⁸ Подробнее см.: Комментарии Т. В. Андреевой к публикации: [Лонгинов Н. М.] История о болезни и последних минутах жизни императора Александра... С. 75 и др.

после революции и будто бы гробницу нашли пустой, документально не подтверждаются.

Скоропостижная смерть императора в возрасте 47 лет одиннадцати месяцев сразу же породила массу легенд. Чего только не рассказывали: царь не умер, а на английской яхте отплыл в Палестину, к святым местам; царя похитили казаки; государь тайно уехал в Америку. Версии были разные, но сходились в одном: император не умер, а вместо него в гроб положили похожего на него человека. Говорили, что это камердинер Александра I **Федоров**. Постепенно возникла легенда о Федоре Кузьмиче (Козьмиче; 1777–1864) — старце-отшельнике (но не черноризце, не монахе), который жил в Сибири (Томская губ.). Согласно легенде, под этим именем скрывался Александр I, хотя реальным человеком мог быть любой образованный дворянин, говорящий по-французски и знакомый со светским обиходом. И снова вспоминаются стихи Петра Вяземского «Сфинкс, не разгаданный до гроба».

Примерный перечень контрольных вопросов

1. «Аракчеевское десятилетие»: проблемы периодизации. «Мистицизм» Александра I.
2. Социально-экономическое развитие России после наполеоновских войн.
3. Внутренняя политика Александра I в 1815–1819 гг. Проблема реформ: намерения и реальность.
4. Создание военных поселений.
5. Народные движения в «аракчеевское десятилетие»: восстания крестьян и военных поселян. «Семеновская история».
6. «Мифологема всеевропейского заговора революционеров». Изменение внутриполитического курса в 1820 г.
7. Внешняя политика России в 1815–1825 гг. Конгрессы Священного союза.
8. Внутренняя политика Александра I в 1820–1825 гг.
9. Изменения во внутриполитическом и внешнеполитическом курсе Александра I в 1824 г.
10. Кончина Александра I и легенда о старце Федоре Кузьмиче.

Источники и литература

Учебники и учебные пособия

Брачев В. С. Масоны и власть в России (XVIII – первая четверть XIX вв.): Учеб. пособие. СПб.: Стомма, 2000. 227 с.

Высочков Л. В. «Дней Александровых прекрасное начало...»: Внутренняя и внешняя политика Александра I (1801–1811). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 110 с.

Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия: Учеб. пособие. М.: Весь мир, 2010. Гл. 19–21.

Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I: Учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. гос. ун-та, 2002.

История России с начала XVIII до конца XIX века / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1996. 685 с.

Кондаков Ю. Е. Российская империя в первой половине XIX века (Отечественная история): Учебно-методическое пособие. СПб., 2003.

Кондаков Ю. Е. «Русская симфония» — четыре века испытания на прочность (Государственная власть и церковные реформы в России XVI–XIX веков). СПб.: Изд-во РГПИ им. А. И. Герцена, 2006. 216 [1] с.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века / Вступ. ст. А. А. Левандовского. М.: Изд-во МГУ, 1993. 445 [1] с. (то же. М., 2004).

Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Ч. 2. 1812–1825. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 230 [2] с.

Окунь С. Б. Очерки истории СССР: Конец XVIII – первая четверть XIX века. Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1956. 414 [2] с.

Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: Из истории религиозных идей александровской эпохи: Пособие по спецкурсу для студентов исторического факультета. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2004. 175 [1] с.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории / Вступ. ст. А. Н. Фукса. М.: Высш. шк., 1993. 736 с.

Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А. История России с древних времен до наших дней: Учеб. пособие. М., 2008. 766 с.

Библиография

Государственная власть дореволюционной России в биографиях ее представителей (XIX – начало XX в.): **Указатель трудов, литературы о жизни и деятельности** / Науч. руководство, ред. и введ. А. А. Либермана. Ч. 1 (1801–1855). М.: Индрик, 2006. 845 с.

Источники

Александр I Павлович [К истории 14 декабря 1825 г.]: Собственно-ручная записка Александра I-го 1824 года // Русская старина. 1883. Т. 40. № 12. С. 659–660.

Государственная Уставная грамота Российской империи: Проект // Конституционные проекты в России, XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 411–453.

Державный сфинкс: [Сб. воспоминаний о времени царствования императора Александра I] / Сост. А. А. Либерман, В. Наумов, С. Шокарев. М., 1999. 608 с.

Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России конца XVIII – первой четверти XIX века: Сб. документов. Липецк: Изд-во гос. ун-та, 2003.

Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: Сб. документов / Под ред. С. Н. Валка. М.: Соцэкгиз, 1961. 1048 с.

[Лонгинов Н. М.] История о болезни и последних минутах жизни императора Александра, основанная на подлинных сведениях // Николай I: **Личность и эпоха. Новые материалы** / Отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 55–79.

Мадатова С. А. Императрица Елизавета Алексеевна в воспоминаниях ее бывшей фрейлины // Русские императоры, немецкие принцессы: Династические связи, человеческие судьбы / Ред.-сост. А. Данилова. М., 2002. С. 185–202.

Николай I. Записки. Тетради 1-ая и 2-ая «О наследии после смерти императора Александра I» // Николай I: **Личность и эпоха. Новые материалы** / Отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2007. С. 13–42.

Национальная политика в императорской России: Цивилизация окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) / РАН; сост., ред. и вступ. ст. Ю. И. Семенов. М.: Старый сад, 1997. 416 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). 1-е собр. Т. XXXII. № 25586; Т. XXXIII. № 26278, 26279; Т. XXXVI. № 27024, 27735.

[Пуцин П. И.] Дневник Павла Пуцина. 1812–1814 / Изд. подгот. В. Г. Бортневский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 222 с.

Сборник документов по истории СССР. Первая половина XIX века. М.: Высш. шк., 1974. 279 [1] с.

[Соллогуб В. А.] Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба с портретами его современников. СПб.: ТОО «Афина», 1993. 316 [2] с.

Соллогуб В. А. Воспоминания // Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л.: Слово/Slovo, 1988. 383 с.

[Шениг Н. И.] Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига / Собщ. С. Н. Шениг // Русский архив. 1880. Кн. 3. № 11/12. С. 267–325.

Шуазель-Гуффье (Шуазель-Гуфье) С. Исторические мемуары об императоре и его дворе графини Шуазель Гуффье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. Изд. 1829 г. / Пер. Е. Мирович; вступ. ст. А. А. Кизеветтера. М.: Кн-во К. Ф. Некрасова, 1912. 275 с.; То же. // Державный сфинкс / Сост. А. Либерман, В. Наумов, С. Шокарев. М., 1999.

Литература

Акульшин П. В. П. А. Вяземский: Власть и общество в дореформенной России. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 234 [3] с.

Ананьев В. А. Военные поселения в России (1810–1857 гг.) / Военная академия тыла и транспорта. Л.: Б. и., 1989. 61 с.

Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 911 с.

Андреева Т. В. Александр I // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. II. Девятнадцатый век. Кн. 1. А–В. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. С. 51–63.

Андреева Т.В. Александр I: 1825 год // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.: Нестор, 1997. Вып. 1. С. 63–85.

Архангельский А. Александр I. М.: Молодая гвардия, 2000. 443 с.

Барятинский В.В. Царственный мистик (Император Александр I — Федор Кузьмич). Л.: Сказ, 1990 [Репринт]. 144 с.

Болебрух А.Г. Крестьянский вопрос в передовой общественной мысли России (конец XVIII — первая половина XIX в): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988. 22 с.

Брюханов В.А. Заговор графа Милорадовича. М.: АСТ: ООО «Астрель», 2004. 415 [1] с.

Виттекер Цинтия Х. Граф Сергей Семенович Уваров. Уваров и его время / Пер. с англ. СПб., 1999. 348 с.

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: РОСПЭН, 1994. 592 с.

Вишленкова Е.А. Религиозная политика: Официальный курс и «общественное мнение» Александровской России. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1997. 189 с.

Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России в первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 444 с.

Высочков Л.В. Николай I. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с.

Гатуров Ш.А. Северный Кавказ в период «проконсульства» А.П. Ермолова (1816–1827). Нальчик: Эль-Фа, 2003. 381 с.

Гончарова Т.Н. Французская дипломатическая и консульская служба в России (1814–1818): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 23 с.

Гордин Я.А. Мистики и охранители. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 1999. 288 с.

Горностаев М.В. Государственная и общественная деятельность Ф.В. Ростопчина в 1796–1825 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Гречаная Е.П. Феномен баронессы Крюденер // Баронесса Крюденер. Незданные автобиографические тексты. М.: ОГИ, 1998. С. 5–37.

Гросул Я. С. Автономия Бессарабии в составе России в 1812–1828 гг. // Гросул Я. С. Труды по истории Молдавии. Кишинев, 1982.

Дебидур О. Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814–1873) / Пер. с фр.: В 2 т. Т. 1. Священный союз. (1814–1847). М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947. 482 с.

Дженкинс М. Аракчеев. Реформатор-реакционер. М.: Центрполиграф. 2004. 270 с.

Дружинина Е. И. Южная Украина. 1800–1825 гг. М., 1970. 331 с.

Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX в.) // Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты / Изд. подгот. П. В. Ильин. СПб., 2009. С. 25–144.

Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты // Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты / Изд. подгот. П. В. Ильин. СПб., 2009. С. 245–600.

Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981. 252 с.

Жидкова О. В. Русско-французские отношения в 20–30-е гг. XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 26 с.

Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм в России в первой четверти XIX в. Итоги и задачи изучения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.

Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I: Учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. гос. ун-та, 2002. 220 с.

Журавлева О. М. Епархиальная практика и церковно-государственная деятельность московского митрополита Филарета (Дроздова). 1821–1867 гг.: Дис. ... канд ист. наук. СПб., 2003. 264 с.

Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 368 [1] с.

Зорин А. Л. «Кормя двуглавого орла»: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М: Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.

Игнатович И. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М.: Соцэкгиз, 1937. 466 с.

Истомина Э. Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1982. 275 [2] с.

История внешней политики России. Первая половина XIX века: (От войн России против Наполеона I до Парижского мира 1856 г.). М.: Международные отношения, 1995. 445 с.

Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. 216 с.

Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. 2-е изд. М.: Славия, 2006. 175 с.

Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях России первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 344 с.

Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб.: РНБ. 2000. 312 с.

Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб.: РНБ, 2003. 360 с.

Кондаков Ю. Е. Государственная власть и эволюция высшего управления Русской православной церкви в первой половине XIX века: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004.

Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях России первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ, 2005. 343 [1] с.

Коришунova Н. В. «Либеральная диктатура» Александра I: Реформы в России в первой четверти XIX века. МГОУ, 2002. 250 с.

Латин В. В. Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. Л.: Лениздат, 1991. 251 с.

Латин В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008. 395 с.

Любезников О. Государственный деятель Николай Новосильцов (К постановке проблемы историко-биографического исследования) // Российское дворянство (XII – начало XX в.): Сб. материалов

конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 3–5 мая 2007 г. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 131–135.

Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОСПЭН, 1998. 651 [1] с.

Мещерякова А. О. Ф. В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. М.; Воронеж: Китеж, 2007. 262 [1] с.

Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение в России в начале XIX в. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1982. 288 [2] с.

Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 36–49.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990. 235 [2] с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). 3-е изд.: В 2 т. М.: Дмитрий Булавин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 583 с.

Молин Ю. Романовы: Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002.

Морозов А. В. Государственный совет в структуре государственной власти Российской империи (первая половина XIX в.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сев.-Зап. акад. гос. службы. СПб., 2001. 21 с.

Мустонен П. Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858 гг.: К типологии основ имперского управления [Saarigärvi Gummeris Kirjaino Oy, 1998].

Нанн Д. История костюма. 1200–2000. М.: Астрель, 2003. 343 с.

Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян европейской России в конце XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1987. 288 с.

Орлик О. В. Государственные люди России первой половины XIX века: Пути и судьбы. М.: Изд. Ин-та российской истории РАН, 2000. С. 269 с.

Осват А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальну повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М.: Книга, 1985. 303 с.

Познанский В. В. Становление русской национальной культуры. М.: Мысль, 1975. 223 с.

Садов Ю. В. Военная и государственная деятельность генерала А. П. Ермолова: Автореф. дис. ... канд ист. наук. СПб., 2006. 21 с.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: В 2 т. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1888. Т. 1. 517 с.

Тарасов Б. [Н] Чаадаев. М., Молодая гвардия, 1986. 447 [1] с. (ЖЗЛ).

[Тимошук В. В.] Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1909. Т. I–III [Рецензия] // Русская старина. 1910. Т. 142. С. 327–356.

Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. 2-е изд. СПб., 2008. Гл. 2. С. 70–156.

Томсинов В. Аракчеев. М.: Молодая гвардия, 2003. 429 с. (ЖЗЛ).

Том Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб.: Образование и Культура, 2002. 615 с.

Труайя А. Александр I, или Северный сфинкс. М.: Молодая гвардия, 1997. 320 с.

Тургаев А. С. Военные поселения и крестьянство Северо-Запада России в 1816–1857 гг. СПб.: Образование и культура, 2000. 293 [1] с.

Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М.: Высш. шк., 1997. 254 [1] с.

Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России, 1800–1860 (По материалам центрально-промышленных губерний). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 167 с.

Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов. 1816–1825 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 208 с.

Цамутали А. Н. Начало кризиса империи. Самодержавие Александра I и Николая I. Гл. 2. Проекты реформ после войны 1812–1813 гг. // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 231–251. (2-е изд. СПб., 2007).

Чернов К. С. «Государственная Уставная Грамота Российской империи» (К вопросу о российском конституционализме): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

Чернов С. Н. Павел Пестель. Избранные статьи по истории декабризма / Предисл. Т. А. Андреевой. СПб.: Лики России. СПб., 2004. 301 [1] с.

Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России: Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. 461 с.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1898. Т. IV. 653 с.

Шириянц А. А. Русский хранитель: Политический консерватизм М. П. Погодина. М., 2008.

Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб.: Нестор, 2009. 495 с.

Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века: Преемственность и развитие: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010. 43 с.

Экштут С. А. В поисках исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. 2-е изд. М., 2004. 210 с.

Юрчук К. И. Рентабельность свеклосахарного производства в до-реформенной России // Демидовский временник: Исторические исследования в Ярославском государственном университете: Сб. научных трудов Ярославль, 2004. С. 160–165.

Яковкина Н. И. О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX века // Вопросы истории России XIX–начала XX в. Л., 1983.

Ячменихин К. М. Армия и реформы: Военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов: Сіверянська думка, 2006. 442 [2] с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

К проблеме эволюции правительственной политики Александра I в послевоенный период	3
Историография	7

Тема 1. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...»

Новый образ императора

«Муж твердый в бедствиях и скромный победитель!»: Александр I	15
Мистицизм Александра I и образование Библейского общества	18

Тема 2. Россия после войны: Власть, общество, народ (социально-экономические процессы)

«Как денди лондонский одет»: дворянское общество после войны	24
«Земледельческий народ»: 90 % населения страны	32
«Всей России притеснитель»: Аракчеевщина	34
«Военные поселения — худший вид крепостничества»?	38
«У нас нет закона, нет денег, нет торговли...»: Итоги кризиса в экономике	49

Тема 3. Сожженная конституция: внутренняя политика и проекты реформ в 1816–1820 гг.

Крестьянский вопрос: Освобождение крестьян в Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерниях	58
«Балашовский опыт» и сибирская реформа М.М. Сперанского: Местное управление	62
Сожженная Конституция	69
Министерство духовных дел и народного просвещения	76

**Тема 4. «Кочующий деспот»: Россия в объятиях
«Священного союза»**

«Медовый месяц» Священного союза. Конгресс в Аахене	85
«Столько престолов низверженных...»: Европейские революции и национально-освободительные движения 1820–1823 гг.	87
Конгрессы Священного союза 1820–1822 гг.	90

**Тема 5. В годы активного солнца: народные движения
и «Семеновская история»**

Крестьянское движение	96
Восстания военных поселян	99
«Семеновская история»	102

**Тема 6. «Пагубный дух вольномыслия или либерализма»:
От либерализма к воинствующему консерватизму
(1821–1825 гг.)**

«Смена вех»: Перемена курса	106
«Таких мыслей никогда рассеивать не должно»: Апогей цензуры	114

Тема 7. «Утомление жизнью»: Александр I в конце царствования

«Утомление жизнью»: Судьба престола	117
«Кара Всевышнего»: Наводнение 7 ноября 1824 г.	119
«Так Богу угодно!»: Отъезд из Санкт-Петербурга	121
Кончина Александра I и легенда о старце Федоре Кузьмиче	127

Примерный перечень контрольных вопросов	141

Источники и литература	142

Высочков Л. В.

**«Аракчеевское десятилетие»: Внутренняя и внешняя политика
России в 1815–1825 гг.**

Учебно-методическое пособие

Корректор *У. Л. Романова*
Компьютерная верстка *Д. В. Романов*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 14. 03. 2011.
Формат 60х84¹/16. Усл. печ. л. 9, 6. Тираж 100 экз. Заказ № 3/11-36.

Отпечатано на полиграфической базе
Исторического факультета СПбГУ.
Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.